

Барнаул

2'2011

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

УЧРЕДИТЕЛЬ

**Фонд
Творческих
Инициатив**

ДИРЕКТОР

В. А. Кулешов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Е. Тихонов

РЕДАКЦИЯ

А. А. Карпов –
художественный редактор,

С. Е. Клюшников –
редактор отдела прозы,

В. М. Коржов –
редактор отдела краеведения,

И. Ф. Мордовин –
редактор отдела поэзии

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
ЧЕРЕЗ «РОСПЕЧАТЬ»

73617

ИЗДАЁТСЯ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО
С АВГУСТА 1993 ГОДА

<http://pisatel.air-door.ru>
e-mail: barnaul1993@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ

Ирина КОЛЕСНИКОВА. Звёздный гость Алтая.....	3
Ирина ЩЕТИНИНА. Мы все на одной орбите.....	7
Галина ПАРОШИНА. Вчера, сегодня, завтра звёздного музея	27
Ирина ПОДОЛЬСКАЯ. Алтайская хранительница космических достижений	30

ПРОЗА

Василий ШУКШИН. Космос, нервная система и шмат сала	20
Анатолий СОБОЛЕВ. Алтайский француз	65
Вячеслав МОРОЗОВ. Непридуманнные истории	91

ПОЭЗИЯ

Сергей ФИЛАТОВ. Безгласо в храме ненамоленном	11
Степан ТИТОВ. «Тёплой синевой окутана земля»	36
Юрий ПЕРМИНОВ. Прошлого светлые дни	53
Николай ФАДДЕЕНКОВ. Летящее время	86
Николай ГАЙДУК. Для детей	104

ПАМЯТЬ

Игорь ТОПОРОВ. История одного рисунка	41
Валентин КУРБАТОВ. Душою степи и моря	60
Владимир КОРЖОВ. Искупление вины	61
Ольга КАЗАНИНА. Наш замечательный земляк	62
Виктор АЩЕУЛОВ. Забвению не подлежит	71
Он был и останется с нами	79
Георгий БЛИНОВ. Его звали Слава	89
Сергей БОЖЕНКО. Сдержанное благородство летописца	90
Галина УЛЬЯНОВА. «...Служил действительную во флоте...»	108
Диана КУХАНОВЕЦ. Доброта, совесть, сострадание	117
Национальный характер в пословицах и поговорках	122
Светлана ДЁМКИНА. Человек увлечённый	130

КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир КОРЖОВ. Географ и революционер	126
Продолжатель славных дел	128

КНИЖНЫЙ ФАРВАТЕР

Нина ЯГОДИНЦЕВА. Страна одинокого снега	15
«На счастье родиться в России»	133
А. Лушников, А. Смирнов, Е. Рябова, С. Бузмаков, Е. Скрипин, Е. Ишутина, В. Тихонов, Е. Платунов, С. Чепров, А. Пономарь, Г. Замятина	132

На 1 странице обложки –
здание Молодёжного театра Алтая
(за неделю до торжественного открытия
после капитальной реконструкции).
Автор фото – Георгий Блинов.

Набор, корректура – О. В. Тихонова.
Вёрстка, оформление – А. А. Карпов.
Сдано в набор 14.04.2011 г. Подписано к печати 14.06.2011 г.
Формат 70 x 108^{1/16}. Бумага офсетная.
Обложка «лён». Усл. п. л. 14,3.
Тираж 1000 экз. Заказ №. 2661.

Отпечатано в ОАО «Алтайский Дом печати»:
656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28.

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул,
ул. Анатолия, 102, Дом писателя. Телефон 63-27-26.

К рассмотрению принимаются рас-
печатанные экземпляры рукописей (проза и
публицистика с правыми и левыми полями
по 2 см), выполненные на компьютере, с
последующим предоставлением набора
текста в формате doc. («Word»).

Рукописи не рецензируются и не
возвращаются. За достоверность фактов
ответственность несут авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с точкой
зрения редакции.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС
12-0555 от 12.10.2005 г., выданное Управ-
лением федеральной службы по Сибирско-
му федеральному округу.

ЮБИЛЕЙ

ЗВЁЗДНЫЙ ГОСТЬ АЛТАЯ

РЕПОРТАЖНАЯ ХРОНИКА

«Мне очень повезло в жизни. Я родился в стране, которую люблю, добился того, о чем мечтал. Осталось только слетать на Марс... Кто хоть раз побывал в космосе, обязательно хочет вернуться. К звездам тянет. В космосе нет политики. В космосе нет войн. Мы работаем вместе: американцы, русские, европейцы, японцы – все люди, которые живут на Земле. Поздравляю вас с этим замечательным юбилеем!»

С такими словами обратился к барнаульцам – посетителям фотовыставки «Я хочу показать вам Землю», приуроченной к 50-летию полёта Юрия Гагарина в космос – Юрий Лончаков, командир отряда космонавтов, Герой России, полковник, доктор технических наук.

4 мая 2011 года Юрий Лончаков прибыл со своими друзьями Олегом Татковым и Владимиром Осташкевичем на Алтай. В Барнауле их встретили организаторы выставки художники Ирина и Анатолий Щетинины, спонсоры проекта Александр Поддубный и Виталий Архипенко.

В этот же день началось трёхдневное путешествие в Горный Алтай. По дороге в Усть-Кокее в Катунский заповедник космонавт посетил село Полковниково Косихинского района – родину космонавта-2 Германа Степановича Титова, где его радушно встретила директор музея Галина Николаевна Парошина (на фото). Строящийся там к юбилею 50-летия полёта в космос Г. С. Титова мемориальный музейный комплекс приятно удивил масштабом и современным архитектурным решением.

Юрий Лончаков на фоне Пикета.

Далее космонавт с друзьями приехал в Сростки – на родину нашего замечательного земляка Василия Макаровича Шукшина. На память остались впечатления и фото со школьниками возле дома матери В. М. Шукшина. Сростинский храм Святой Екатерины изумил наших гостей своей сказочной архитектурой.

Автограф на память.

Алтайская природа – цветущий в это время багульник, быстротечная Катунь, озеро Ая!.. – покорила Юрия Лончакова, Олега Таткова и Владимира Осташкевича своим величием и красотой.

Много интересных встреч случилось за это время. Директор Катунского заповедника Александр Викторович Затеин организовал прекрасную экскурсию по Катунь на катере с рыбалкой, показал много красивейших и уникальных мест. Встречи с двумя местными жителями – рыбаком Валерой и мальчиком Валериком (**на фото**) запомнятся надолго! Каждая – это отдельный рассказ. Экскурсия на вертолёте дала возможность увидеть недоступные места. Все, кто встречал на алтайской земле Героя России космонавта Юрия Лончакова и его друзей, выражали своё уважение, восхищение, глубокую симпатию и радость от встречи и знакомства с ними.

После ознакомительной поездки по Алтаю 7 мая 2011 года был приём у губернатора Алтайского края Александра Богдановича Карлина, состоялся заинтересованный разговор **(на фото)**. Юрий Валентинович высказал благодарность от всех космонавтов за создание мемориального музея Г. С. Титова и передал губернатору флаг России, побывавший в космосе. Александр Богданович пригласил командира отряда космонавтов на Алтай в дни празднования юбилея 50-летия полёта в космос Германа Титова и на открытие музейного комплекса.

У дома отца, г. Новоалтайск.

Депутат краевого Законодательного собрания главный онколог края Александр Фёдорович Лазарев принял в дар для больных детей от Юрия Валентиновича фотографии с выставки «Я хочу показать вам Землю». Космонавт посетил строящийся краевой онкологический центр, с удовлетворением отметив его современнейшее техническое оснащение (на фото в центре – губернатор Алтайского края Александр Карлин, слева – Александр Лазарев, справа – Юрий Лончаков).

В Арт-галерее Шетининых прошла пресс-конференция космонавта Юрия Лончакова. Школьники и студенты получили возможность пообщаться с ним ещё и как с автором уникальных фотографий и задать свои вопросы (на фото).

Он с удовольствием ответил на них и рассказал много интересного. Барнаульские школьники гимназии № 42 сделали для Юрия Валентиновича подарок – театрализованное действие с запуском ракеты из папье-маше. Космонавт скомандовал «Пуск!», и под восторженные крики и овации ракета взмыла в барнаульское небо с помощью воздушных шаров.

Арт-галерея всем гостям подарила альбом, изданный для выставки, в котором космонавт Юрий Лончаков оставил свой автограф. Всё происходило в атмосфере праздника. Наш гость был центром притяжения. Его внимания и искреннего расположения хватало всем! Всех покорила простота и обаяние космонавта – настоящего героя и творческого человека. Его полюбили на алтайской земле.

Во время общения выяснилось, что отец Юрия Валентиновича – наш земляк, родом из Чесноковки (г. Новоалтайск). С помощью краеведа Валерия Алексеевича Полянина, а потом и бывших соседей, он нашёл дом, где родился и жил отец до 1949 года (**фото на стр. 5**). Удивительно, провидение помогло осуществить и этот замысел!

Юрий Валентинович привёз на Алтай икону Николая Чудотворца, побывавшую в космосе, и передал её в дар новой строящейся в Барнауле церкви Иоанна Богослова. Настоятель храма о. Георгий и прихожане с благодарностью приняли такой дорогой подарок.

В финале визита наши гости побывали у памятника жертвам политических репрессий «Прощание», который тронул их до глубины души. «Мы ничего подобного нигде не видели!» – говорили они.

Прощальный вечер с друзьями – это и радость общения и грусть из-за неизбежного расставания!..

До новых встреч, Юрий Валентинович! Мы всегда Вас ждём! Храни Вас Бог!

Ирина КОЛЕСНИКОВА.

МЫ ВСЕ НА ОДНОЙ ОРБИТЕ

*Можно научиться ценить каждую каплю росы,
отражающую мириады миров.*

*Любовь к лилиям и дальним мирам
имеет в основе ту же космичность.*

Так будем измерять космической любовью!

Николай Рерих

...Я родилась 12 апреля и по воле судьбы связана с космосом – ощущаю свою причастность со всем и всеми, кто так или иначе находится на этой «орбите».

Очень дорожу и горжусь 30-летней дружбой нашей семьи с замечательным земляком, теперь москвичом, гордостью Алтайского края Яковом Никифоровичем Скрипковым – нашим наставником и нравственным ориентиром.

Я. Н. Скрипков – профессор, народный художник России, поэт, общественный деятель и просто «счастливый человек», по его же утверждению, любит повторять слова Достоевского: «Я не знаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, говорить с человеком и не любить его...» В юном возрасте Яков Скрипков уехал в Москву и сделал себя сам: выучился, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, преподавал, как художник-монументалист участвовал в оформлении

Фоторабота Юрия Лончакова «Над Австралией».

многих общественных зданий и театров, например, Алтайского краевого театра драмы имени В. М. Шукшина.

Пожалуй, для нас – его земляков – самое замечательное, что художник с Алтая стал первым, кто нарисовал первый портрет первого космонавта Вселенной Юрия Гагарина. Более того, он – автор портретов и друг всех первых покорителей космоса. А для нашего земляка Германа Степановича Титова – второго космонавта планеты – Яков Никифорович был самым большим авторитетом в жизни, как и его отец – Степан Павлович.

В юбилейный для космонавтики год мы от всей души поздравляем Якова Никифоровича Скрипкова, имя которого стоит рядом с покорителями космоса, с этой знаменательной датой! Он увековечил их подвиг, создав в Звёздном городке Аллею космонавтов. Так началась художественная летопись отечественной космонавтики.

В самом начале деятельности наша галерея получила поддержку от Я. Н. Скрипкова. В 2009 году в Алтайский край приезжала монгольская делегация, которую возглавлял первый лётчик-космонавт Монголии Жугдэрдэмидийн Гуррагчаа. В нашей галерее на выставке «Монголия – Россия», посвящённой 70-летию победы на Халхин-Голе, экспонировался его портрет работы Я. Н. Скрипкова. На открытии выставки космонавт сказал: «Мне довелось увидеть нашу планету сквозь огромное расстояние. Да, наша Земля маленькая, но она прекрасна. Народы всех континентов, всех стран Земли, если разобраться, живут рядом, словно на одном космическом корабле, несущемся по просторам Вселенной, и потому должны беречь свою планету, дорожить миром и спокойствием на ней». Здесь же состоялась их встреча.

Космонавт Ж. Гуррагчаа возглавляет общество друзей России, как и российский космонавт В. Горбатко – общество друзей Монголии (кстати, Анатолий Щетинин – член правления центрального общества друзей Монголии – получил медаль из рук этих космонавтов). Это пример того, что миссия космонавтов и художников всех стран – оберегать нашу общую Землю, показывая её благодатную красоту. Как

известно, Алтай является одним из важнейших мировых центров межкультурного диалога и дружбы народов. Алтай всегда притягивал и притягивает внимание философов и художников, а теперь и космонавтов!

Фотовыставка «Я хочу показать вам Землю» – ещё одна возможность взглянуть на Землю глазами космонавта Юрия Лончакова. Много мальчишек за эти 50 лет мечтали о полётах в космос. И многим уже удалось осуществить свою мечту.

Друг космонавта Юрия Лончакова врач Олег Татков рассказал потрясающую историю о Саше Гаврилове, который начал выздоравливать, получив в подарок фотографии Юрия Лончакова, сделанные в космосе! Мы верим, что случайных встреч не бывает, и эта история о чудесном исцелении мальчика – космическая закономерность, из которой следует, что добро должно побеждать всё.

1 июня – в День защиты детей – выставка «Я хочу показать вам Землю» передана в онкологический центр. Как говорится, пользуясь случаем, мы благодарим спонсоров этого проекта – директора автоцентра АНТ Александра Поддубного, директора барнаульского аэропорта имени Г. С. Титова Виталия Архипенко, – с помощью которых фотографии выставки были подготовлены и оформлены на высоком художественном уровне. Радостно, что рядом с фотоработами известного космонавта экспонировались работы барнаульских школьников «Космос глазами детей». Мы благодарны за подготовку этой экспозиции директору БДШИ № 1 Е. М. Соколовой, преподавателям БДШИ № 1 Т. В. Брум, Н. В. Гречневой, а также директору Барнаульского планетария Г. И. Шкловской.

Пожалуй, особый интерес у посетителей выставки вызвали рисунки Семёна Поддубного (11 лет) «Белка и Стрелка – первые космонавты», Юли Щекотовой (12 лет) «Покорение космоса», Кати Бологовой (12 лет) «Юра Гагарин и его первый макет самолёта». Эта выставка детских работ также передана в дар краевому онкологическому центру.

Саша Гаврилов в гостях у Юрия Лончакова.

В Алтайском крае в Год российской космонавтики проводится много мероприятий. Например, были выявлены новые имена наших земляков, жизнь которых овеяна славой космоса. Этой работой активно занимались корреспонденты газеты «Алтайская правда» и научные сотрудники Барнаульского планетария.

В августе в честь 50-летия полёта в космос Германа Степановича Титова откроется новый музей на его родине – в селе Полковниково Косихинского района. Наша галерея примет участие в праздновании этого важного для Алтайского края события. Мы рады, что автор выставки «Я хочу показать вам Землю» Юрий Лончаков передал часть экспозиции в дар музею Г. С. Титова.

Книга отзывов об этой выставке полна восторженных слов благодарности посетителей за редкую возможность увидеть Землю глазами космонавта с орбиты МКС. Из космоса не видно границ между государствами, и мы глубоко удовлетворены, что нашу выставку увидели иностранцы – китайцы, арабы, монголы... «Духовная сила велика. Дружба», – написали китайские студенты. «Фотографии, конечно, поражают. Но какое огромное уважение вызывает то, что Вы делаете для людей. Пусть таких счастливых историй будет больше. Огромное Вам спасибо, Юрий Валентинович! Пусть на нашей планете тоже никогда не будет грязной политики и войн. Надежда». Пишет школьник: «Мне всё понравилось. Показали бы Вы Луну покрупнее, Марс и ещё чего-нибудь...». «... Спасибо, душа ахнула от увиденного...». «Тема космоса всегда волновала и будет волновать умы человечества. Вид Земли из космоса – это прекрасно...» – студенты факультета искусств АлтГУ. Вот отзыв и их преподавателя профессора Т. М. Степанской: «Выставка такого уровня – событие в культурной жизни города и края. Лицо Земли из космоса столь впечатляюще новизной и красками! Земля – живой организм, он помогает детям!!! Спасибо автору и галерее!»

Мы желаем Юрию Валентиновичу Лончакову осуществить свою мечту – слетать на Марс и поделиться с нами новыми впечатлениями и открытиями. Мы благодарим всех неравнодушных людей за добрую отзывчивость и деятельную поддержку в осуществлении глубоко нравственного дела – помощь больным детям. Очень символично, что наша благотворительная выставка проходила в пасхальные дни! Верим, что небесные покровители благославляют и направляют все наши добрые мысли и деяния.

С любовью и надеждой!

*Ирина ЩЕТИНИНА,
член Союза художников России.*

ПОЭЗИЯ

Сергей
ФИЛАТОВ

Сергей Викторович ФИЛАТОВ родился 1 июня 1961 года в г. Омске. После окончания Алтайского политехнического института работал на производстве, в журналистике. Участник IX Всесоюзного совещания молодых литераторов (1989 г.). Учился в Литинституте им. Горького. Публикуется в краевой, региональной и центральной периодике. Автор шести поэтических книг и одной книги прозы. Лауреат краевых премий имени В. М. Шукшина (1992 г.) и Л. С. Мерзликина (2006 г.), премии журнала «Барнаул» в номинации «Проза» (2006 г.), победитель Московского международного конкурса «Золотое перо-2008». Редактировал альманахи «Бийск», «Музейный вестник», «Бийский вестник», «Чуйский тракт». Член редсовета журнала «Огни Кузбасса» и ряда изданий Фонда «Возрождение Тобольска». Член Союза писателей России, членкор Петровской академии. Почти полвека живёт в Бийске. *Уважаемый Сергей Викторович, поздравляем Вас с 50-летием! Желаем Вам житейских удач и новых творческих успехов, бодрости духа и крепкого здоровья!*

БЕЗГЛАСО В ХРАМЕ НЕНАМОЛЕННОМ

1 ИЮНЯ

Замысел картины, холст, масло

Воздух огромный, ленивый
запахом трав и дорог
густо – что светом – пронизан,
точно слоёный пирог.

Мир – как ведётся – от Бога.
Солнца июньский разлив...
Поле. А краем – дорога,
а вдоль дороги – поляны.

А впереди – впереди ли? –
синь ли?.. небес торжество?..
Я ли, блаженный, родился?..
И – никого!
Никого...

ИСТОКИ

Июль. Жара. Клубника спелая.
И даль открыта и светла...
А там, торжественна, как первенец,
Русь вытекает из села.

Зачем?.. Куда?.. В какие странствия?..
К каким заветным берегам?..
А здесь пока – свежо и радостно,
Как в детстве... как босым ногам...

А здесь – покосом пахнет, травами,
Березняком... Лежит река,
Как на ладони мир расправленный...
Июль. Дорога. Облака.

ПАМЯТКА ИЗ ДЕТСТВА

Сергею Алексееву

В бору темно:
там леший бродит ли,
страх ли таится под кустом...

А за селом, за огородами –
звезда соседствует с крестом,
и в мире,
и в покое...
Кладбище –
что продолжение села...

Но в детстве всё пока что – радостно,
а где ж ещё мальчикам играть?!
И ягоды по-над могилками
помянут,
слаще, чем в бору... –
и нет ни дома, ни родителей –
нет ничего уже вокруг.

Лишь холмики:
одни – с оградкою,
другие – без...
Что те миры...

И время утекло играючи
к закату...
Жизни ли,
игры?..

МАТЬ

*«...наверна замир в этот месяц дитенак
я нимнога задиржала ну милай нимнога
пирижыть труднаст... числа 25 апеть
получиш двести рублей милай мой...»*

*Из письма Марии Сергеевны Куксиной
Василию Макаровичу Шукшину*

Мария, что на иконе,
Держит Младенца-Сына...
А сын далеко-далёко
Где-то в москве-россии.

Две Марии. Но боль одна,
Жесткосердна, что мир,
И бездонна, –
У Марии, что у окна,
И у той, что глядит с иконы.

И что за москва-россия,
Что за даль их, сынов,
Зовёт-манит? –
Спросить бы... Но не спросила, –
Значит, так надо...

Два мужа... и всё – в прошлом:
Один «враг народа», второй –
Геройски сгинул на фронте,
И зажили – только-только...

Поправить забор бы надо,
Да крышу...
Еще, вот жалость, –
Послать бы Тале* и Васе,
Да пенсию подзадержали.

Подвяжет платком спину,
Сквозит от окна стойко...
И пишет ТУДА... сыну:
«Наверна замир... дитёнак...»

***

Скорая помощь – какая ты скорая! –
словно весною вода.
Дети не гуляны, кошка не кормлена,
эх, растудыт в растуда!..

Скорая.
Помощь.

Все точки расставлены,
только они не над «и».
Нам ли состариться!..
Вот и состарились,
словно желанья мои.

Строки родятся до талого скорбные
или орёт вороньё?..
Скорая помощь, ты всё-таки скорая, –
точно прощанье моё.

* Так в семье звали Наталью Макаровну – родную сестру В. М. Шукшина.

***

*Светлой памяти Виктора Брюхова –
хорошего человека
и талантливого журналиста...*

Долго собирался брызнуть дождик,
Да раздумал, взял нас на испуг...
Вот и всё. Ты никому не должен.
Трезв. И собран в свой последний путь.

И уже – вину усугубляя,
Чтоб попасть начальству на кукан –
Ты теперь нигде не подгуляешь,
Не затянешь песнь про ямщика.

Трезв и собран... Чист и беззаботен,
Как слеза... как свет одной слезы...
Даже увольнением с работы
Впредь тебе никто не пригрозит.

Мир не дом. Скорее призрак дома,
Если в нём не раб ты и не шут...
Я ведь тоже никому не должен.
Оттого и «одов» не пишу.

***

Август. Душа засыхает как листья.
Как полоса отчуждения – август...
Скрипнет калитка. Как будто окликнет,
Вас ли?..

Сад ли забвением тонким пронизан,
Сон ли таится в дремучих распадах?.. –
Времени нет там, где вечность проникла
Крадучись в память.

Скоро – но вновь не уловишь момента –
Перегорят и проявятся дали,
Осень по-лисий войдёт незаметно,
Как-то неожиданно...

***

Лето пройдёт. А с летом кончится торжество.
Стану почётным членом общества своего.

Где я в одной из комнат, где я совсем один.
Где в Интернете – кто-то... а за окном – дожди.

Где впереди не светит. И безразличен свет.
Впору бы выпасть снегу...
Скоро ли этот снег?

***

Первый снег. И запах мышьяка.
Словно в кабинете зубника.
Родина – такая. Но моя...

Хрупкие и острые края
уводящей в память белизны –
будто бы забвенью, до весны.

До ручьёв, до талого в виске
пульса – точно бритвой по строке, –
до начала
жизни...

А пока –
Белый снег. И привкус мышьяка.

***

Вокруг февральское безмолвие –
когда же холод этот кончится! –
как будто в храме ненамоленном
безгласо подвывает колокол.

В затишии между метелями –
поля, затянутые саваном...
И всё же что-то ещё теплится,
ещё с душой соприкасается...

***

У берегов уже промоины,
Хотя река ещё не тронулась...
Но тронулись – скажу крамольное, –
Мы все умом куда-то тронулись.

И лёд по-мартовски обманчивый.
И март по-девичьи изменчивый.
И в выстраданном понимании
Ещё ни капли разумения.

Уже – ни родины, ни должности...
Ещё – живы глубины памяти
И чувство, что тебе недодали,
Сослав на сон в районы спальные.

И нам бы лучше спать по-тихому
И даже спать во сне, наверное...
До ледохода – час с полтиною.
До края. Может быть. Мгновение.

СТРАНА ОДИНОКОГО СНЕГА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЕЩЁ НЕИЗДАННОЙ КНИГЕ ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Пожалуй, как нигде в столицах, традиционная поэзия органично развивается и естественно востребована в провинции, где человек по-прежнему близок к природе. Музыка слова здесь созвучна ветрам и водам, а смыслы прочно связывают крохотное и краткое человеческое существование с бытием безграничного, бесконечно сложного Мира, законы которого мы едва-едва начинаем постигать. Традиция здесь не застывшая форма, не привычная колея, – она насущна и потому органична, она не ломает пульс жизни в угоду сиюминутному новому, но стремится осмыслить это новое, принять его и сделать частью бытия, не разрушая жизненных основ.

*В чаду вороньем, в чёрной пене ли
Шёл некий год. И гулы шли.
И нарастал закат империи
Багровой глыбою вдали.*

*И в некий час ударил колокол,
Раскалывая небеса.
И всё осыпалось осколками,
В которых август угасал.*

*И в злато, было уж зачахшее,
Тоской высокою впелись
И благородство, и отчаянье...
И первый холод от земли...*

Избранные стихотворения Сергея Филатова – напряжённый труд соединения трагически рассыпающегося человеческого мира и – Мира незыблемого, гармоничного, непостижимо вечного. В этом, собственно, смысл поэзии – сегодня только ей, осмеянной, «модернизированной», разъеденной кислотной иронией, оболганной бесконечным пустословием, – только ей единственной всё-таки под силу восстановить внутренний космос человека, а значит, и весь человеческий мир вокруг него.

Те «якоря», пусть крохотные, но зацепки, пусть тонкие, но живые связи-смыслы, которые выстраивает сегодня – как и всегда – поэзия, удерживают человека и человеческое от распада. Поэзия бьётся за них до последнего дыхания, но когда доходит до предела и последнее – открывается дыхание второе, иное, начинает звучать иная сила, концентрирующая в человеке огромные пласты времени, память народную и память языковую.

*Ночь города в окно посеяна
С есенинской похмельной нежностью,
Раскинуто бельё постельное,
Как Русь безропотная, снежная.*

*Возможны ли другие ценники,
Когда и дверь разбойно взломана!..
И самые глухие циники
Лишь ухмыльнутся: – Нецелована!*

*Что мне до них! Я сам пожалован
В жестокий чин душеспасителя.
Я, как Москва, горю пожарами -
Не за Россию, за спасибо...*

В лучших своих стихах Сергей Филатов одновременно и современен, и традиционен. Современность его – в ощущении мировых трещин и разломов, в осознании великих потерь, в естественной, вполне понятной растерянности перед ужасом времени. Традиционность – в спокойном мужестве преодоления, в лирической силе сочувствия и сопереживания, в могуществе любви и прощения. В той вере, которая одна способна преодолеть отчаянье.

*Слово, как влажную марлю, прикладывает
На оголенную рану вины...
Вечер, наполни мне сердце прохладой
И успокой меня светом иным.*

*Все это больше, чем миг отречения
От непосильного счастья в миру.
Время, открой мне исконность речения,
Чтобы понять, что и впредь не умру.*

*Золотом осени, тихой отрадою
Ты осени мою душу и плоть,
Тихий раскидистый клён над оградой...
Видишь, как мало мне надо, Господь!*

Не случайно в лирике Филатова мощно прорываются есенинские мотивы – тому причин множество: и времена рифмуются, и темпераменты родственны, и душевная боль за век не только не утолена, но стала глубже и горше... Сам лирический герой книги прямо говорит об этом родстве, и оно воспринимается как знаковое и значимое. Не подражание – бессмысленно подражать Есенину! Не продолжение – кому дано сказать, тот всё сказал! Именно родство, родовая память, родовые черты.

В поэтическом космосе Филатова, в полном согласии с традицией, гармонично сведены, а зачастую и неразрывно слиты малое и великое, как, например, жилы и реки: «Невозможно остаться никем.// Неизбежно – остаться. Диктую // По скрещению вен на руке, // По слиянию Бии с Катунью...» – и здесь сами упругие, мощные названия рек – имена их – словно вливают в кровь силу! И внутри метафоры безнадёжности закономерно рождается незыблемая надежда:

*Видишь, лужи стянуло льдом,
Как глаза во хмелю. Чей там дом?
Да не мой ли дом?.. Кто там спит? Да не я ли сплю...*

*На чужбинах родной страны
Разметало мой путь земной...
А поля ещё так черны, так пусты поля...
Как весной.*

В одном из стихотворений «Светлой книги», частью вошедшей в избранное, есть образ «страна одинокого снега». Этот образ можно счесть и парадоксально-случайным – ведь дальше автор добавляет: «страна одичавшей тоски». Но мы рискнём определить его в качестве парадоксально-ключевого, в какой-то степени дающего нам разгадку характера и судьбы лирического героя, которого мы рискнём назвать народным.

Сегодня слово «народный» стало синонимом то ли научному «фольклорный», то ли почти ругательному «простонародный» – нищий, растерянный, убогий... Лирический герой Сергея Филатова народен в ином, парадоксальном смысле – как «одинокый снег» – то, чего много, то, что ощущает себя целым, таковым вроде бы и не являясь, то, что более относится к природным стихиям, чем к миру сугубо человеческому (социальному), и подчиняется Божьему соизволению, а не случаю или произволу. Смысл «одиночества» здесь более личностен, чем трагичен, хотя и сила трагизма ощутима почти в каждом стихотворении.

*Февраль обложил, что тоска вечерами –
Когда одиночество душу не греет.
Сто первая вьюга погост затирает,
А сотая вьюга под снегом стареет.*

*И поле за логом безмолвно, как Слово,
И даль за оврагом пуста и бездонна...
Всё глубже морщины, всё дале былое.
Ладонь разжимаешь...*

И пусто в ладони.

Снег. То, что есть, – и то, чего нет буквально через мгновение. То, что застилает, стирает – и одновременно обновляет, питает, дарит надежду. Это один из магистральных образов для Филатова, образ, через который многогранно выражается мироощущение поэта, а за многогранностью совершенно отчётливо ощутима внутренняя цельность личности, позволяющая ей быть мгновенно изменчивой в состояниях и неизменной по сути. Буйная буря и замирание в радости, стойкое мужество и непостижимая нежность, пьяная удаль и вековая вина – всё суть разные состояния, испытующие дух, и надо через них пройти, чтобы увидеть:

СНЕГОПАД

*Пахнет небом и ладаном
Вне пространства и времени.
Так приходят на кладбище
И приходят к прозрению.
Как отчетливо дышится
И замедленно тянется!..
Оборвется, и лишнего
Ничего не останется...*

Мгновенье, когда обрывается дрящееся состояние, чувство очищения и обновления приходит пронзительным мгновением весны, свет (снег) уходит во тьму (землю), и тьма становится светом, а начало нового жизненного круга – исповедью:

*Светоносная, первая, тайная,
Словно чудо в порочном кругу, –
Замерцала на склоне проталина
Робкой свечкой в глубоком снегу!*

*Или жизнь мне пригрезилась сызнова...
Или радость земного тепла
Тихой девочкой в чёрной косыночке
Исповедовать душу пришла.*

Тем и отличается сегодня традиционная поэзия от трагически осовремененной, что она сохраняет в себе меру вещей и явлений, их гармонию, со-ответствие. И крайности в ней не вступают в противоречие друг с другом, они суть магнитные полюса целого, между ними рождается могучий ток жизни. Он может ослабевать, а иногда кажется, что исчезает и совсем, но таково родовое свойство русской культуры – как только восстанавливают свой смысловой заряд полюса, ток заново обретает силу...

Ведущие темы творчества Сергея Филатова – жизнь, любовь, смерть. Они более чем традиционны, но в истинной поэзии должны наполняться личным содержанием так плотно, чтобы каждый раз становиться открытием. Ведь каждый из нас, пишущий, читающий или просто живущий, сталкивается с этими понятиями сам, лично, без посредников, в первый и в последний раз. И единственно возможная «территория новизны» – личное осмысление жизни, любви и смерти в границах данного времени и в пределах страны, где суждено родиться, любить и откуда рано или поздно надо будет уйти.

*Вёсла ложатся короткими взмахами
В тёмную воду. Глухая пора.
В тёмной рубахе, застёгнутой наглухо,
Сумерки сводят коней со двора.*

*Утром хозяин проспится и хватится –
Пустошь похмелья да холод с реки...
Что-то недоброе есть в волховании:
В звуках приглушенных, в чреве строки...*

*Будто готовится мутное варево
И замышляется тайное зло.
Знаешь, мне страшно с собой разговаривать
И понимать отчуждение слов.*

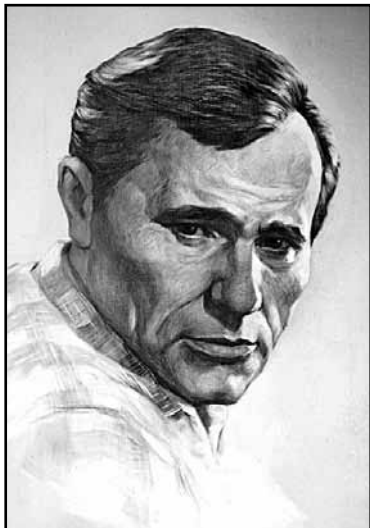
*За полночь. Кто-то невидимый ахает.
Вечности близкой темнеет нора.
Время уходит короткими взмахами.
И на земле – ни кола, ни двора...*

И всё-таки ведущими, главными, на наш взгляд, для поэта являются не темы, а сама музыка речи, которая естественно рождается из глубины дыхания, из тока крови по жилам. Эта музыка свободна в пределах классической формы, но столь же естественно она может приближаться к почти разговорной ритмической вольнице. Филатов любит свободные рифмы, усечённые созвучия, он не скован поэтическим метром. Все составляющие стиха служат одному – внутренней правде слова:

*Свет очищенный, свет дочерний,
Августовский прохладный свет...
Так душа плывет по течению,
Так внимают листве.*

*Эти дни отстранённо синие
Отрывают взор от земли.
То ломая, то строя линию,
Журавли летят...*

П Р О З А

Василий ШУКШИН

Журнал «Барнаул» изначально и постоянно уделяет пристальное внимание жизни и творчеству В. М. Шукшина, представляя своим читателям исследовательские и литературоведческие статьи. С прошлого года у нас установилась новая традиция – публиковать во втором номере один из его рассказов, так или иначе созвучный, как говорится, теме жизни. 2011 год – Год российской космонавтики. Конечно, публикуемый сейчас рассказ не только о космосе, он о науке и образовании, о взаимоотношениях поколений, о связях между городом и селом, о войне и мире... Таков Шукшин – великий русский писатель, актёр, режиссёр, философ...

КОСМОС, НЕРВНАЯ СИСТЕМА И ШМАТ САЛА

Старик Наум Евстигнейч хворал с похмелья. Лежал на печке, стонал. Раз в месяц – с пенсии – Евстигнейч аккуратно напивался и после этого три дня лежал в лёжку. Матерился в бога.

– Как черти копытьями толкут, в господу мать. Кончаюсь...

За столом, обложенным учебниками, сидел восьмиклассник Юрка, квартирант Евстигнейча, учил уроки.

– Кончаюсь, Юрка, в крестителя, в бога душу мать!..

– Не надо было напиваться.

– Молодой ишо рассуждать про это.

Пауза. Юрка поскрипывает пером.

Старику охота поговорить – всё малость полегче.

– А чо же мне делать, если не напиться? Должен я хоть раз в месяц отметиться...

– Зачем?

– Што я, не человек, што ли?

– Хм... Рассуждения, как при крепостном праве. – Юрка откинулся на спинку венского стула, насмешливо посмотрел на хозяина. – Это тогда считалось, что человек должен обязательно пить.

– А ты откуда знаешь про крепостное время-то? – Старик смотрит сверху страдальчески и с любопытством. Юрка иногда удивляет его своими познаниями, и он хоть и не сдаётся, но слушать парнишку любит. – Откуда ты знаешь-то? Тебе всего-то от горшка два вершка.

– Проходили.

– Учителя, што ли, рассказывали?

– Но.

– А они откуда знают? Там у вас ни одного старика нету.

– В книгах.

– В книгах... А они, случайно, не знают, отчего человек с похмелья хворает?

– Отравление организма: сивушное масло.

– Где масло? В водке?

– Но.

Евстигнейчу хоть тошно, но он невольно усмехается:

– Доучились.

– Хочешь, я тебе формулу покажу? Сейчас я тебе наглядно докажу... – Юрка взял было учебник химии, но старик застонал, обхватил руками голову.

– О-о... опять накатило! Всё, конец...

– Ну, похмелись тогда, чего так мучиться-то?

Старик никак не реагирует на это предложение. Он бы похмелился, но жалко денег. Он вообще скряга отменный. Живёт справно, пенсия неплохая, сыновья и дочь помогают из города. В погребе у него чего только нет – сало ещё прошлогоднее, солёные огурцы, капуста, арбузы, грузди... Кадки, кадушки, тусски, бочонки – целый склад. В кладовке полтора куля доброй муки, окорок висит пуда на полтора. В огороде – яма картошки, тоже ещё прошлогодней, он скармливает её боровам, уткам и курицам. Когда он не хворает, он встает до света и весь день, до темноты, возится по хозяйству. Часто спускается в погреб, сядет на приступку и подолгу задумчиво сидит. «Черти драные. Тут ли счас не жить», – думает он и вылезает на свет белый. Это он о сыновьях и дочери. Он ненавидит их за то, что они уехали в город.

У Юрки другое положение. Живёт он в соседней деревне, где нет десятилетки. Отца нет. А у матери кроме него ещё трое. Отец утонул на лесосплаве. Те трое ребята моложе Юрки. Мать бьётся из последних сил, хочет, чтоб Юрка окончил десятилетку. Юрка тоже хочет окончить десятилетку. Больше того, он мечтает потом поступить в институт. В медицинский.

Старик вроде не замечает Юркиной бедности, берёт с него пять рублей в месяц. А варят – старик себе отдельно, Юрка себе. Иногда, к концу месяца, у Юрки кончаются продукты. Старик долго косится на Юрку, когда тот всухомятку ест хлеб. Потом спрашивает:

– Всё вышло?

– Ага.

– Я дам... апосля привезёшь.

– Давай.

Старик отвешивает на безмене килограмм-два пшена, и Юрка варит себе кашу. По утрам беседуют у печки.

– Всё же охота доучиться?

– Охота. Хирургом буду.

– Сколько ишо?

– Восемь. Потому что в медицинском – шесть, а не пять, как в остальных.

– Ноги вытянешь, пока дойдёшь до хирурга-то. Откуда она, мать, денег-то возьмёт сэстоль?

– На стипендию. Учатся ребята... У нас из деревни двое так учатся.

Старик молчит, глядя на огонь. Видно, вспомнил своих детей.

– Чо эт вас так шибко в город-то тянет?

– Учиться... «Что тянет». А хирургом можно потом и в деревне работать. Мне даже больше глянется в деревне.

– Што, они много шибко получают, што ль?

– Кто? Хирурги?

– Но.

– Наоборот, им мало плотят. Меньше всех. Сейчас прибавили, правда, но всё равно...

– Дак на кой же шут тогда жилы из себя тянуть столько лет? Иди на шофера выучись да работай. Они вон по сколько зашибают! Да ишо приворовывают: где лесишко кому подкинет, где сена привезёт совхозного – деньги. И матери бы помог. У ей вить ишо трое на руках.

Юрка молчит некоторое время. Упоминание о матери и младших братьях больно отзывается в сердце. Конечно, трудно матери... Накипает раздражение против старика.

– Проживём, – резко говорит он. – Никому до этого не касается.

– Знамо дело, – соглашается старик. – Сбили вас с толку этим ученьем – вот и мотаетесь по белому свету, как... – Он не подберёт подходящего слова – как кто. – Жили раньше без всякого ученья – ничего, бог миловал: без хлебушка не сидели.

– У вас только одно на уме: раньше!

– А то... ирапланов понаделали – дерьма-то.

– А тебе больше глянется на телеге?

– А чем плохо на телеге? Я если поехал, так знаю: худо-бедно – доеду. А ты на-вернёшься с этого своо ираплана – костей не соберут.

И так подолгу они беседуют каждое утро, пока Юрка не уйдёт в школу. Старика необходимо выговориться – он потом целый день молчит. Юрка же, хоть и раздражает его занудливое ворчание старика, испытывает удовлетворение оттого, что вступает за новое – за аэропланы, учение, город, книги, кино...

Странно, но старик в Бога тоже не верит.

– Делать нечего – и начинают заполошничать, кликуши, – говорит он про верующих. – Робить надо, вот и благодать настанет.

Но работать – это значит только для себя, на своей пашне, на своём огороде. Как раньше. В колхозе он давно не работает, хотя старики в его годы ещё колупаются помаленьку – кто на пасеке, кто объездным на полях, кто в сторожах.

– У тебя какой-то кулацкий уклон, дед, – сказал однажды Юрка в сердцах. Старик долго молчал на это. Потом сказал непонятно:

– Ставай, проклятый заклеменный!.. – И высморкался смачно сперва из одной ноздри, потом из другой. Вытер нос подолом рубахи и заключил: – Ты ба, наверно, комиссаром у их был. Тогда молодые были комиссарами.

Юрке это польстило.

– Не проклятый, а – проклятьем, – поправил он.

– Насчёт уклона-то... смотри не вякни где. А то придут, огород урежут. У меня там сотки четыре лишка есть.

– Нужно мне.

Частенько возвращались к теме о Боге.

– Чего у вас говорят про его?

– Про кого?

– Про Бога-то.

– Да ничего не говорят – нету его.

– А почему тогда столько людей молятся?

– А почему ты то и дело поминаешь его? Ты же не веришь.

– Сравнил! Я – матерюсь.

– Всё равно – в бога.

Старик в затруднении.

– Я, што ли, один так лаюсь? Раз его все упоминают, стало быть, и мне можно.

– Глупо. А в таком возрасте вообще стыдно.

– Отлегло малость, в креста мать, – говорит старик. – Прямо в голове всё помутнело.

Юрка не хочет больше разговаривать – надо выучить уроки.

– Про кого сейчас проходишь?

– Астрономию, – коротко и суховато отвечает Юрка, давая тем самым понять, что разговаривать не намерен.

– Это про што?

– Космос. Куда наши космонавты летают.

– Гагарин-то?

– Не один Гагарин... Много уж.

– А чего они туда летают? Зачем?

– Привет! – воскликнул Юрка и опять откинулся на спинку стула. – Ну, ты даёшь. А что они, будут лучше на печке лежать?

– Што ты привязался с этой печкой? – обиделся старик. – Доживи до моих годов, тогда вякай.

– Я же не в обиду тебе говорю. Но спрашивать: зачем люди в космос летают? – Это я тебе скажу...

– Ну и растолкуй. Для чего же тебя учат? Штоб ты на стариков злился?

– Ну, во-первых: освоение космоса – это... надо. Придёт время, люди сядут на Луну. А ещё придёт время – долетят до Венеры. А на Венере, может, тоже люди живут. Разве не интересно поглядеть на них?..

– Они такие же, как мы?

– Этого я точно не знаю. Может, маленько пострашней, потому что там атмосфера не такая – больше давит.

– Ишо драться кинутся.

– За что?

– Ну, скажут: зачем прилетели? – Старик заинтересован рассказом. – Непрошенный гость хуже татарина.

– Не кинутся. Они тоже обрадуются. Ещё неизвестно, кто из нас умнее – может, они. Тогда мы у них будем учиться. А потом, когда техника разовьётся, дальше полетим... – Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал и начал ходить по избе. – Мы же ещё не знаем, сколько таких планет, похожих на Землю! А их, может, миллионы! И везде живут существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

– Жениться, што ли, друг на дружке будете?

– Я говорю – в смысле образования! Может, где-нибудь есть такие человеко-подобные, что мы все у них поучимся. Может, у них всё уже давно открыто, а мы только первые шаги делаем. Вот и получится тогда-то самое Царство Божие, которое религия называет – рай. Или ты, допустим, захотел своих сыновей повидать прямо с печки – пожалуйста, включил видеоприёмник, настроился на определённую волну – они здесь, разговаривай. Захотелось слетать к дочери, внука понячнить – лезешь на крышу, заводишь небольшой вертолёт – и через какое-то время икс ты у дочери... А внук... ему сколько?

– Восьмой, однако.

– Внук тебе почитает «Войну и мир», потому что развитие будет ускоренное. А медицина будет такая, что люди будут до ста – ста двадцати лет жить.

– Ну, это уж ты... приврал.

– Почему?! Уже сейчас эта проблема решается. Сто двадцать лет – это нормальный срок считается. Мы только не располагаем данными. Но мы возьмём их у соседей по Галактике.

– А сами-то не можете – чтоб на сто двадцать?

– Сами пока не можем. Это медленный процесс. Может, и докатимся когда-нибудь, что будем сто двадцать лет жить, но это ещё не скоро. Быстрее будет построить такой космический корабль, который долетит до Галактики. И возможно, там этот процесс уже решён: открыто какое-нибудь лекарство...

- Сто двадцать лет сам не захочешь. Надоеет.
- Ты не захочешь, а другие – с радостью. Будет такое средство...
- «Средство»... Открыли бы с похмелья какое-нибудь средство – и то ладно.

А то башка, как этот... как бачок из-под самогона.

– Не надо пить.

– Пошёл ты!..

Замолчали.

Юрка сел за учебники.

– У вас только одно на языке: «будет! будет!» – опять начал старик. – Трепачи.

Ты вот – шешнадцать лет будешь учиться, а начнёт человек помирать, чего ты ему сделаешь?

– Вырежу чего-нибудь.

– Дак если ему срок подошёл помирать, чего ты ему вырежешь?

– Я на такие... дремучие вопросы не отвечаю.

– Нечего отвечать, вот и не отвечаете.

– Нечего?.. А вот эти люди!.. – сгрёб кучу книг и показал. – Вот этим людям тоже нечего отвечать?! Ты хоть одну прочитал?

– Там читать нечего – враньё одно.

– Ладно! – Юрка вскочил и опять начал ходить по избе. – Чума раньше была?

– Холера?

– Ну, холера.

– Была. У нас в двадцать...

– Где она сейчас? Есть?

– Не приведи господи! Может, будет ишо...

– В том-то и дело, что не будет. С ней научились бороться. Дальше: если бы тебя раньше бешеная собака укусила, что бы с тобой было?

– Сбесился бы.

– И помер. А сейчас – сорок уколов, и всё. Человек живёт. Туберкулёз был неизлечим? Сейчас, пожалуйста: полгода – и человек как огурчик! А кто это всё придумал? Учёные! «Враньё»... Хоть бы уж помалкивали, если не понимаете.

Старика раззадорил тоже этот Юркин наскок.

– Так. Допустим. Собака – это ладно. А вот змея укусит?.. Иде они были, доктора-то, раньше? Не было. А бабка, бывало, пошепчет – и как рукой сымет. А вить она институтов никаких не кончала.

– Укус был не смертельный. Вот и всё.

– Иди подставь: пусть она разок чикнет куда-нибудь... .

– Пожалуйста! Я до этого укол сделаю, и пусть кусает, сколько влезет – я только улыбнусь.

– Хвастунишка.

– Да вот же они, во-о-от! – Юрка опять показал книги. – Люди на себе проверяли!

А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то он созвал студентов и стал им диктовать, как он помирает.

– Как это?

– Так. «Вот, – говорит, – сейчас у меня холодеют ноги – записывайте».

Они записывали. Потом руки отнялись. Он говорит: «Руки отнялись».

– Они пишут?

– Пишут. Потом сердце стало останавливаться, он говорит: «Пишите». Они плакали и писали. – У Юрки у самого защипало глаза от слёз. На старика рассказ тоже произвёл сильное действие.

– Ну?..

– И помер. И до последней минуты всё рассказывал, потому что это надо было для науки. А вы с этими вашими бабками ещё бы тыщу лет в темноте жили... «Раньше было! Раньше было!..» Вот так было раньше?! – Юрка подошёл к розетке, включил радио. Пела певича. – Где она? Её же нет здесь!

– Кого?

– Этой... кто поёт-то.

– Дак это по проводам...

– Это – радиоволны! «По проводам». По проводам – это у нас здесь, в деревне, только. А она, может, где-нибудь на Сахалине поёт – что, туда провода протянуты?

– Провода. Я в прошлом годе ездил к Ваньке, видал: вдоль железной дороги провода висят.

Юрка махнул рукой:

– Тебе не втолковать. Мне надо уроки учить. Всё.

– Ну и учи.

– А ты меня отрываешь. – Юрка сел за стол, зажал ладонями уши и стал читать. Долго в избе было тихо.

– Он есть на карточке? – спросил старик.

– Кто?

– Тот учёный, помирал-то который.

– Академик Павлов? Вот он.

Юрка подал старику книгу и показал Павлова. Старик долго и серьёзно разглядывал изображение учёного.

– Старенький уж был.

– Он был до старости лет бодрый и не напивался, как... некоторые. – Юрка отнял книгу. – И не валялся потом на печке, не матерился. Он в городки играл до самого последнего момента, пока не свалился. А сколько он собак прирезал, чтобы рефлексы доказать!.. Нервная система – это же его учение. Почему ты сейчас хвораешь?

– С похмелья, я без Павлова знаю.

– С похмелья-то с похмелья, но ты же вчера оглушил свою нервную систему, затормозил, а сегодня она... распрямляется. А у тебя уж условный рефлекс выработался: как пенсия, так обязательно пол-литра. Ты уже не можешь без этого. – Юрка ощутил вдруг некое приятное чувство, что он может спокойно и убедительно доказывать старику весь вред и все последствия его выпивок. Старик слушал.

– Значит, что требуется? Перебороть этот рефлекс. Получил пенсию на почте. Пошёл домой... И ноги у тебя сами поворачивают в сельмаг. А ты возьми пройди мимо. Или совсем другим переулком пройди.

– Я хуже маяться буду.

– Раз помаешься, два, три – потом привыкнешь. Будешь спокойно идти мимо сельмага и посмеиваться.

Старик привстал, свернул трясущимися пальцами сигарку, прикурил. Затянулся и закашлялся.

– Ох, мать твою... Кхох!.. Аж выворачивает всего. Это ж надо так!..

Юрка сел опять за учебники.

Старик, кряхтя, слез с печки, надел пимы, полушубок, взял нож и вышел в сенцы. «Куда это он?» – подумал Юрка.

Старика долго не было. Юрка хотел уж было идти посмотреть, куда он пошёл с ножом. Но тот пришёл сам, нёс в руках шмат сала в ладонь величиной.

– Хлеб-то есть? – спросил строго.

– Есть. А что?

– На, поешь с салом, а то загнёшься загодя со своими академиками... пока их изучишь всех.

Юрка даже растерялся.

– Мне же нечем отдавать будет – у нас нету...

– Ешь. Там чайник в печке – ишо горячий, наверно... Поешь.

Юрка достал чайник из печки, налил в кружку теплого ещё чая, нарезал хлеба, ветчины и стал есть. Старик с трудом залез опять на печь и смотрел оттуда на Юрку.

– Как сало-то?

– Вери вел! Первый сорт.

– Кормить её надо уметь, свинью-то. Одни сдуру начинают её напичкивать осенью – получается одно сало, мяса совсем нет. Другие наоборот – маринуют: дескать, мясистее будет. Одно сало-то не все любят. Заколют: ни мяса, ни сала. А её надо так: недельку покормить как следует, потом подержать впроголодь, опять недельку покормить, опять помариновать... Вот оно тогда будет слоями: слой сала, слой мяса. Солить тоже надо уметь...

Юрка слушал и с удовольствием уписывал мёрзлое душистое сало, действительно на редкость вкусное.

– Ох, здорово! Спасибо.

– Наелся?

– Ага. – Юрка убрал со стола хлеб, чайник. Сало ещё осталось. – А это куда?

– Вынеси в сени, на кадушку. Вечером ишо поешь.

Юрка вынес сало в сенцы. Вернулся, похлопал себя по животу, сказал весело:

– Теперь голова лучше будет соображать... А то... это... сидишь – маленько кружится.

– Ну вот, – сказал довольный дед, укладываясь опять на спину. – Ох, мать твою в душеньку!.. Как ляжешь, так опять подступает.

– Может, я пойду куплю четвертинку! – предложил Юрка.

Дед помолчал.

– Ладно... пройдёт так. Потом, попозже, курям посыплешь да коровёнке на ночь пару навильников дашь. Воротчики только закрыть не забудь!

– Ладно. Значит, так: что у нас ещё осталось? География. Сейчас мы её... галопом. – Юрке сделалось весело: поел хорошо, уроки почти готовы – вечером можно на лыжах покататься.

– А у его чо же, родных-то никого, што ли, не было? – спросил вдруг старик.

– У кого? – не понял Юрка.

– У того академика-то. Одни студенты стояли?

– У Павлова-то? Были, наверно. Я точно не знаю. Завтра спрошу в школе.

– Дети-то были, поди?

– Наверно. Завтра узнаю.

– Были, конечно. Никого если бы не было родных-то, не много надиктуешь. Одному-то плохо.

Юрка не стал возражать. Можно было сказать: а студенты-то! Но он не стал говорить.

– Конечно, – согласился он. – Одному плохо.

ЮБИЛЕЙ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ЗВЁЗДНОГО МУЗЕЯ

Официальной датой основания музея считается 1965 год, но первоначально материалы о космосе, о первых полётах размещались в маленьком домике семьи Титовых. Со временем домик не мог уже вмещать всех желающих познакомиться с детскими и школьными годами Германа Титова, пообщаться с его родителями. Первоначально в коллекции музея входили телеграммы, письма, подарки, фотографии, школьно-письменные принадлежности космонавта. Экскурсии проводил Степан Павлович Титов.

После отъезда семьи Титовых в Москву, в 1965 году, решено было отремонтировать старое здание семилетней школы и там разместить музей. Ответственным за работу музея назначили

учителя истории А. И. Баеву. Она впервые составила полное описание экспонатов и написала лекционный материал. Вскоре при музее организовали кружок экскурсоводов из числа местных школьников. В 1974 году лучшие экскурсоводы музея посетили первую конференцию школьных музеев в Москве, посвящённую ракетной технике и космонавтике.

В 1978 году музей взяли на баланс Косихинского района и тогда же для него выделили ставку младшего научного сотрудника.

С 1990 года музей получил муниципальный статус и вошёл в подчинение комитета по культуре Косихинского района. В апреле 1990 года музей одним из первых вступил в АМКОС (Ассоциация музеев космонавтики России).

16 января 2002 года в целях увековечивания памяти уроженца Алтайского края лётчика-космонавта СССР Г. С. Титова и в соответствии с распоряжением администрации Алтайского края в селе Полковниково создано государственное учреждение культуры «Алтайский государственный мемориальный музей Г. С. Титова».

До октября 2010 года в музее работали две экспозиции: «Голубая моя планета» и «Ветвь сибирского кедра». Первая экспозиция рассказывала о жизни и деятельности Г. С. Титова (**на фото**). Посетители имели возможность познакомиться с личными вещами космонавта, его наградами, макетами орбитальных станций, частями двигателя ракеты, рационом питания космонавтов, фотоснимками из космоса.

Вторая экспозиция рассказывала о людях, которые сопровождали Германа Степановича на протяжении жизненного пути: о родителях – Степане Павловиче и Александре Михайловне; жене – Тамаре Васильевне; о его учителях, друзьях и знакомых. Экспонировалась коллекция картин С. П. Титова, редкие фотографии, личные вещи.

Ежегодно в рамках программы Шукшинских дней в Алтайском крае знаменитые актёры и кинорежиссёры посещают музей Г. С. Титова: Лев Дуров, Александр Панкратов-Чёрный, Татьяна Сёмина, Людмила Зайцева, Аристарх Ливанов, Георгий Жжёнов, Владислав Галкин, Наталья Гвоздикова, братья Бурляевы, Никита Высоцкий, Марина Яковлева, Борис Химичев и другие.

В книге отзывов музея оставили свои пожелания гости из Германии, Бельгии, Китая, Украины, Бурятии, Таймыра и других краев и областей нашей страны. В августе 2005 года музей посетила вдова Германа Степановича – Тамара Васильевна Титова, лётчик-космонавт В. В. Ковалёнок, в 2008 году лётчик-космонавт Г. Гречко. В 2010 году юбилейные мероприятия посетила дочь Германа Титова – Татьяна Германовна и внук Андрей.

26 августа 2005 года за большой вклад и активную работу по пропаганде достижений и истории отечественной космонавтики и в связи с 40-летием со дня основания музей награждён дипломом Федерации космонавтики России и медалью имени лётчика-космонавта СССР Г. С. Титова.

Музей сотрудничает с администрацией Косихинского района, государственными учреждениями культуры Алтайского края, общественными организациями края и страны: музеями Барнаула, Ассоциацией музеев космонавтики России, Федерацией космонавтики России, Мемориальным музеем космонавтики (г. Москва).

Многие годы коллектив музея является организующим началом при проведении праздничных мероприятий, посвящённых дню рождения Г. С. Титова, годовщины

Г. Н. Парошина принимает гостей музея – дочь Г. С. Титова Татьяну и его внука Андрея. С. Полковниково, 11 октября 2010 г.

со дня полёта в космос. В эти дни в музей приезжают родственники Г. С. Титова, его одноклассники, учителя и творческие коллективы района и края. Не менее значимы для культурной жизни села проводимые музеем Дни памяти Г. С. Титова – 20 сентября (в этот день 2000 года от острой сердечной недостаточности умер второй космонавт планеты Г. С. Титов), День космонавтики (12 апреля), различные музейные и тематические уроки.

Одно из самых важных для нас событий 2011 года – открытие реконструированного мемориального музея Г. С. Титова и музейного комплекса. Все работы по этим направлениям должны завершиться к 1 августа этого года. После реконструкции это будет уникальный историко-культурный комплекс, не имеющих аналогов в стране. Сейчас наши специалисты работают над созданием новой экспозиции «Алтай и космос». Мы завершаем её систематизацию и комплектование с учётом тематико-экспозиционного плана. Продолжается проектирование выставочного оборудования. Мы разработали новую концепцию интерьера выставочных и экспозиционных залов. Открытие новой экспозиции состоится 6 августа.

2011 год, объявленный Президентом России Д. А. Медведевым Годом космонавтики, для нас – знаковое событие. Мы подготовили насыщенную и познавательную программу, которая будет интересна нашим посетителям – и взрослым, и детям. В музее пройдут тематические программы в честь 50-летия полёта в космос Г. С. Титова: художественно-публицистическая программа «Первый космонавт Сибири»; проект, посвящённый дню рождения космонавта – «Сутки в невесомости и вся жизнь», литературно-музыкальная композиция «Опустела без него земля».

Готовим книжную выставку, приуроченную к 50-летию полёта в космос второго космонавта планеты, которая будет носить название «Звёздный сын Алтая», и другие выставки, рассказывающие об удивительном полёте человека в космос. В честь Года российской космонавтики откроется документальная экспозиция «Алтай и космос». Конечно, мы продолжим изучение жизни и общественной деятельности Германа Степановича Титова.

В этом году был издан тематический буклет «Семнадцать космических зорь», содержащий любопытные факты о его полёте в космос.

Ещё одна наша задача – развитие проекта «Музей на колёсах». Мы успешно сотрудничаем с Полковниковской школой: преподаватели и ученики с одним из сотрудников музея выезжают в города и районы Алтайского края и рассказывают о Г. С. Титове, о нашем музее, об истории космонавтики. Музей для таких поездок специально предоставляет экспонаты. Проект, разработанный педагогами Полковниковской школы, выиграл грант администрации Алтайского края. Основная его задача – рассказать как можно большему числу земляков и гостей региона о жизни и деятельности Г. С. Титова.

После введения в строй реконструированного мемориального здания и вновь построенного здания мемориальный комплекс будет включать в себя два объекта: школа-семилетка, в которой учился Г. С. Титов с 1945-го по 1950 год; новое здание музея, где будут находиться экспозиционные залы, фондохранилище и кабинеты сотрудников. Общая площадь музейного комплекса после завершения строительства составит 1042 кв. м.

В последующие годы планируется включить в музейный комплекс дом семьи Титовых, где прошли детские и юношеские годы Германа Степановича. Дом требует капитального ремонта, благоустройства территории и подъездных путей.

*Галина ПАРОШИНА,
директор Алтайского государственного
мемориального музея Г. С. Титова.*

АЛТАЙСКАЯ ХРАНИТЕЛЬНИЦА КОСМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

Галина Парошина – директор
Алтайского государственного
мемориального музея Г. С. Титова.

Директор мемориального музея Германа Степановича Титова Галина Николаевна Парошина встала у «руля космического корабля» в непростые 90-е годы. Преодолев все трудности и неприятности, руководствуясь чёткими принципами и стремясь к высоким целям, она не просто сохранила музей космонавтики, а возродила его в новом качестве, верно решив, что необходимо воспитывать гражданственность и патриотизм, формировать систему ценностей подрастающего поколения, опираясь на местный материал.

К сожалению, такие аспекты, как коммерциализация культуры, сокращение затрат на развитие учреждений культуры, нежелательная зависимость от спонсоров, влияют на эту сферу крайне негативно. Моим коллегам необходимы такие качества, как преданность своему делу, целеустремлённость и стойкость.

Сегодня музейное дело выступает в новом качестве, поскольку современ-

ные музейные комплексы, их открытые форумы, проекты и площадки более доступны для прикосновения к лучшим достижениям прошлого. Музейный комплекс имени Германа Степановича Титова – это грандиозный проект, на материалах которого воспитаны многие поколения жителей Алтайского края.

2011 год в России объявлен Годом космонавтики. Алтайский край богат на космические знаменитости. Деятельность коллектива музея Г. С. Титова – яркий пример сохранения родной истории для будущих поколений. Активное развитие музея космонавтики было начато именно в 90-е годы прошлого века.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ КОСМОНАВТИКИ

Утро шестого августа 1961 года было ознаменовано планетарным событием – на космическом корабле «Восток-2» лётчик-космонавт СССР Герман Степанович Титов совершил полёт, продолжавшийся 25 часов, сделав 17 оборотов вокруг Земли. Он пролетел 410 тысяч километров и благополучно приземлился на саратовской земле.

В 1961 году Степан Павлович Титов, выйдя на пенсию, начал вести обширную переписку с гражданами Советского Союза. Он получал очень много писем, открыток, телеграмм и для всех находил время и возможность ответить.

Огромное воспитательное значение имели его личные встречи со школьниками и студентами. В ярких выступлениях он рассказывал молодым людям о том, какие черты характера нужно воспитывать у себя с детства, чтобы стать достойным гражданином своей Родины.

Коллективы многих школ просили педагога подарить им книги о космосе, фотографии сына или «что-нибудь о Германе для школьного альбома». Больше всего подростков волновали вопросы о том, как рос Герман: чем занимался и увлекался, как учился.

Письма и телеграммы, полные тёплых поздравлений и вопросов, присылали взрослые и дети из Чехословакии, Болгарии, ГДР и других стран.

Со второй половины 1961 года зарубежные граждане установили связь с Титовым и вели с ним переписку на языке эсперанто. Вот тогда-то Степан Павлович и решил создать в Полковниково школьный музей космонавтики имени Германа Степановича Титова. В этом статусе – школьного музея – он и просуществовал до 1990 года. В его создании С. П. Титов опирался на помощь жителей села Полковниково, особенно на помощь своих коллег по работе и учащихся.

В 1961 году музей был открыт в старом домике семьи Титовых. В его комнатах Степан Павлович разместил экспонаты – письма и телеграммы, сувениры и подарки, а также вещи, относящиеся к детским и школьным годам Германа.

В 1965 году в распоряжение музея был отдан второй этаж бывшей Полковниковской школы – здесь были открыты мемориально-бытовые экспозиции «Голубая моя планета» и «След человека на земле», а экскурсии проводил сам Степан Павлович.

В 1990 году музей был преобразован в муниципальное учреждение и передан в ведение комитета по культуре администрации Косихинского района. С этого времени первый этаж здания школы стал использоваться как хранилище музейных экспонатов.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Галина Николаевна ПАРОШИНА родилась 17 декабря 1954 года в селе Налобиха Косихинского района Алтайского края. Окончив среднюю школу, поступила в Алтайский строительный техникум, где получила среднее техническое образование.

С 1979-го по 1990 год работала секретарём исполнительного комитета Налобихинского сельсовета. 27 марта 1990 года переводом назначена директором МУК имени Г. С. Титова.

За многолетний труд награждена:

2002 год: Диплом АМККОС (Ассоциация музеев космонавтики) – за пропаганду развития отечественной космонавтики.

2004 год: Почётная грамота администрации Алтайского края – за большой вклад в развитие культуры Алтайского края.

2005 год: медаль имени Г. С. Титова за заслуги перед космонавтикой.

2005 год: Почётная грамота комитета по культуре и туризму – за развитие музейного дела в Алтайском крае.

2009 год: Благодарность губернатора Алтайского края – за многолетний добросовестный труд.

ИСТИНА, ДОБРО И КРАСОТА – ТРИ ОСНОВЫ ЖИЗНИ, ДОСТОЙНЫЕ ЧЕЛОВЕКА

Поступив на должность руководителя музея, Галина Николаевна не имела специального образования. Вот почему она поставила перед собой задачу: познакомиться с работой музеев страны по космической тематике. Посетила Байконур – Космические гагаринские старты (г. Ленинск), музей С. П. Королёва в Москве, г. Краснознаменск Московской области – мемориальный комплекс, посвящённый Г. С. Титову. Эти поездки серьёзно повлияли на всю её дальнейшую деятельность.

В 1990 году музей заключил договор с руководством Барнаульского высшего авиационного училища лётчиков о доставке самолёта Л-29 и установке его на территории музея в селе Полковниково. Тогда же начинается тесное сотрудничество музея Г. С. Титова с Ассоциацией музеев космонавтики России. С этого времени сотрудники музея получают ежемесячный журнал «Новости космонавтики», в котором исследуется история и обсуждаются новинки авиационно-космической отрасли.

Внутренний духовный ориентир – основа жизни каждого порядочного человека. Галина Николаевна своим трудом, упорством помогает сохранять для грядущих поколений драгоценные крупницы истории. В 1995 году она и её помощница Лидия Владимировна Раченкова вдвоём благоустроили музей. «В музее теперь тепло, уютно, есть вода, наконец-то он огорожен, и ограда выкрашена руками двух этих женщин», – сообщала тогда читателям газета «Алтайское село».

В 1995 году селу Полковниково исполнилось 200 лет, а Герману Степановичу Титову – 60 лет. Вот фрагменты из интервью Г. Н. Парошиной газете «Алтайское село» (это наша районная газета): «... Планируем и наружный ремонт здания, перекрытия крыши, иначе старое здание может прийти в негодность /.../ С 1992-го по

Редакция журнала «Барнаул» на встрече с коллективом Полковниковской школы имени С. П. Титова. 15 марта 2011 г.

Справа в первом ряду Оксана Подольская – автор данной статьи.

1993 год в музее побывало более четырёх тысяч посетителей, хотя мы не заключали договоры с туристическими агентствами. А в юбилейный 1995-й год – более пяти тысяч человек!»...

Все годы музей космонавтики имени Г. С. Титова активно сотрудничает с Полковниковской школой – традиционными для школьников стали экскурсии, музейные уроки, тематические вечера, проведение «Музейной ночи».

Герман Титов родился и воспитывался в семье учителя-просветителя Степана Павловича Титова, подвижничество которого и сегодня является образцом для школьных учителей. Замечательно и примечательно, что именем Степана Павловича Титова названа краевая премия, учреждённая в 2007 году губернатором Алтайского края Александром Богдановичем Карлиным для поощрения работников сельских образовательных учреждений. Она является свидетельством признания их высокого профессионализма и таланта.

11 сентября 2011 года в торжественной обстановке на здании Полковниковской средней школы была открыта мемориальная доска в честь С. П. Титова и школе присвоено его имя.

ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ

Здание, в котором разместился музей, построено в 1906 году – это бывший купеческий дом. В военные и послевоенные годы в нём размещалась местная школа. После исторического полёта Германа Степановича Титова в космос первый этаж был отдан для группы продлённого дня, а второй – под музейные экспозиции. Конечно, периодически зданию требовался ремонт, но, увы, из-за недостатка средств коллектив музея мог выполнять лишь так называемый косметический ремонт, для чего привлекали жителей села, а также солдат из воинской части, дислоцированной неподалёку.

В 90-е годы в Косихинском районе, как и в других регионах страны, наблюдалось массовое закрытие объектов культуры из-за дороговизны отопления. Вот ещё несколько фрагментов из интервью Г. Н. Парошиной газете «Алтайское село»: «... Стоял даже вопрос о существовании музея, так как денег не было на восстановительные работы, но комитет по культуре помог нам «отстоять историю космонавтики». Тогда был приобретён и установлен электродвигатель /.../

При переходе от советской экономической системы к рынку в стране были установлены свободные рыночные цены и тарифы, складывающиеся под влиянием спроса и предложения. Инфляция стремительно обесценила денежные вклады /.../ Плата за посещение музея остаётся небольшой. На полученные от продажи билетов деньги удаётся купить, например, комплект лампочек, но и это дело нужное».

Следующая задача, которую определила для музея Галина Николаевна Парошина, была очень обширна: установить контакты с семьёй Титовых, благодаря чему, расширяя экспозицию, больше рассказывать посетителям музея о семье космонавта. С этого началась активная работа через общение с полковниковцами – семьями Калиш, Павловскими, Дитятьевыми, Сельцовой Марией Васильевной и другими, что и подсказало необходимость создания родословной семьи Титовых.

Степан Павлович и его дочь Земфира душевно и творчески откликнулись на просьбу Галины Николаевны. В результате такого сотрудничества нижний зал музея наполнился картинами, музыкальными инструментами и другими личными вещами семьи Титовых.

Новое оформление музея Г. С. Титова было начато в 2002 году, когда музей получил статус краевого учреждения культуры. С этого времени в краевых средствах массовой информации активно пропагандируется информация о деятельности музея, о жизни и деятельности Степана Павловича и Германа Степановича Титовых.

В 1992 году в музее полноценно функционировали два зала: верхний о Г. С. Титове и космической тематике; нижний о семье Титовых. Впервые именно в том году известные российские актёры и режиссёры, участвующие в Шукшинских днях в Алтайском крае, посетили музей Г. С. Титова. Почётные гости и руководители районного комитета по культуре сошлись в одном – гостей приглашать стоит, поскольку есть что показать. Эта добрая традиция – приглашать к общению в музее космонавтики известных людей – сохраняется по сей день. Ежегодно музей гостеприимно встречает известных в России актёров, режиссёров, писателей и других участников Шукшинских дней в Алтайском крае.

Как отмечает Галина Николаевна, в эти годы наблюдается активное сотрудничество с районной газетой, краевым радио и телевидением, что способствует привлечению посетителей в музей. Посетители имеют возможность приобрести на память буклеты и календари, открытки и значки, магниты и флажки, сборники стихов и фотографии...

Своеобразным элементом рекламы стал дорожный знак на трассе Ташанта – Новосибирск, установке которого способствовали районные власти в 1991 году. Сейчас там установлены современные рекламные щиты.

Руководитель должен уметь генерировать идеи, координировать работу, быть творческой личностью. Именно таким руководителем стала Галина Николаевна Парошина – равнодушный человек и умелый организатор. Для неё характерны творческое начало, душевность и открытость – так говорят о руководителе сотрудники музея и односельчане. Вот как отзывается о ней председатель комитета по культуре администрации Косихинского района Татьяна Леонтьевна Аверина: «Очень ответственный человек. Находится в постоянном поиске. Грамотно и творчески руководит сплочённым коллективом. Взаимоотношения с коллегами и вышестоящим руководством доброжелательные. Помнится, в 90-е годы – тяжёлые не только для культуры, но и для общества в целом, когда бывали и продолжительные невыплаты заработной платы, и вынужденное сокращение кадров – краевые власти старались не закрывать учреждения культуры. Наперекор суровому времени работники культуры оставались большой дружной семьёй, людьми с большой буквы, способными прийти на помощь в трудную минуту».

МУЗЕЙ СЕГОДНЯ

В настоящее время в с. Полковниково идёт строительство нового здания музея и реконструкция старого – создаётся современный мемориальный музейный комплекс. Он получит современное оборудование, будут созданы новые экспозиции, посвящённые истории развития Алтайского оптико-лазерного центра, полёту в космос В. Г. Лазарева, приземлению на территорию Алтайского края В. В. Терешковой, семье Г. С. Титова, истории с. Полковниково.

В 2010 году Сибирский банк Сбербанка России на переоснащение музея перечислил 700 тысяч рублей. На эти деньги изготовлены два экспоната: макет космического корабля «Восток-2», на котором совершил свой знаменитый полёт Г. С. Титов (конечно, это уменьшенная копия корабля, но всё-таки довольно внушительных размеров), и скафандр космонавта в натуральную величину. Новые экспонаты стали

украшением музея.

Благодаря вниманию к музею губернатора Алтайского края Александра Богдановича Карлина, воплощается в жизнь краевая туристическая программа. Так, современный и комфортный для посетителей музейный комплекс Г. С. Титова будет включён в туристические маршруты Алтайского края. Сегодня музей посещают более 17 тысяч человек в год – это показатель возросшего интереса к жизни и деятельности нашего земляка и всей деятельности музея.

**ОБРАЩЕНИЕ СТЕПАНА ПАВЛОВИЧА ТИТОВА К СТУДЕНТАМ
БАРНАУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
12 АПРЕЛЯ 1969 ГОДА**

Дорогие друзья!

Ваше намерение поговорить о роли учителя в наши дни вполне понятно, тем более что недалёк срок, когда надо будет открыть дверь школы и встретиться с детьми.

Преподаватель – специалист узкого круга знаний, учитель, человекоед, следопыт детских душ, наставник. Одним из преподавателей школьных дисциплин окажитесь вы в свой срок. Решая свою задачу, не забывайте общей. «Впишитесь» в коллектив не безликой единицей, а учителем!

Если обучение – искусство, то это высшее из всех искусств, потому что оно имеет дело не с мрамором, не с полотном и красками, а с живыми людьми. И тогда школа является высшей художественной студией, и учителю, как художнику, должен быть предоставлен известный простор и свобода творчества. Без простора нет творческой деятельности!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Всем, кто бывает в с. Полковниково, всегда хочется зайти в музей и узнать, как там теперь, что изменилось, есть ли посетители и кто они?.. То, что музей живёт, видно сразу.

1 августа 2011 года все мы станем свидетелями открытия нового мемориального комплекса имени Г. С. Титова. Жители Алтайского края, и особенно жители с. Полковниково, с нетерпением ждут этого общественно значимого события. Ради приближения этого дня и работает музей под чутким руководством Г. Н. Парошиной, укрепляя связь времён и поколений. Её целеустремлённость и преданность помогают сохранять для грядущих поколений драгоценные крупницы истории. Галина Николаевна Парошина говорит: «Нам всем надо больше знать об истории России, гордиться Россией, стремиться к высоким целям, брать пример с таких людей, как Г. С. Титов. Он был простым деревенским мальчишкой, но воля и упорство помогли ему добиться грандиозных результатов».

*Оксана ПОДОЛЬСКАЯ,
учитель истории*

*МОУ «Полковниковская СОШ имени С. П. Титова
Косихинского района Алтайского края».*

ТЁПЛОЙ СИНЕВОЙ ОКУТАНА ЗЕМЛЯ

Степан Павлович ТИТОВ (23.04.1910 – 18.10.1993) родился в д. Верх-Жилино Косихинского района Алтайского края в крестьянской семье.

1919-1926 годы – учёба в коммунарской школе, где учителем был А. М. Топоров. Седьмой класс окончил в Косихинской семилетке. Далее учился в Павловской девятилетке, Барнаульской совшколе № 29 с педагогическим уклоном, что дало право работать учителем начальных классов.

1929-го по 1933 год – учёба от коммуны «Майское утро» на музрабфаке при Московской консерватории.

В дальнейшем работал в школе крестьянской молодёжи учителем русского языка и литчтения в 5-7 классах (при коммуне «Майское утро»), Малаховской семилетней школе и Косихинской средней.

Ветеран Великой Отечественной войны.

Вернувшись с фронта, работал учителем в школе с. Полковниково.

1949-1954 годы – учёба на четырёхгодичных Государственных курсах заочного обучения иностранным языкам (Москва), после чего преподавал немецкий язык в школе.

Организатор школьного хора и оркестра. Как учитель-просветитель и общественный деятель награждён многими Почётными грамотами и свидетельствами. Внесён в Книгу почёта колхоза имени Молотова Косихинского района.

Некоторое время, с 1965 года, работал в группе писем политотдела воинской части (г. Щёлково Московской области).

Награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За Победу над Германией», «Ветеран труда», «За доблестный труд» и др.

Отдавая дань его большим заслугам в организации и развитии просветительской деятельности, в 2007 году губернатор Алтайского края А. Б. Карлин учредил премию имени С. П. Титова для учителей сельских школ – за значительный вклад в дело просвещения и активное участие в общественной жизни Алтайского края.

ТОВАРИЦУ

Уезжаю на фронт, уезжаю.
 Поезд зимней дорогою мчит.
 Буду ль дома – об этом не знаю.
 Что судьба впереди мне сулит?

В этой схватке с кровавым пиратом
 Кем я буду в походном строю?
 Иль простым неизвестным солдатом,
 Иль героем в жестоком бою?

По земле я прошёл стороною,
 Ничего не успел совершить.
 Нет трудов у меня за спиною:
 Я лишь только готовился жить.

Но хлестнула кровавой волною
 По земле мироедов орда!..
 И меня разлучила с семьею,
 И лишён я покоя, труда.

Если смерть меня в битве разыщет
 И застигнет меня молодым –
 Ей ответная пуля просвищет
 Сквозь шипящее пламя и дым!

До свиданья, мой друг, уезжаю.
 Буду жертвовать всем дорогим.
 А погибнуть придётся, так знаю:
 Жизнь свою я отдам вам – живым.

2 марта 1943 года.

НА РОДИНЕ

В родном краю над степью тлеет вечер,
 В вечернем золоте сгорают облака;
 И тянет сыростью, и музыка с болота
 Доносится из-за обросшего плетня.
 В такой вот вечер, полные тревоги,
 Жена и сын выходят на крыльцо...
 И в тихом веянии и шорохе деревьев
 Стремятся угадать мои привычные шаги.

Глядят на светлую полоску небосклона,
 На одинокую вечернюю звезду...
 Потом в избу зайдут, за бедный ужин сядут,
 Оставив место для меня...

А в сумраке угла нестройными рядами
 Родные натюрморты по стенам висят,
 Ласкающими золотистыми цветами
 Тепло мерцая, на семью мою глядят.

31 декабря 1942 года, Новосибирск.

ПАМЯТИ ЧКАЛОВА

В суровые дни
 нашей битвы с врагами
 Чтим мы тебя и помним,
 герой!
 Пусть смерть права,
 и тебя между нами
 Нет сейчас, наш друг боевой...

Но смерть не в силах из списков наших
 Вычеркнуть славное имя твоё!
 Ты жить будешь в подвигах
 асов отважных,
 И песни народ о тебе пропоёт!

Мальчонкой тебя
 у смолистых причалов
 Волга приметила и приняла.
 Для жизни большой,
 для борьбы воспитала,
 А Родина в небо тебя подняла.

И, страстный искатель
 путей неоткрытых,
 Ты ринулся смело в небесный простор
 На север далёкий –
 в местах необжитых
 Победную песню пропел твой мотор!

В холодной пустыне безлюдного края,
 Где вместе с пургою лютует мороз,
 Ты, дерзким полётом
 весь мир изумляя,
 Над полюсом знамя Отчизны пронёс!

В каждом полёте готовил себя ты
 К схватке грядущей
 с кровавой ордой.
 И взмыли отважною стаей орлята
 В небо родное вместе с тобой.

И стали теперь они огненным валом,
Могучей завесой в смертельном бою,
Каждый воздушный герой – это Чкалов,
Страстный боец за свободу свою.

Крепче огонь по фашистским шакалам!
Пусть яростный шквал их с неба разит!
Пусть знают враги – языком металла
С ними Чкалов наш говорит!

20 декабря 1943 года, Горький.

ЖЕНЕ И СЫНУ

В тяжёлый, чёрный год
Остались вы одни.
Такого испытания
Не чаяли, не ждали.
Нарушилась семья...
Среди других людей
Вам жить придётся
И трудиться.

Особенно грустить
Не надо обо мне,
Ведь грустью не создать
Себе утехи.
Пусть горе стороной
От вас пройдёт,
А мирный труд придёт
И вашу дверь откроет.

С ним дружбу завести
Советую я вам –
Он в трудные минуты
Вам меня заменит.
Приятно будет мне
В далёкой стороне
Переносить лишения
И невзгоды.

Приятно будет знать,
Что вашу рукой
И мир в семье создан,
И труд налажен.
И если почтальон
Не принесёт письма,
Напрасно догадкой
Себя вы не терзайте:

Весть от живых к живым
Всегда найдёт свой путь!
И от меня она
Вас одарит приветом.

Случиться может так,
Что я и замолчу,
И почтальон в ответ
Лишь разведёт руками...
Тогда взгляните вы
На живопись мою –
В ней часть моей души,
Незримо в ней я с вами.

13 ноября 1942 года.

ВЕТЛА

У дороги торной
На краю села
Под небом просторным
Жила-была ветла.

Когда-то, видно, семечко
Придуло-занесло.
Оно земле на темечко
Уселось – и пошло!

Здесь детство лепетало
Ласковым листком,
Здесь юность поднимала
Голову под гром.

Поднял резные своды
Под облака шатёр, –
И покатила годы,
Несметные с тех пор...

Земля путём немереным
Космических миров
Носила тебя бережно
Меж звёздных островов.

Время поубавило
Пышный твой убор,
На коре оставило
Вековой узор.

Морозом, снегом сечена,
Исхлёстанная в дождь,
Не раз грозою мечена,
А всё-таки живёшь!

Хоть сучья перекручены
И ран не оберёшь,
Хоть корни дугой вспучены,
А всё-таки живёшь!

...Состарилась, устала
Столетняя ветла,
А в песню не попала
И в сказку не вошла.

По-прежнему качаешь
При ветре головой
И так напоминаешь
Людей своей судьбой.

Как же захотелось
Тебя мне пожалеть
И на листочке белом
Себе запечатлеть.

НА ПАСЕКЕ

Горячим блеском дышит день июньский,
И тёплой синевой окутана земля.
Лесные травы зреют на припёке,
Недвижные и запахов полны.

Я счастья полон, иду тропой заросшей,
Спокоен я, и на душе светло.
Иных желаний нет, как только жить и думать,
Лесную жизнь подслушать, подсмотреть.

Схожу к отцу, он с утренним рассветом
Ушёл на пасеку – там целый день
Проводит он среди цветов и пчёл звенящих,
Среди медовых испарений трав.

ОСЕНЬ

По нивам жёлтым осень бродит,
Скликает стаи журавлей.
Хоть редко, но ещё выводит
Остаток тихих тёплых дней.

Над опустевшими полями
То туманно, то светло.
Стоит пора, когда утрами
Не холодно и не тепло.

На дорогу за ограду
За листком летит листок.
В лесу сменилася прохлада
На ощутимый холодок.

Теперь уже неярким блеском
Метит солнце свой восход.
Над золочёным перелеском
Стоит, глядит, как встречи ждёт.

25 апреля 1991 года.

МАЛЕНЬКОЙ ПИАНИСТКЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ты играешь, а звуки роятся...
Детство дальше грезится мне.
Хорошо, когда люди рождаются
Для хороших дел на земле!

Я готов жизнь начать бы снова,
Но такому ведь не бывать.
Что ж, постараюсь хоть толково
Остаток жизни доживать.

И верить в силы молодые,
Романтику труда в наш век,
В тебя и клавиши живые, –
Во всё, чем славен Человек!

БЫЛОЕ

Как позабытую страницу
Откроет память иной раз, –
И замелькает вереница
Картин былого в тот же час.
То детство плещется в протоке,
Грязью мажется до глаз,
То старик на солнцепёке
Кости греет про запас.

От дождя дорожкой влажной
С косой в руке отец идёт
В сапогах болотных, важный,
Смешной и добрый Дон Кихот.

С пучком душистой земляники
В венце из кос на голове
На свежескошенной траве
Мать сидит, как Нефертити.

ГРОЗА

Туча с разворота
На село пошла.
Дымным пышным воротом
Солнце облегла.

На буграх тревожно
Закивал ковыль.
На дороге дальней
Закурилась пыль.

Дрогнули, нахмурились
Вётлы над окном.
Потянуло в улицу
Влажным холодком.

Шалый гром шархнул,
Ливень полоскнул,
Тополем запахло
Под громовый гул!

У дверей сарая
Лужа, а на ней
Началась лихая
Пляска пузырей.

И земля огромная
Ливень приняла.
Стала чернобровая,
Вымокла дотла.

ТРИПТИХ

1

Когда смотрю
на луг поры весенней,
На сочную зелёную траву,
Мне кажется,
что люди прошлых поколений
Цветы послали поглядеть, – как я живу.

2

Малые речки – что малые дети –
Ютятся, где можно на белом свете,
Играют травинками,
прячутся в тень,
На перекатах лепечут весь день.
Слабы они.
Камень в них бросит любой.
А зла вот не помнят,
всех поят водой!

3

Пока жульё всякого рода
Кишит на свете среди людей,
Мир – не подарок для народа,
Он – только боевой трофей!

***

Жили люди перед нами.
Труд их сделал мастерами.
Предки сделали своё
И ушли в небытиё.
Но остался дивный след
Красоты на сотни лет
В белокаменной резьбе
На царицыной избе.

ПАМЯТЬ

Игорь ТОПОРОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО РИСУНКА

*Светлой памяти
А. М. Топорова,
С. П. и Г. С. Титовых
посвящается*

Родственники знаменитого сибирского просветителя и писателя Адриана Митрофановича Топорова бережно хранят искусно выполненные карандашные рисунки «Берёзовая роща» (см. стр. 42) и «Портрет А. Топорова» (см. здесь) с подписью в правом нижнем углу: «С. Титов». Любопытна история их создания.

Степан Павлович Титов – любимый ученик Адриана Митрофановича в школе алтайской коммуны «Майское утро» и один из соавторов, несмотря на его юный тогда возраст, знаменитой книги А. М. Топорова «Крестьяне о писателях». Именно соавторами считал сам писатель этих «Белинских в лаптях» и первый свой гонорар от издания книги в 1930 году поделил с ними поровну.

Степан Титов почти полностью повторил жизненный путь своего старшего друга и наставника, став народным учителем, музыкантом, художником, эсперантистом и писателем. А в 1961 году в космос отправился его сын – Герман. Многие журналисты потянулись тогда и в Алтайский край – к С. П. Титову, и в город Николаев – к А. М. Топорову. С тех пор возобновилась прерванная за годы войны и сталинских репрессий переписка между этими замечательными людьми. Одно из таких писем приведу полностью.

«Здравствуйте, Мария Игнатъевна, Адриан Митрофанович!

Давным-давно, примерно года сорок три тому назад, когда Мария Игнатъевна вела в школе «Майского утра» уроки рисования, я получил домашнее задание нарисовать берёзовую рощу. Это задание, Мария Игнатъевна, было связано с тем, что Адриан Митрофанович как-то привёз из города коробку карандашей цветных «Фабер». Я и сейчас представляю себе запах древесины очинённых карандашей.

По причинам неизвестным я не выполнил этого задания, но все прошедшие годы иногда почему-то напоминалось Ваше задание, и я наконец решил выполнить его и послать Вам. Посылаю Вам, Мария Игнатьевна, рисунок как «домашнее задание», и как память о далёком времени, и как долг нерадивого ученика.

Одновременно посылаю на память Адриану Митрофановичу его портрет. Если рисунки в какой-то степени достойны внимания, примите их как признательность от бывшего ученика.

Желаю всего хорошего. Будьте здоровы!

С. Титов. 8/XI – 61 г.»

А чуть позже были радостные встречи этих двух немолодых уже людей в Москве, Новосибирске, Барнауле... О них, так же как и о свиданиях с Г. С. Титовым, имеются воспоминания А. М. Топорова.

ИЗ РУКОПИСИ КНИГИ А. М. ТОПОРОВА «Я ИЗ СТОЙЛА»

13 июля 1961 года я получил неожиданное письмо, написанное на бланке редакции газеты «Известия».

«Уважаемый Адриан Митрофанович!

Журналистская судьба привела меня и нашего алтайского корреспондента А. И. Волкова в хорошо знакомое Вам село Верх-Жилинское. Там, собирая материал о культурной работе в колхозной деревне, мы впервые услышали Ваше имя. А затем имя Вашего ученика – одного из самых уважаемых людей в районе, чудесного, разносторонне одарённого человека, который и до сих пор продолжает дело, начатое Вами. Это – Степан Павлович Титов.

Вместе с ним и его женой мы побывали в «Майском утре», прошли по Тропе Коммунаров (она не заросла и сейчас, эта легендарная тропа!), побеседовали со многими людьми. Потом раздобыли Вашу уникальную книжку, порылись в архивах, в музее. И перед нами встала удивительная история коммуны и Вашей деятельности в ней.

То, что Вы сделали, – колоссально! Мы гордились тем, что наша газета в своё время поняла это и сказала своё слово.

Сейчас мы пишем документальную повесть (она, по-видимому, будет печататься в «Известиях») о Степане Павловиче Титове. Как Вы догадываетесь, первая её часть (не глава – часть) будет называться «Тропа Коммунаров», и одним из главных героев в ней будете Вы.

Степан Павлович и сейчас (он ушёл на пенсию из-за болезни, но сразу же поступил садоводом в колхоз) ведёт огромную просветительскую работу: учит людей

музыке и живописи, читает лекции, по Вашему примеру устраивает чтение художественных произведений (увы! без записи высказываний слушателей), украшает район садами, пишет стихи и музыку к песням, мучается над этюдами... В общем, всего не перечислишь. Он до сих пор горит мучительным и радостным творческим огнём. А ведь этот огонёк Вы зажгли когда-то в нём – простом крестьянском мальчишке. И он сберёг его, пронёс через все неурядицы своей не очень лёгкой жизни. Большие того – он зажжёт его в душах сотен других людей – его учеников. И, прежде всего, в душах своих замечательных детей.

Человек он немного замкнутый, как все душевные и потому легко ранимые люди. Но нам он открылся, как на исповеди, потому что мы пришли к нему с заветным паролем – с Вашим именем.

– Всем, что я имею доброго, – сказал он нам, – я обязан учителю моему – Адриану Митрофановичу Топорову. Передайте ему большое спасибо за то, что он отнял у меня досуг и в то же время научил его скрашивать. И себе, и людям...

Я рад передать Вам это. Надеюсь, что мне придётся и лично познакомиться с Вами. Ваши материалы, которые Вы послали тов. В. В. Гусельникову в Барнаул, мы видели. Дорогу ему перебивать не будем. Мы будем писать об одной семье коммунаров – о Титовых.

Очень бы Вы нам помогли, если бы смогли сообщить всё, что вспомните о Степане Павловиче, о его жене Александре Михайловне. Может быть, о его детях – Германе и Земфире. Интересуют нас и родители их (Ваши «критики»!) – отцы – Михаил Алексеевич Носов и Павел Иванович Титов.

Очень хотелось бы залучить Вас в свой авторский коллектив. Напишите, какие проблемы волнуют Вас сейчас, о чём Вы хотели бы рассказать нашим читателям.

С приветом. Зам. ответственного секретаря Н. Штанько».

«Что за оказия?! – подумал я, прочитав это письмо. Тут что-то не так. Какая-то загадка».

Желая посылить помощь журналистам, сел за написание воспоминаний о коммунарах Титовых и Носовых. Работа разбухла. Я приготовил её в двух экземплярах: для Н. Штанько и С. П. Титова. Второго хотел поставить в известность, что я ничего дурного не сказал о своих друзьях – коммунарах, о нём и о Саше Носовой.

Срочно отослал экземпляр Н. Штанько, понимая, что журналистам подавай материал с пылу, с жару. У них работа молниеносная, иначе она теряет цену.

С отправкой бандероли Степану Павловичу я не спешил. Понёс пакет на почтамт утром в воскресенье шестого августа 1961 года. Было тепло, солнечно. Иду обратно. Из раскрытого окна одного дома до меня донёсся чёткий голос радиодиктора Левитана о том, что в космос полетел корабль «Восток-2» на борту с лётчиком-космонавтом Германом Степановичем Титовым...

Я остолбенел: имя, фамилия и возраст нового космонавта были мне знакомы!.. Я и все члены моей семьи с волнением спрашивали друг друга:

– Неужели это – сын наших Стёпы и Саши Титовых?! Может быть, в СССР есть второй Герман Степанович Титов?!

Сидя у репродуктора, мы сгорали от нетерпения, ожидали сообщения краткой биографии героя. Минуты тянулись мучительно долго. Наконец мы услышали! Это он, да, он – наш Герман! Сын моих славных воспитанников из «Майского утра» Стёпы и Саши Титовых! Волна неизъяснимой радости облила моё сердце! Ликовала и семья!.. Так вот в чём разгадка таинственного письма Н. Штанько ко мне!

В №№ 187, 188, 189 и 190 «Известий» была опубликована документальная повесть А. Волкова и Н. Штанько «Отчий дом», в которой мне отведена изрядная

площадь. С этого момента моё незаметное имя прочно прилипло к космонавту-2 Герману Степановичу Титову. На 70-м году жизни я сразу стал «умным» и нужным человеком. Началось паломничество ко мне, словно и я летал в космос. Первыми прибыли журналисты, писатели и фотокорреспонденты: Б. А. Анашенков, Зыбин, Э. Н. Горюхина («Литературная газета»), А. А. Аграновский («Известия»), В. Я. Стадниченко («Радянська освіта», Киев), Ю. А. Чубуков («Ленинская смена», Белгород), М. С. Федик («Комсомольская искра», Николаев) и др.

Меня нарахват таскали на встречи, чтобы делился опытом культурной работы и рассказывал о «Майском утре», о династии Титовых и т. д. Где и перед кем только я не выступал тогда! И так меня заездили, что я совершенно потерял голос (лечился потом два месяца).

За мной присылали машины из соседних областей, приезжали из Ленинграда студенты. Они часами сидели, озирая меня с ног до головы и... молчали (?!).

Были у меня и супруги Пятыгины, приехавшие из Сибири в отпуск к родным в Николаеве. Они около 35 лет тому назад вместе со мною работали в Косихинском районе Алтайского края.

Иногда моя небольшая комната была так переполнена посетителями, что не хватало места посадить их.

Проведали обо мне многие друзья, ученики, сверстники и соратники, с которыми была прервана всякая связь 30, 40, 50 и более лет! Разыскала меня и Софья Ерофеевна Шельдяева-Серпуховитина из Курска. С нею я сживал за одной партией в Бродчанской церковно-приходской школе (Старооскольского уезда) в 1900-1903 годах! Через 60 с лишком лет нашла меня! Не диво ли?!

Из Сиднея (Австралия) отозвался и мой учитель по языку эсперанто Иннокентий Николаевич Серышев, с которым я познакомился в селе Верх-Жилинском ещё осенью 1915 года. Подала голос и его сестра, учительница-пенсионерка и эсперантистка Варвара Николаевна, ныне здравствующая в городе Высоковске Московской области. Об этой коллеге я ничего не слышал около 45 лет. А когда-то учительствовали вместе в Барнаульском уезде.

Добрался до меня и чехословацкий педагог-эсперантист И. Килиан, который в первую империалистическую войну, будучи пленным, проживал в Томске и потому знал меня как одного из пропагандистов международного вспомогательного языка. Не имея точного моего адреса, тов. Килиан на конверте написал: «Украина, город Николаев, А. Топорову. Он – старый эсперантист, автор книги «Крестьяне о писателях». Ему около 70 лет». Признаки верные. По ним почтальон и доставил мне письмо чехословацкого друга.

Сейчас не перечислю всех «давно забытых лиц», чьи жизненные пути-дороги надолго разошлись с моими, но пересеклись вновь благодаря полёту в космос моего «духовного внука» Германа Степановича Титова...

Я уехал из Сибири в мае 1932 года. Мои ученики – Саша Носова и Степан Титов – поженились через два года. Их первенец, будущий космонавт, родился в 1935 году. Ему обо мне дали знать родители, деды, бабки. А я представлял его по их письмам. Лелеял мечту о личной встрече с ним. С этой целью я и приехал в Москву в октябре 1961 года, перед открытием XXII съезда КПСС.

Остановился у писателя-друга Анатолия Абрамовича Аграновского. Утром 14-го октября он поговорил по телефону с Николаем Ивановичем Штанько. Тот немедленно прислал машину. И через несколько минут мы были в его кабинете.

Н. И. Штанько – душевный человек, с которым в первую же минуту знакомства чувствуешь себя как с родным. Вероятно, по принятому в редакции «Известий»

обычаю, Н. И. Штанько повёл меня в отдел школ и вузов. Заведующую этим отделом Л. М. Иванову я уже знал заочно по её боевым и дельным статьям. Друзья стали думать и гадать, как связать меня с Германом Степановичем. Нужно было преодолеть немалую трудность – испросить разрешение на свидание с космонавтом у тех, кто ведёт наблюдение за состоянием его здоровья. Звонили туда-сюда, разыскивали генерала авиации Горегляда, но попытки были тщетны.

На следующий день Н. Штанько позвонил А. Аграновскому:

– Вчера в редакцию «Известий» заходил Степан Павлович Титов. Хотел видеть меня, но не застал. Оставил записку. И другая досада: звонил мне сам космонавт – и тоже не застал. Две неудачи за один день!..

Оказалось, отца и мать космонавта ещё третьего октября пригласили в Ленинград – поделиться педагогическим опытом на съезде учителей. На обратном пути они завернули к сынку в Москву. Счастливей для меня случай! Но я опасался, что не смогу воспользоваться им: а ну-ка Саша и Степан, не зная, что я в Москве, побудут у сына день-два – и упорхнут в Сибирь!..

В редакции всё-таки узнали адрес космонавта, но и это не успокоило меня. Герман Степанович должен был лететь в Румынию и вернуться оттуда только 16-го октября в 7 часов вечера. Значит, мне нечего было и помышлять о свидании с ним. Я соображал: прилетит он из Бухареста поздно вечером, утомится, а 17-го октября будет на съезде. Так никого из них я не увижу. Приуныл.

Захожу в квартиру А. Аграновского и слышу, что он говорит по телефону с Н. Штанько, который придумал умный ход: написал записку космонавту, что я в Москве и желаю с ним встретиться. Записку эту передал с редакционным фотографом Сметаниным, работавшим на съезде КПСС. Космонавт прочитал записку Н. Штанько, немедленно позвонил ему из Кремля и просил передать, чтобы я сегодня же в два часа дня был в редакции «Известий», куда приедут он и Степан Павлович.

Мы с А. А. Аграновским прибыли к Н. И. Штанько. Сюда собралось много сотрудников редакции. Все спустились к парадному подъезду. И точно в два часа подкатила машина, из которой вышли отец и сын Титовы. Ну, понятно, пошли объятия, поцелуи, сопровождаемые междометиями, которые трудно теперь воспроизвести.

Поздоровавшись со всеми общим поклоном, космонавт и Стёпа повернулись ко мне. Я подхватил их под руки, и мы зашагали по широким лестницам редакции к лифту. Тут уж я не сдержался и воскликнул:

– Так вот какие орлы поднебесные вылетели из «Майского утра»!..

– Нет, Адриан Митрофанович, – сказал космонавт, – теперь в нашей стране из любого села такие орлы могут вылететь. И они уже стаями готовы вспорхнуть в небесные просторы!..

Зашли в кабинет Н. Штанько. И мне пришлось признаться:

– Ах, чёрт возьми! Ведь у меня раньше язык был неплохо подвешен, а сейчас завязался узлом и ничего не может сказать путного. Думал, огневую речь закачу при первой встрече, а вот всё выскочило из головы.

Все засмеялись, а космонавт:

– Адриан Митрофанович, не надо речей. Наслушались мы их досыта. Хватит. Уши от них трещат. Давайте без речей, поговорим. Попросту, как у себя дома.

Я схватил космонавта за руки и, глядя в его чудесные, светлые глаза, бессвязно затараторил:

– Так вот как, Герочка, вышло! Один луч твоей славы озарил и мою фигурку на восьмом десятке лет. День шестого августа 1961 года был днём моего второго рождения...

Я чувствовал, что несу сентиментальную околесицу, но солидные слова не садились на язык. И, очевидно, понимая моё состояние, Герман Степанович ободрил меня:

– Адриан Митрофанович, что касается «лучей», то это ещё вопрос: то ли мои вас озарили, то ли ваши меня? Я считаю, что если бы не Октябрь, да не «Майское утро», да не вы с моими родителями, то не летать бы мне в просторах Вселенной... Корни же всего идут в «Майское утро». Вы помните, как в «Отчем доме» сказано про сибирский кедр? Правильно и красиво сказано!..

В кабинете Н. Штанько мы расселись на диване: я – посредине, космонавт – слева, Стёпа – справа от меня. Нас окружили журналисты. Как всегда в подобных положениях, завязалась беспорядочная словесная перепалка с нескладными вопросами и ответами. Я «разрывался» на два фронта: говорил и с космонавтом, и со Стёпой.

– Герочка, голубчик, жалеюсь тебе на папашу твоего. Тридцать с лишком лет он не слушался меня.

– Как?!

– Я ему часто твердил в письмах: ты – литератор с «искрой», у тебя талант, который я заметил давно, растил, ожидая его проявления в творчестве. А папаша твой ничего не писал. Мне не верил. Всё время отговаривался: какой я литератор? Куда уж мне!.. А что вышло? И читатели, и писатели в один голос поют: всё лучшее, задушевное и художественное из напечатанного о «Майском утре» принадлежит перу Степана Павловича Титова!

Стёпа мой сидит. Краснеет и стыдливо опускает глаза. Герман похлопал его по плечу:

– Ну, батя, терпи! Похвалы тоже нелегко бывает переносить, но ничего не поделаешь. Знаю по себе... Перегрузка!

С. П. Титов и А. М. Топоров в г. Николаеве (Украина), 1962 г.

С трудно скрываемой радостью Степан Павлович начал вспоминать письма, которыми засыпали его:

– Среди писем есть и курьёзные. Так, одна девица пишет мне с Гавайских островов... Называет себя Титовой, сводной сестрой Геры. Уверяет, что она – моя дочь от первой жены и что космонавт-2 – сводный брат её! И поскольку признаёт себя бесспорно моей дочерью, то на этом основании просит выслать ей 600 долларов. Как видите, моя гавайская «дочка» – практичная, деловая. Берёт быка за рога!

Смеялись долго.

Был накрыт стол. Колбасу, яичницу и прочую снедь Герман Степанович уплетал добросовестно, вполне по-земному. Кто-то шутя бросил:

– Герман Степанович, наверное, от космических питательных тюбиков у вас в желудке при полёте чувствовалась некая «невесомость»?

– Да как сказать? Сила в моём организме была вполне земная. Но вот это (он кивнул на стол) всё же основательнее чувствуется, чем тюбики...

Я вспомнил, как застыл на месте, когда радио сообщило имя второго лётчика-космонавта. А Стёпа продолжил этот разговор:

– Да и мы с Сашей были оглоухены и всё спрашивали себя: «Неужели это наш Гера?!» Не верили, что наш. Думали, что это другой. Разве мало Титовых Германов в нашей стране?

Один журналист спросил Стёпу:

– Неужели родители не знали заранее, что сын полетит к звёздам?

– Ничего не знали. Правда, нас удивило то, что ещё 12-го июня в село Полковниково стали съезжаться корреспонденты, но мы предполагали, что причиной этого была деятельность Адриана Митрофановича в Сибири. Мы беседовали с корреспондентами о своём учителе, ездили с ними по следам его работы в Косихинском районе, посетили «Майское утро» и т. д. Но даже не подумали о полёте Германа. И лишь пятого августа, когда в Полковниково нагрянуло множество машин с журналистами и фотографами, когда меня и Сашу подвергли детальным распросам о сыне, мы догадались, что с Германом должно произойти что-то важное. Шестого августа всё и произошло...

Меня предупредили, что космонавт не любит расспросов о полёте, потому что про это он уже много раз говорил на официальных собраниях, заседаниях, пресс-конференциях и в печати. Я старался избегать космических тем. Н. Н. Штанько между прочим упомянул о намерении издательства «Советская Россия» переиздать книгу «Крестьяне о писателях», написанную в «Майском утре». Герман Степанович очень оживился при этом упоминании:

– Так, так... Это действительно редкая книга. В ней я вижу и чувствую всю ту благотворную культурную атмосферу, которая была в «Майском утре»; вижу моих предков, их духовный рост. Эта атмосфера, безусловно, сказалась и на моем умственном развитии... Я обязательно напишу, если позволят, предисловие к переизданной книге.

Я поблагодарил «внука» за эту любезность.

Его позвали к телефону. Вернувшись к столу, он сказал отцу и мне:

– Художник Анатолий Никифорович Яр-Кравченко просит нас приехать к нему в мастерскую. Поедете?

– С превеликим удовольствием!

Попрощавшись с радушными известинцами, космонавт, Степан Павлович и я поехали к художнику. По дороге Герман Степанович говорил:

– Я уже несколько сеансов позировал Анатолию Никифоровичу. Он написал мой портрет, который находится на выставке в Доме журналистов. Анатолий Никифорович – крупнейший живописец и обворожительный человек. Вот увидите.

На пороге мастерской нас встретил высокий, полный, краснощёкий человек с ласковыми глазами. Познакомились. Художник прежде всего подробно осведомил нас о своей новой громадной картине, над которой трудился. Картина изображала собрание советских писателей на квартире у Алексея Максимовича Горького. Великий писатель убеждал тогда младших собратьев, что на них лежит большая ответственность за идейное воспитание советского народа.

Анатолий Никифорович пояснил:

– На картине я уловил тот момент, когда Алексей Максимович произносит знаменитую фразу «На вас лежит ответственность». Этой фразой я и назову картину.

Художник познакомил нас и с другими своими работами и творческими планами. Впившись надолго глазами в космонавта, спросил его:

– Герман Степанович, читаю в газетах и журналах, что вы любите поэзию, живопись, музыку, читаете стихи, поёте... Откуда все это у вас?

– Да всё оттуда же, из «Майского утра».

И, взглянув на часы, космонавт заторопился:

– Ну, извините меня: пора на заседание партсъезда. До свидания.

И уехал в Кремль. А мы со Стёпой ещё долго слушали повествования Анатолия Никифоровича о его большом и плодотворном пути, каждый этап которого был проиллюстрирован изумительными рисунками во многих альбомах.

Художник подарил нам на память репродукции с его картин. Под конец беседы он обратился к Степе:

– Вы непременно пришлите мне ваши работы. Я посмотрю их.

Стёпа смутился:

– Да что вы, Анатолий Никифорович?! У меня же детская мазня. Стыдно показывать простым людям, а не то что вам.

– А я говорю: пришлите. Охотно помогу вам.

Поздно вечером расстались мы с одним из крупнейших мастеров кисти.

Утром следующего дня в редакции «Известий» я встретился со своей ученицей Сашей Носовой-Титовой – матерью космонавта. Она прибыла со Степаном Павловичем. Более тридцати лет мы не виделись. Время изменило нас обоих до неузнаваемости. Встреча была полной слёз радости и горя при воспоминании о старых коммунарах, положивших первые камни в строительство коммунизма в Сибири.

Трогательный рассказ Сашеньки оживил незабываемые картины нашей жизни и культурно-просветительной работы в славной коммуне, где выросли и воспитались многие советские врачи, агрономы, инженеры, педагоги, лётчики, кандидаты наук и прославленный космонавт Герман Степанович Титов. Нетерпимо терзала сердце мысль о том, что из тридцати моих учеников-коммунаров, защищавших Родину в минувшую Отечественную войну, живыми остались только двое.

Н. И. Штанько предложил посетить издательство «Советская Россия». Там у парадного подъезда нас встретили руководители во главе с директором издательства В. К. Грудининым. В художественном отделе нам показали образец нового издания повести А. Волкова и Н. Штанько «Ветвь сибирского кедра» (иное название «Отчего дома»). Посмотрели мы и иллюстрации к этой книге. «Советская Россия» готовила и издание повести «Два детства» Степана Павловича Титова.

Из «Советской России» нас доставили в радиостудию Центрального телеграфа на улице Горького. Режиссер А. И. Платонов попросил Степана Павловича и меня

прочсть перед микрофоном отрывки из наших воспоминаний. Мы это сделали.

Уже темнело, когда у одного из подъездов Центрального телеграфа Саша, Стёпа и я расстались. Думалось – навсегда...

***

...Отец и сын Титовы любят преподносить приятные неожиданности. 24 июня 1962 года был праздничный день. Я отправился в яхт-клуб, чтобы подышать чистым воздухом Южного Буга. Сижу, наблюдаю за игрой шахматистов. Вдруг слышу голос внука Вовы:

– Дед! Скорее домой! Степан Павлович прилетел!

Бегу. И вот тебе – новая радостная встреча с любимым учеником. Стёпа смеётся:

– Многих николаевцев я спрашивал, где улица Мархлевского, отвечали – не знаем. Да спасибо, одна старушка выручила: да это же, говорит, улица Католическая по-старому... Старушка эта и довела меня до вашего дома. А то я дважды доходил до него – и возвращался в гостиницу.

А жена моя чуть-чуть не упустила дорогого гостя... до моего прихода из яхт-клуба. Рассказывала, как это было:

– Сижу я, читаю книгу. Слышу – стучат. Войдите, говорю. Не входит. Отворяю дверь. Стоит за порогом мужчина. Шляпа надвинута на глаза. Спрашивает: «Адриан Митрофанович дома?» – «Нету». – «А где же он?» – «В яхт-клубе». – «Когда вернётся?» – «Не знаю». – «Ну, я уж после зайду». – «Да вы заходите, пожалуйста, в комнату». Мужчина вошёл в коридор и снял шляпу. Я и ахнула: «Степан Павлович! Да вы ли это?!» – «Да, самый доподлинный ваш бывший ученик по рисованию»...

Годы и житейские треволнения преобразили давних друзей так, что они не узнали сначала друг друга...

Интересно прошла содержательная встреча Степана Павловича с сотрудниками газеты «Южная правда».

На второй день работник обкома партии товарищ Бацан усадил в автомашину Стёпу, фотографа К. В. Дудченко и меня и повёз нас по всем достопримечательностям города Николаева. Были мы и на строительстве нового моста через Южный Буг. Главный строитель, лауреат Ленинской премии Корелли, давал пояснения о его новом методе мостостроения, за который он и был удостоен высшей награды. Затем на катере мы дважды переплыли Южный Буг.

Вечером мы со Стёпой выступали в Лесках в пионерском лагере. Через три дня желанный гость улетел. Я подарил на память одну из моих скрипок.

В то же лето у меня гостила сестра космонавта Земфира. Заодно она проходила фармацевтическую практику в аптеке № 3 города Николаева...

***

И при личном свидании в Москве, и в печати Герман Степанович обещал посетить «духовного» деда в Николаеве. Приезд его тоже был как снег на голову. Летом 1963 года космонавт проводил отпуск с семьёй на киевском курорте Пуща-Водица.

Под вечер 20 августа он на своей автомашине и подкатил ко мне. Один, без шофёра. Без всяких регалий, без фуражки, в рубашке-безрукавке и в расхоженьких штанишках.

В то время я сидел у соседа на втором этаже дома. Поэтому я не видел первого появления космонавта в нашей квартире. Передаю слово очевидице – невестке Марии Михайловне:

Фотография Г. С. Титова с автографом, подаренная А. М. Топорову.

– Юрий (муж) пришёл с работы и лежал на кровати, читая книгу. Я была в ванной... Стук в дверь. Юрий крикнул «да». Кто-то вошёл в комнату. И я тоже вошла туда. На краешке стула сидит небольшого роста человек и поигрывает ключиком от автомашины. Спрашивает Адриана Митрофановича. Я смотрю на человека и думаю: к нашему деду всегда приходят учителя, артисты, писатели, музыканты, а зачем же к нему какой-то шофёр пришёл?! Всматриваюсь в лицо – знакомое! Где-то я его видела, но не могу вспомнить где! Говорю: «Адриан Митрофанович наверху, у соседа. Позвать?» – «Позовите». – «А как сказать, кто спрашивает?» – «Герман». – «Какой Герман?» – «Титов»... Батюшки!.. Я брык на стул!.. Юрий спрыгнул с кровати и заорал: «Гера!..» И давай тискать его, обнимать-целовать! Я – наверх за дедом...

Марья Михайловна ворвалась к соседу и как угорелая завопила:

– Дед! Домой! Скорей! Космонавт приехал!..

Я опрометью кинулся вниз и в коридоре обнял долгожданного «внука». Как полагается, пропустили его через «санобработку», а дальше пошла суматоха подготовки к «приёму».

Когда космонавт въезжал во двор и выходил из автомашины, детвора узнала его в лицо. И через несколько минут по городу полетело:

– Космонавт Герман Титов приехал к Топорову!

Первый звонок был из обкома партии. Просили выступить. Но космонавт ответил:

Простите, не могу. Я неофициально приехал к своему деду и на публичное выступление разрешения не имею...

Его поняли и больше не тревожили. А вскоре весь наш двор, весь квартал улицы Свердлова и вся наша квартира были запружены толпой.

Герман Степанович не хотел никаких фото- и телесъёмок, так они ему надоели, но я упрямил его «потерпеть». Он сдался, и телестудийцы, и фотографы «Южной правды» засняли некоторые моменты его приезда...

Как, вероятно, всюду, в Николаеве о космонавтах почему-то ходили всякие домыслы, порой нелепые. Скажу только о самом чудовищном.

Мой приятель и партнёр по игре в симфоническом оркестре инженер В. И. Шенфельд как-то на репетиции шептал мне:

– Адриан Митрофанович, а ведь Герман Титов давно уже умер от космической радиации, но об этом молчат, чтобы не огорчать народ, не сеять паники. А вы-то уж, конечно, знаете всё. Скажите по строжайшему секрету – умер или жив? Клянусь здоровьем, никому не передам!..

Я расхохотался:

– Вот что, Витя, космонавт намеревался навестить меня в Николаеве. Если в самом деле он приедет, я тебе сейчас же позвоню, позову.

И позвонил – позвал. Нарочно посадил Фому неверующего рядом с космонавтом:

– Садись, Витя, пей с «покойником» шампанское и жуй жареных бычков!

Вот так чья-то злоумышленная брехня была убита.

Во время последнего обеда к открытому окну подошли дети из детского садика. Они читали стихи и кидали космонавту цветы.

Герман Степанович много и увлекательно рассказывал о своих зарубежных путешествиях, типах, нравах и обычаях иноземцев.

21 августа на закате солнца, дав сотни автографов, выдержав атаки фотографов и телеоператоров, он отбыл в Одессу...

***

... Руководящие органы Николаева запланировали на 20-21 октября 1967 года слёт комсомольцев трёх поколений. Это дело было обставлено особенно пышно. Для пущего эффекта пригласили космонавта Германа Степановича Титова. Заключительную фазу торжества наметили провести в Парке Победы 21 октября.

Зная, что космонавты строго экономят время, я ожидал прилёта «духовного внука» в Николаев не раньше 20 октября.

Накануне вечером я направился на очередное собрание литературного объединения при редакции «Южной правды». Мокрый от дождя асфальт на широкой Адмиральской улице сверкал под светом фонарей. Движение в городе стихло. Я спокойно шлёпал посередине улицы. Внезапно за спиной я услышал шипенье, хлопанье автомобильных шин и крик:

– Стой!

«Неужели грабители?!» – подумал я.

Машина остановилась. Из неё вынырнул наш вездесущий и всеведущий журналист Борис Лазаревич Аров.

– Я за вами. Садитесь, едем.

– Куда? Зачем?

– Герман Степанович уже прилетел. Меня послали за вами. Был у вас на квартире. Сказали, что ушёл на литобъединение. Я и настиг вас. Садитесь.

– Где же космонавт?

– В Лесках – на даче обкома.

Приехали туда. Эта дача – резиденция для приезжающих в Николаев высоких должностных лиц и гостей.

Я вступил в ярко освещённую большую роскошную комнату. Вокруг длинного, обильно сервированного стола уже сидели многие высокопоставленные лица. «Ассамблею» остроумно вёл секретарь обкома В. А. Васильев.

Герман Степанович пошёл ко мне навстречу. Обнялись. Мне отвели место рядом с «первоприсутствующим». Вот куда залетела «белая ворона»! Думал ли, гадал ли я когда-либо попасть в «высшую областную сферу»?!

Всё шло чинно, благородно. Шутки, остроты, смех и тосты, тосты, тосты! Секретарь горкома партии Е. И. Волохова произнесла тост даже в мой адрес! Держал достойный ответ и я.

Ужин был лукулловский. И во сне я такого не едал! В интервалах между яствами гости поднимались на второй этаж, смотрели по телевизору футбольный матч, спускались вниз, играли на бильярде. Но своей музыки не было. К пианино никто не притронулся.

Во втором часу ночи меня на автомашине доставили домой. Космонавт на этот раз был гостем города и ночевал в отведённых ему апартаментах.

Наутро он выступал по местному телевидению. Интервью с ним вёл Б. Аров. Затянули в телестудию и меня. Я сидел возле космонавта в качестве живой мебели. И только для того, чтобы «внук», отвечая на вопрос о цели его приезда в Николаев, мог бросить взгляд на меня и сказать:

– После празднества хотелось проведать и своего духовного деда.

Этот взгляд космонавта ловко поймал на фото К. В. Дудченко. Вышел редкий по живости снимок.

По окончании собрания представителей трех поколений комсомольцев первый секретарь обкома партии Т. Т. Поплевкин завёз Германа Степановича на нашу квартиру и пошутил:

– Оставляю вам гостя на один час. Потом заеду за ним и заберу.

Мы просили Трофима Трофимовича оставить у нас космонавта подольше.

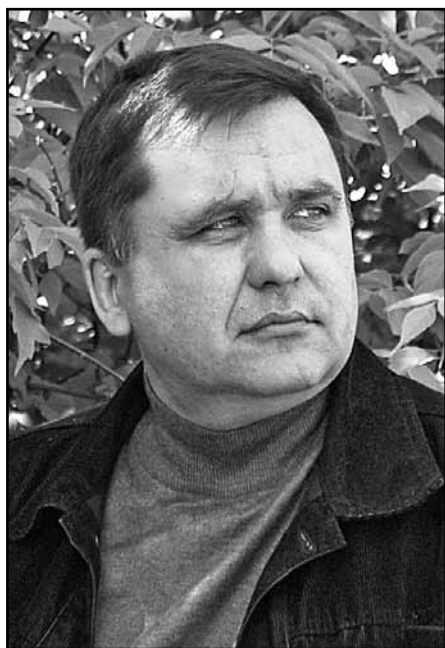
– Не могу! Прошлый раз он был вашим гостем, а ныне – нашим.

Набавил только 15 минут. А потом приехал и увёз... Такой мимолетной была моя вторая встреча с «духовным внуком» в Николаеве.

ПОЭЗИЯ

Юрий
ПЕРМИНОВ

Юрий Петрович ПЕРМИНОВ родился 16 мая 1961 года. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института имени М. Горького. Служил в армии, работал на промышленных предприятиях Омска, обозревателем и главным редактором газеты «Омское время». Автор семи книг и многих публикаций (стихи, эссе) в региональной, центральной и зарубежной периодике. Он соавтор ряда поэтических антологий. Редактор-составитель антологии сибирской поэзии «Слово о Матери». Лауреат Международной литературной премии «Югра», Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо-2008», премии «Точка на карте по имени Омск. Слово. Стиль. Патриотизм». Член Союза писателей России. Живёт в Омске. Работает главным редактором альманаха «Тобольск и вся Сибирь». *Уважаемый Юрий Петрович, поздравляем Вас с 50-летием! Желаем Вам больших житейских и новых творческих успехов, бодрости духа и крепкого здоровья!*

ПРОШЛОГО СВЕТЛЫЕ ДНИ

***

И это утро – Божья милость,
и каждый день, и каждый час...

Россия – нынче мне помстилось –
устала, магушка... От нас? –
шумящих, страждущих, живущих
укромно – друг от друга врозь –
в кирпичных и бетонных
кущах
и слепо верящих в «авось»...

Вот так же

Сам небось немало
шумел как ветер-сухостей!
«Я не устала...» – скажет мама,
и ты, оглохший, веришь ей...

***

Прибилась хрупкая звезда
пичугой зимней к дому...

Я по-другому жил бы, да
живу не по-другому.

Ночную жажду
утолю
с утра сердечной жаждой...

Сказал бы женщине: «Люблю»,
но – говорю не каждой.

Зима морозами крепка,
но солнце светит ало...

Слепил бы я снеговика,
но снега нынче мало...

Ночная женщина, прости! –
Как нищий – что не ново –
стою под небом,
а в горсти
пыльца тепла ночного...

***

Так и жил бы до смерти, как нынче, дыша
миром наших окраин, когда надо мною –
как Всевышнего длань – небосвод...

С Иртыша

сквозняки наплывают – волна за волною.

Незабытым, несуетным прошлым богат
мир окраин моих, словно вечным – планета...
Одинокая память родительский сад
опахнула неслышимой бабочкой света
и вернула меня – на мгновение лишь! –
в мир окраин страны без вражды и лукавства,
но напомнив о том, что бессмертный Иртыш
двадцать лет из чужого течёт государства
и века – из того, где в далёком году
свет мой бабушка деду «Соловушку» пела,
родилась моя мама,
а с яблонь в саду
навсегда в сорок первом листва облетела...

***

В доме хлебушек есть, ни один мой выносливый чёбот
нынче каши не просит, поскольку и маслица нет,
значит, смерти моей не дождутся вражины, о чём бы
не вещал из дупла телеящика их меламед,
или как там его...

Да какая мне разница! – Худо
жить, кого-то боясь, кроме Господа, не на века
злая сила... Моя – в малой степени в том, что покуда
в доме хлебушек есть, в том, что чёботы целы пока.

***

Несусветно темно, как в мешке у Солохи,
ни на проблеск не видно небесный испод.
Протрезвлённая жизнь под забором эпохи
(чья – не ведаю) песню душевно поёт.

Что за песня! Таковую не слышал я сроду!
Или... тихо забылась, как детские сны.

Поселковый народ просветлел в непогоду
погружённой в беспамятный сумрак страны.

И – подхвачена песня! Наверное, вскоре
кто-нибудь –
испарись, вековая тоска! –
непременно отыщет
то место в заборе,
где непрочно сидит гробовая доска.

***

Не ко всему, но ко многому в жизни привычен.
Уразумел: бесконечна Вселенная – при
том, что живу на окраине... Слушаю птичий
благовест – в первых светлеющих
каплях зари
в нашем дворе, где так мало простора для ветра.

Дума закатная, лихо моё, отвяжись!

Знаю, рассвет повториться не сможет,
но в этой
неповторимости – тайна бессмертия. Жизнь.

***

Я жил в деревне... Кем? – И по сей день не понял.
В деревне той давно не помнят обо мне:
я не родился там, не вырос и не помер;
нашёл душе приют – на время – в тишине.

Не время подводить – и ни к чему – итоги,
но есть уже один: я не узнал, что на
другом конце немой просёлочной дороги
всё время ночь была
и мёртвой – тишина.

***

Время ночное, просторное...
Ухает леший
в местном лесочке – худые осины одни...
Время незримое сердце скудельное лечит,
вечность вдыхая в мои незлобивые дни.

Ухает леший – кого он пугает? – В лесочке
нет никого, не считая ночного меня.

Время весеннее... В каждой осиновой почке
тикает вечность ещё незнакомого дня.

***

Дождь затихает... Прячется пока
в берёзах птичья ветреная паства,
а к горизонту тянется строка
тропы
среди могильного пространства.
Здесь много троп сливаются в одну,
где сердцем несмолкаемым так просто
расслышать сквозь живую тишину
родных небес
безмолвие погоста...

***

Земле и жизни даже через тыщу
холодных лет
не стану неродным:
хорошие, плохие ли – отыщут
всегда о них известия...
Давным-
давно хороших не было известий,
но к жизни проявляю интерес:
тепло ли ночью выводкам созвездий
в таком огромном птичнике небес?

***

Молчат о чём в автобусе вечернем –
о том, что ждёт, не ждёт ли впереди? –
девица с парнем, бабушка с печеньем,
кондуктор с тощей сумкой на груди,
хмельной мужик, партиец чей-то с пачкой
листочков (он протестами пропах)?
Молчит гражданка с комнатной собачкой,
молчащей у гражданки на руках.
Молчит абрек суровый – губы в жире
от шашлыка... Молчит юнец, жуя
резину...

Нынче в каждом пассажире
родного человека вижу я.
Пусть век наш громкий сжалится над ними,
вдохнёт в молчащих бодрости заряд...

Надеюсь, что останутся родными
они потом. Когда заговорят.

***

И подумать не мог, что у нас в ноябре
будет солнечно, словно в погожем июне,
в неказистом, обычно невзрачном дворе...
Словно Пушкин сюда заглянул накануне!

Из окна моего – ослепительный вид.
Здесь, конечно, не в сказке, но всё-таки жалко,
что могла бы сидеть, но, увы, не сидит
на ветвях
неохватной рябины – русалка.

А с Кашеем никто из жильцов не знаком,
потому что окраина наша богата
тем, что здесь никогда, слава Богу, в таком –
чтобы чахнуть – количестве не было злата.

***

В дымке прошлого светлые дни
потускнели, но самую малость.
Не осталось почти что родни,
жизнестойкая память осталась.
Опустились родные снега
на окраинный тихий посёлок...
Нынче в сердце моём – ни врага,
ни жены,
а небесный осколок
Рождества охладеть не даёт.
Алконост – беспечальная птица
зимородок – в рассветный мой год
из вечернего века стремится.

Только здесь, где живу, без меня
счёт пойдёт на секунды, на крохи
от бессмертного первого дня
до мгновенной – последней – эпохи.

***

Спросило бы время: «Ты здешний?»,
ответил бы: «Свой».
Такой, что другого рассвета – ни капли не надо.
...Рассветное время пульсирует влажной листвой
кустов облепихи, живущих напротив детсада.

Пока – тишина...

До неведомой близкой поры
она – по соседству – ещё уживается
с нами,
людьми, вызывающим с тутошной Лысой горы
безбожного шума, базарного ора цунами...

Но – утро:

мамаши ведут ребятишек в детсад,
и время надеждой, пока невесомой
и тихой,
как бабочка,
дышит над городом утренним, над –
Бог ведает, сколько живущей у нас – облепихой.

***

Снег апрельский – остатный – темнее свинца,
тают в небе охлопки тумана...
Мама сердцем больным вспоминает отца –
незабвенного деда Ивана.

К ЖИТЕЙСКОМУ 50-ЛЕТИЮ ВСЕРОССИЙСКО-СИБИРСКОГО ПОЭТА-ОМИЧА ЮРИЯ ПЕРМИНОВА

Русский поэт Юрий Перминов живёт в Сибири, пишет для всей России, звучит на весь мир. И это всё сущая правда. Не спорить же с теми, кто не читал его стихов, и с теми, кто поэзию напрочь не понимает.

Творчество Юрия Перминова настраивает (не требует и не заставляет!) на вглядывание и вслушивание, в том смысле, что мимо просто так не пройдёшь, ибо захочется перечитывать, передумывая и переживая каждую строку-стих. И вот уж наизусть (оказывается!) знаешь его стихотворения, вот уж читаешь-цитируешь их в простом разговоре с добрыми-интересными людьми, невольно напеваешь и ясно видишь внутренним взором (как фильмы, видения?)...

У Юрия Перминова всё своеобразно: дыхание-ритм, настроение-интонация, образность-детализация, тема-откровение, сюжет-размышление... А потому что он талантлив. Его поэтический дар испытание временем прошёл успешно. Он именно талантливый поэт, а не замечательный. Замечательный он как писатель – потому, что многое в этой жизни замечает и в своих произведениях растворяет-расселяет. Он добрый и общается только с добрыми людьми. А ещё он чуткий, потому что умеет слушать и слышать людей, смотреть на них и видеть их...

Юрий Перминов творчески инициативен, активен и результативен не только как поэт, но и как редактор и издатель (кстати, он и как журналист могуче талантлив).

И вот ему 50 лет. Что ж, ни много ни мало. Так это по паспорту! А в душе Юре, пожалуй, 17 лет. Но вот поговоришь с ним и неожиданно для себя осознаешь, что ему – Юрию Петровичу Перминову – тыща лет!.. Ну? – и что это: парадоксы, противоречия?.. А ни то и ни другое, а что-то третье или десятое. Он есть талантливая творческая личность.

В Алтайском крае (родина Шукшина и Титова, Калашникова и Рождественского, Пырьева и Савиновой!..) ценители поэзии открыли Юрия Перминова лет пять назад. И очень рады этому открытию, как рады встречам с ним на творческих вечерах, Шукшинских днях в Алтайском крае, на семинарах молодых литераторов. В Алтайском крае стараниями бийского поэта Сергея Филатова и иже с ним изданы две поэтические книги Юрия Перминова – «Головокруженщины мои» и «На родных сквозняках» (попробуйте сыщите их где – хоть днём с огнём!). Недавно литературный фонд «Август» пригласил его в круг своих авторов.

22 апреля в Алтайской краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова состоялась презентация новой книги Юрия Перминова «На родных сквозняках», изданной в начале этого года в книжной серии «Сибирская библиотека» (г. Барнаул, ОАО «Алтайский дом печати»). В ходе общения он преподнёс в подарок библиотеке солидный книжно-альбомный комплект и новый выпуск альманаха (главным редактором которого он является) «Тобольск и вся Сибирь. Барнаул», издаваемые общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска».

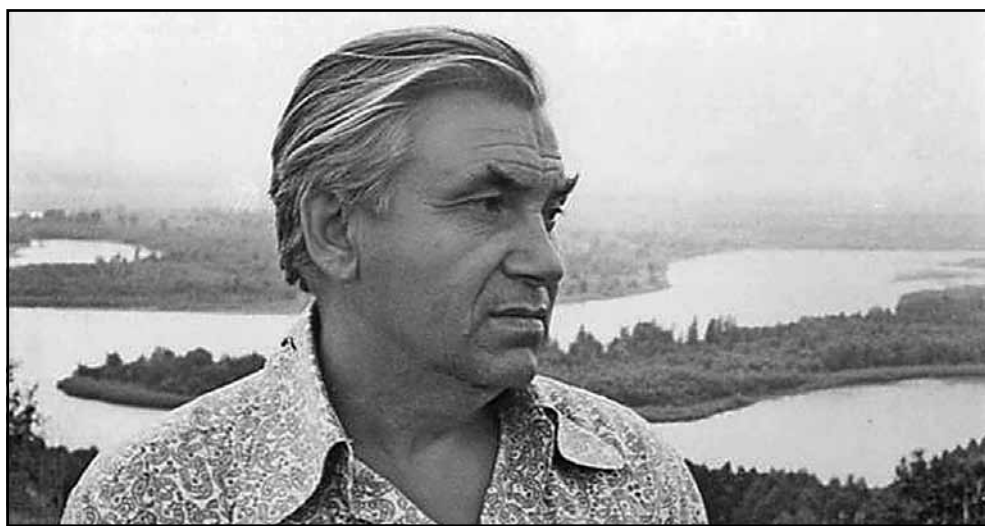
В последующие два дня он участвовал в роли руководителя семинара поэзии краевого совещания молодых литераторов, который проводила Алтайская краевая организация Союза писателей России.

Благодарим тебя, дорогой Юрий Петрович, за дружбу и сотрудничество.
С юбилеем!

ПАМЯТЬ

ДУШОЮ СТЕПИ И МОРЯ*

/.../ Соболев в каждой военной книге находил своим героям земляков, чтобы они могли обогреться воспоминанием друг подле друга, чтобы в трудный час видели ободряющий взгляд родного дома и поля. Когда-нибудь кто-нибудь из земляков, исследователей его творчества, вероятно, взглянется, не торопясь, в стилистику и строй соболевских книг и с благодарностью обнаружит, что сам ритм, сама интонация их таинственным образом сродни именно степному Алтаю, его чистым рекам и сильным травам, его спокойной дали, смягчённой берёзовыми рощами и синюющими вдали горами.

В последние годы он рвался и рвался на родину, присматривался, приравнивался душой, часто говорил об этом, чтобы уж дороги назад не было. И вот не успел... И так хочется верить, что в последний час милосердная судьба дала ему хотя бы на самый малый последний миг за тем страшным сном с обрывающимся кабелем ещё один – ведь сны так мгновенны, – который видел герой его последней книги «Якорей не бросать»: «...мне снится гроза... Я бегу босыми ногами по горячим лужам, и нечем дышать. И вдруг слышу, как чудесный женский голос поёт что-то прекрасное. И неясная, неосознанная тоска больно схватывает сердце...

Там вдали, в тумане синем...

Идут дожди, дожди косые...

Прекрасны дожди на земле в июльскую пору, когда лето достигнет уже макушки и всё в природе наберёт силу и красоту! И когда над степью разразится не страшная гроза, прекрасно бежать босиком, подставляя голову под тёплые тугие струи... А может, это приступ начинается...»

В первую годовщину его смерти такая гроза застала нас на его могиле. И дети бежали мимо босиком, как в его дальнем детстве, в его «Грозовой степи», как в его последнем сне. И вдруг так явственно не то в нас, не то рядом как будто кто вслух сказал: ВЕРНУЛСЯ!

Валентин КУРБАТОВ.

---

* Финальная часть статьи «Душою степи и моря. О жизни и творчестве А. П. Соболева».

ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ

...В 1943 году Анатолий Соболев 17-летним добровольцем ушёл на фронт. Окончив водолазную школу, воевал-служил на Северном и Балтийском флотах до 1950 года. Более трёх тысяч часов провёл он под водой, участвуя в обезвреживании мин, поднятии затонувших кораблей и погибших людей...

Для справки (говорю это как водолаз): отработав под водой 10 лет и набрав три тысячи спусковых часов, водолазы в 50 лет уходят на пенсию. Их работа и опасная, и вредная, и страшная... Тем более в военное и послевоенное время. Чтобы переболеть, как А. П. Соболев, «кессонкой» (специфической водолазной болезнью, при которой кровь, перенасыщенная азотом, разрывает сосуды и нарушает функции организма) и встать в строй – необходимо, кроме крепкого здоровья, большое мужество...

Лихолетье военных и послевоенных лет проходит сквозной темой во многих произведениях Анатолия Пантелеевича Соболева: «Какая-то станция», «Тихий пост», «Награде не подлежит», «Бушлат на вырост», «Якорей не бросать», «Искупление вины», «Штормовой пеленг»... По повести «Штормовой пеленг» поставлен художественный фильм «Посейдон спешит на помощь», где одну из главных ролей сыграл замечательный актёр Георгий Жжёнов.

Анатолий Соболев из поколения наших отцов-победителей. Его имя по праву стоит в славном ряду писателей-фронтовиков, без которых немислима отечественная словесность, – это Виктор Астафьев, Евгений Носов, Константин Воробьёв, Виктор Некрасов, Василь Быков, Юрий Бондарев.

Произведения Соболева, несмотря на их трагичность, проникнуты добротой и светом, лиризмом и... романтикой военных буден, поскольку зачастую его герои – это мальчишки в солдатских и матросских бушлатах. В них живёт чувство вины перед друзьями, оставшимися по ту сторону бытия. Вот почему его книги – это мужественное искупление вины через служение слову.

Замечательный рассказ «Алтайский француз» – произведение о памяти людской, об искуплении вины через боль души и страдания человека, волею обстоятельств оторванного от родины и много лет прожившего на чужбине. Автор понимает этого человека, но в то же время невольно сравнивает его со своим отцом (бывшим однополчанином героя), который через все лишения и невзгоды из далёкой Африки, прошагав пешком через всю Европу, вернулся на родину – в многострадальную Россию, полыхающую в огне кровавой гражданской войны.

Вспоминаются слова Анатолия Пантелеевича Соболева: «Алтай, мой Алтай! Я к тебе хочу!» Они соотносимы и с автором, и с его героями. Думаю, их можно поставить эпиграфом к рассказу «Алтайский француз».

Владимир КОРЖОВ.

НАШ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЗЕМЛЯК

*К 85-летию
писателя-фронтовика
А. П. Соболева*

Анатолий Пантелеевич Соболев родился 6 мая 1926 года в селе Кытманово Алтайского края, но своей родиной считал далёкое от Кытманова село Смоленское (1930-1937 гг.). Именно о Смоленском его поэтически увлекательная повесть «Грозная степь», которой в 1963 году на Всесоюзном конкурсе лучших книг для детей была присуждена вторая премия. Несмотря на суровость и даже трагизм описываемых событий, повесть наполнена радостью, светом детства, она жизнеутверждающе прекрасна. Описываемые события происходили в 30-е годы в селе Смоленском, где его отец Пантелей Петрович Соболев работал первым секретарём райкома партии.

Годы детства, проведённые на смоленской земле (1926-1937 гг.), оставили неизгладимый след в творческой судьбе будущего писателя:

«... Каждое лето мы с дедом уезжаем на покос...

... Встаём мы рано.

Пробудившись, я чувствую, что ждёт меня что-то счастливое, большое и красивое, как радуга-семицветка. Знаю, будем косить, и будет сладкая усталость, будет золотое солнце, будет звонкий говор берёз и медово-духмяные степные дали, будет с шорохом никнуть трава под литовкой и за спиной оставаться валы пахучей свежей кошанины. А вечером, когда тёплый багрянец заката обольёт верхушки деревьев, я буду купаться в парной воде Ключарки. А потом будет полный таинства вечер у костра и рассказы деда, от которых замирает сердце.

Ах, какой большой и сказочный день предстоит мне прожить!..»

С этой повести началась литературная деятельность писателя Анатолия Соболева.

Новокузнецк, Заполярье, Москва, Пермь, Калининград... А душа стремилась на Алтай – в родное село Смоленское. Оно стало главным в его творческой биографии.

Во время Великой Отечественной войны Анатолий Соболев был водолазом. Семь лет водолазной службы (1943-1950 гг.), три тысячи часов под водой побудили его рассказать современникам всю суровую правду о виденном и пережитом: «Война жестока и безобразна, и возникновение этих храбрых книг о войне, особенно о разведчиках, – преступление перед погибшими и перед совестью, обман молодого поколения. Литературе о войне постыдно быть только развлечением. Правду, одну только правду должны мы писать о войне. Поэтому я так ценю честность Василя Быкова, Константина Воробьёва, Евгения Носова, Виктора Астафьева, Юрия Бондарева».

Ориентируясь в своём творчестве на этих писателей, он не подражал им, а писал кровное – о своём и по-своему. Трудно шли к читателю его правдивые книги, их отказывались публиковать многие журналы...

Анатолий Соболев, выступая на Шукшинских чтениях 1979 года, сказал: «Я много думал о творчестве В. М. Шукшина и свои планы, свои новые книги мысленно отдаю на суд ему. А что бы сказал Шукшин? «Награде не подлежит» – лучшая из моих книг, созданных за 20 лет. И только эту книгу было бы не стыдно показать В. М. Шукшину».

Под разными предлогами писатель получал отказ на издание этой повести, хотя можно было издать её за границей. С ним «заигрывали» зарубежные издательства. Но Соболев все предложения отклонял. Он много раз издавался в других странах, но только после того, как повесть была издана отдельной книгой в нашей стране.

Среди всего им созданного явно выделяется роман «Якорей не бросать». В 1972 году Соболев на полгода уходит в море простым матросом, чтобы испытать все тяготы жизни рыбака современного рыболовецкого траулера. Собранный материал лёг в основу романа, но прежде было... 10 лет работы над ним. Из выступления А. П. Соболева (Пенза, 1985 г.): «... Где-то в Атлантике или Индийском океане будет залита нефтью огромная площадь, а на Алтае или здесь, в Пензенской области, наступит засуха, потому что не выпадут осадки. Влагу нам даёт тоже океан. В природе всё связано. Планета так беззащитна, что спасение её – дело рук всех людей, где бы они ни проживали. Надо бить в колокола не только победные, к чему мы так приучены, но и в предупреждающие, в тревожные. Пока не поздно, надо воспитывать в человеке экологическую совесть».

Рукопись книги была сдана в издательство к 60-летию писателя, но Анатолий Пантелеевич её не увидел... Роман был издан после его смерти, в 1986 году.

Так сложилось, что с 1968 года Соболев жил вдалеке от Алтая – в Калининграде. Город привлекал близостью моря, напоминая о годах молодости. Но писатель очень любил свою родину – Алтай.

Вот фрагмент из письма Соболева учительнице из г. Донецка: «...получил Ваше письмо и порадовался, что Вы были на Шукшинских чтениях, а значит, на моей родине. Думаю, что Алтай пришёлся Вам по душе. Конечно, как говорят, каждый кулик своё болото хвалит, но всё равно Алтай прекрасен. Я в этом убеждён не только как человек, родившийся там...»

И не случайно многие его герои – выходцы с Алтая. В каждом его произведении можно найти хоть строчку, связанную с нашими алтайскими просторами:

«– А чо я! – спокойно отозвался Лукич. – Тоже не в поле обсевов. В колхозе бригадиры нужны. Полеводом буду. – Он вздохнул с сожалением. – Шоферить вот больше не могу. Любил я это дело. Едешь, бывало, по степи – простор! Ветерок в лицо бьёт. От Бийска до Белокурихи иль по Чуйскому тракту до самой Монголии. Душа не нарадуется на наши алтайские места. Красивше нету...»

...После работы Костя уходил в сопки и бродил в одиночестве. Здесь, в сопках, он вспоминал родные места, вспоминал угор за деревней, поросший лепетливым березняком, а внизу голубую и холодную Катунь и зелёные кудрявые острова на реке, заросшие ежевикой, калиной и облепихой. Река, бравшая исток в горах и бешеная в верховьях, возле Костиной деревни выходила на степные равнинные места и разливалась на несколько рукавов и протоков. Сейчас бы туда, в родимую сторонку!...» Это из повести А. П. Соболева «Награде не подлежит».

В последние годы всё чаще приезжал писатель в родные места, мечтая переселиться сюда навсегда. Но осуществить свою мечту ему так и не удалось.

28 июня 1986 года, после своего 60-летия, в заключительный день работы VIII Всесоюзного съезда писателей, Анатолий Пантелеевич скоропостижно скончался в гостинице «Россия».

Из книги Г. Г. Васюковой-Соболевой «Гори, гори, моя звезда»: «Я вспомнила наш с ним давний разговор, в котором он говорил, что хочет быть похороненным на своей родной земле – на Алтае... Торжественное захоронение должно было состояться в конце июля, во время Шукшинских чтений на Алтае. Он сам заказал билеты на свои похороны. Так получилось, хотя думали мы тогда о другом. Передо мной записка, написанная его рукой: «26 июня – четверг, с 8 до 13 ч. – ж/д билеты на 21 июля, вагон 16, места 3 и 4, 80 руб.». Билеты принесли... По этим билетам мы выехали в Москву с Наташей и Дашей, чтобы оттуда лететь на Алтай».

Анатолий Пантелеевич похоронен в родном селе Смоленском на Аллее Победы, рядом со своими земляками, погибшими в Великую Отечественную войну, о которых он писал в своих книгах. В 1987 году в июле на смоленскую землю приехали помянуть светлое имя Анатолия Пантелеевича Соболева его друзья-писатели, родные и близкие. С того времени на Алтае и стали проходить Соболевские чтения. В тот сложный период (конец 90-х годов) чтения проходили нерегулярно: отмечали в основном юбилей писателя. Но случайное совпадение Соболевских чтений с Шукшинскими чтениями дало возможность приезжающим литераторам и людям искусства посещать родину известного писателя-фронтовика А. П. Соболева.

Почти сразу после смерти Анатолия Пантелеевича его друзья и близкие стали хлопотать о создании музея в доме, где проживала семья Соболевых с 1930-го по 1937 год. По ходатайству общественности села, отдела культуры и на основании решения районного Совета народных депутатов от 15 февраля 1989 года был создан Дом-музей А. П. Соболева **(на фото)**. Это было начало большой работы по увековечиванию памяти писателя-земляка. А 27 декабря 1992 года официально распахнулись двери Смоленского историко-мемориального музея писателя-фронтовика А. П. Соболева. Его творческое наследие – наше достояние и богатый источник воспитания молодёжи. Музей растёт и развивается, порой вопреки планам и прогнозам. Благодаря творчеству писателя Смоленский район стал известен далеко за пределами края.

В 2001 году отмечался юбилей – 75 лет со дня рождения А. П. Соболева, тогда же состоялось открытие памятника ему (автор – новосибирский скульптор Владимир Грачёв). С того года Соболевские чтения проводятся ежегодно в краевом статусе.

*Ольга КАЗАНИНА –
директор Смоленского историко-мемориального музея
А. П. Соболева.*

Анатолий СОБОЛЕВ

АЛТАЙСКИЙ ФРАНЦУЗ

РАССКАЗ

Странная и по-своему счастливая для меня встреча произошла несколько лет назад в международном поезде «Москва – Берлин». Я ехал тогда в Варшаву. После Бреста, когда пересекли границу, мимо окон поплыли скудные земли под низким дождливым небом. По раскисшим осенним просёлкам изредка тянулись конные повозки. Диковинно было видеть эти мокрые крестьянские фургоны, от которых, как и всякий горожанин, я отвык.

Напротив меня в купе сидел красивый старик, ещё крепкий, жилистый, с негнувшейся спиной. Сибиряк с Алтая. Но было в нём что-то неуловимо чужое, иноземное, и от этого я испытывал какое-то странное чувство.

– ...И вы остались? – переспросил я.

Он кивнул на старушку, маленькую, беленькую, пухленькую, сидевшую рядом с ним и, как я уже знал, ни слова не понимавшую по-русски. У неё старчески тряслась голова, и она всё время старалась прислонить её к перегородке купе или держала руками, делая вид, что поправляет волосы, и с лица её не исчезала извиняющаяся милая улыбка.

– Вот её встренул.

Передо мною сидел земляк с Алтая, большую часть своей жизни проживший во Франции. Алтайский француз, сибирский парижанин, или, наоборот, парижский сибиряк, французский алтаец – так мысленно я подбирал ему определение. Полвека он не был на родине.

– Ничо не узнал, никого не встренул, – раздумчиво произнёс он, тщательно выговаривая слова, как это делают иностранцы. – Всё переменялось, все поумирили. Бию, и ту не признал в лицо. Обмелела, грязная стала, а река была державная. Как разольётся, бывалоча, да как встренутся с Катунью-то – дак цельно море! Глазом не окинуть!

Это я помню. Бия даже в моём детстве была рекой «державной». Вытекая из Телецкого озера, она была ещё и кристально чистой.

– До рекрутов я в ней стерлядь лавливал. Теперя спросил – засмеялись, говорят: чего захотел!

Он говорил, а я всё никак не мог понять, что же мне мешает его слушать. И всё мучился, пока не прозрел: по-русски он говорил с французским прононсом. Он, родившийся на Алтае и проживший там своё детство и юность, говорил теперь с иностранным акцентом!

Деревенский парень из глухого угла, читать-писать не то что по-иностранному, а и по-русски-то не умевший, когда его забрали в царские солдаты, сидел теперь в купе международного поезда, разговаривал с французским акцентом и часто подыскивал русское слово, чтобы выразить свою мысль. Забыл родной язык! Это меня потрясло.

Он ехал в Париж, к себе домой, я – в Варшаву, в гости.

Когда мой товарищ, известный писатель, вологжанин, с которым мы ехали в Польшу, позвал меня в купе, сказав: «Там твой земляк. Старый русский солдат. Воевал ещё в Первую мировую», у меня в каком-то предчувствии дрогнуло сердце, и я поспешил в соседнее купе.

Да, он был вместе с моим отцом, как я и надеялся втайне. Когда я назвал фамилию отца, бомбардира-наводчика Томской батареи, и спросил, не помнит ли он такого, старик сразу же ответил: «Помню, как же!» Я не поверил своим ушам – уж слишком было неправдоподобно: вот так вот, в поезде, идущем по другой стране, встретить человека, который помнит моего отца, воевавшего во Франции ещё в Первую мировую! И я для проверки задал старику вопрос: какой он из себя, мой отец?

– Пантелей-то? – переспросил старик. – Дак корявый он. Ростом с каланчу. И здоров! За колесо возьмётся – орудие подымет.

Да, это мой отец. Корявый, высокий, сильный. И имя его старик вспомнил сразу же, как только я назвал фамилию.

– Он на каторгу попал опосля бунта. Мы бунт подняли, когда прослышали, что в Расее революция. Зачинщиков-то полевой суд судил, и в Африку их сослали, а я так и воевал до замирения с немцами. Потом остался. Вот её встренул.

Он говорил тем давним, уже ушедшим из нашего обихода языком, и я слушал чалдонскую речь с полузабытыми словами и оборотами. Как всё же странно! Для него язык остался тем, давним, кондовым, который я слышал только в далёком детстве.

Из нашей беседы я узнал, что после ранения был он денщиком у офицера и тот запугал безграмотного парня, рисуя мрачную картину возвращения на родину, где всё порушено, всё в разоре, где большевики перекраивают жизнь чёрт знает на какой лад.

Офицер обещал держать его при себе до смерти. И солдат поверил, остался. Женился на молоденькой француженке, что приходила стирать бельё господину штабс-капитану.

Я узнал, что у стариков есть свой магазинчик по продаже овощей и зелени, что они преуспели в жизни, что вырастили двух сыновей и дочь. Дети обеспечены. У старшего сына, Гастона, даже ферма есть, приносящая неплохой доход. Дочь выгодно выдали замуж, а младший сын работает в мастерской по ремонту автомашин и зарабатывает прилично. Жаловаться на судьбу грех.

Старый русский солдат гордился тем, что прожил годы не в нищете, что дети обеспечены и на чёрный день припасено, а я смотрел на него и думал о своём отце, который бежал с алжирской каторги, прошёл пол-Европы, лишь бы добраться до родины. Один всё преодолел, всё перемог, голодный, холодный, больной, но вернулся, а другой тихо-мирно жил во Франции, и на родину его не тянуло. Не может быть, чтобы не испытал он зова родной земли!

Я не удержался и спросил об этом.

Он не сразу ответил:

– Тосковал поначалу, что греха таить. Кручина сосала, деревню вспоминал, родню. А потом – дети, заботы... Вроде и позабылось.

– А что же теперь? Зачем ездили?

Во мне то поднималась злость на старика, то жалость приходила, и не покидало ощущение какой-то нереальности, будто разговариваю я с выходцем с того света. Он горько и мудро взглянул на меня потускневшими глазами – понял мой вызов.

– Теперя чо! Теперя – земля-матушка ждёт, – ответил без вздоха, по-русски просто, давно, видимо, приготовившись к этому неизбежному концу для каждого. – Горстку вот взял, чтобы бросили на меня.

Он вытащил из кармана висевшей на стене куртки прозрачный целлофановый мешочек с золотой Эйфелевой башней и каким-то фирменным клеймом и надписью, отстегнул кнопки. Да, это наша алтайская земля. Ни с какой другой не спутаешь.

Я понюхал сырой запах чернозёма, вспомнил весеннюю родную степь, когда, скинув пимы, босиком гоняли мы в догоняшки по оттаявшим прогалинам на солнечном взлобке увала и в знобком прозрачном воздухе синели на окоёме алтайские горы. У меня защемило сердце.

Мы посмотрели в глаза друг другу, и я понял по побледневшему лицу старика, что только силой воли он сдерживает себя.

И я подумал: будет сибиряк похоронен во Франции на опрятном, ухоженном кладбище, оплачет его жена-француженка, погрустят дети – полурусские, полуфранцузы, никогда не видевшие родину своего отца, не знающие его языка, и память об алтайском крестьянине, скорее всего, навсегда сотрётся с земли.

– Прощаться ездил, та и ей вот любопытно, где это я зародился, – глухо сказал он. – На могилках побывали.

Это он по-нашему сказал – «на могилках».

– Никого не нашёл, всё сровняло с землей. Где кто – никто не знает. – И вдруг спросил: – А Пантелея-то давно нет?

– Давно.

Он помолчал, видимо, думая о том, что ждёт его в не таком уж далёком теперь будущем, и вдруг признался:

– Отвык от просторов-то наших. От Москвы до Барнаула трое суток ехали, с половиной. Во Франции таких земель нету.

– Один Алтай – три Франции, – сказал я. Он удивлённо покачал головой:

– Не знал.

– А Ивана Благова и Тимофея Хренкова вы не помните? Они тоже из Томской батареи.

Эти две фамилии часто повторял мой отец – они втроём бежали с каторги.

Старик помолчал, подумал.

– Нет, что-то не припомню. Пантелея помню хорошо, а их чо-то... Поди, знал, да запамятовал. А вы, значаца, сын его будете? – переспросил он.

– Сын.

Он внимательно оглядел меня, видимо, выискивая знакомые черты.

– Непохожи.

– Я в мать.

Он раздумчиво кивнул, посмотрел на серую дождливую долину за окном поезда, на мокрую лошадь, понуро стоящую посреди раскисшей дороги. Возле фургона копошился поляк хозяин, что-то стряслось там у него.

– Африка – жаркая страна. С её мистраль к нам приходит. Ветер такой, как из печки. С Алжира дует, – пояснил он, думая, что я не знаю, что такое мистраль. – Много тама наших солдат загинуло.

– Бежал он с каторги, – повторил я. – С Благовым и Хренковым.

– Говорите, секлетарём был? Большой начальник, по-вашему?

Меня поразило это «по-вашему». Всё, что было потом, после семнадцатого, для него – чужое.

Старушка выложила на столик колбасу в блестящей красивой обёртке с золотым ободком, сдобу, пахнущую марципаном, банку растворимого кофе с экзотической наклейкой, что-то сказала с мягкой улыбкой.

– Угощает, – перевёл старик. – Возили гостинцы («гостинцы» – наше!), дак некому отдать. Обрато везём.

Проводник принес чай:

– Проше бардзо, панове.

Мы сидели и разговаривали до самой Варшавы, и я всё расспрашивал, как да что было во Франции тогда, в семнадцатом, когда русский корпус воевал на стороне французов с немцами.

Старик отвечал односложно и даже неохотно. Полувековая давность забылась и, видимо, мало его интересовала. А я думал, как чудовищно много времени прошло с тех пор, что всё это уже история, про которую можно прочитать в учебниках, в романах, в исследованиях, в энциклопедиях, а тут вот сидит осколок той истории, и не такой уж и старый по человеческим меркам, всего семьдесят. Ну, чуть больше, если уж быть точным – семьдесят два года. А сколько всего было с той поры, какой огромный пласт жизни придавил те давние годы, затянутые дымкой времени, – как будто было это до нашей эры! Была ведь с тех пор ещё война и с фашистами. И у меня всё время вертелся на языке вопрос: где он был во Вторую мировую?

– Мы с ей дома. Магазин у нас. А сыновья – в маки. Старший медаль заслужил. Мне уж не по годам было по лесам-то шастать, – пояснил он мне.

Отвечая на мои вопросы, старик, видимо, думал совсем о другом: о детях, о своём магазинчике, о своих конкурентах, о своей французской родне, о каких-то неотложных делах и заботах. Все эти дела и заботы были во Франции, а не на Алтае, не на родной земле. Алтай – так, сон один. Был когда-то парень, жил в сибирской деревне, забрали его в рекруты, и ушёл он навсегда, и теперь вот, вернувшись, не разыскал могилки ни отца, ни матери, никого. Страшно! Мог бы я так? Нет, не мог бы! Я, как и отец, пришёл бы на свою землю. Чего бы это ни стоило, а вернулся бы.

Я вспомнил рассказ отца о его скитаниях по Европе, когда он сотоварищи шёл по ней босиком.

«Сапоги мы разбили в пух и прах. Сначала подошвы подвязывали верёвками, а потом и подвязывать нечего стало. Шли, шли, пол-Европы прошли. Остановимся у какого-нибудь хозяина, поработаем у него в поле, в сытость войдём и опять в путь-дорогу. Один раз – вот смешной случай! – в Македонии дело было, Грецию уже прошли, задержал нас патруль на дороге – унтер-офицер и два солдата. Чего-то там этот унтер говорит, приказывает нам, или как там его – фельдфебель ли, капрал ли? Унтер-офицер, одним словом. Во Франции-то капралы были. Ну, а как того называть, не знаю. Дак вот, он приказывает нам чего-то, а мы никак не поймём. Он аж притопывает, голосок подымает, сердится, значица. А сам какой-то жидкий, невелик росточком. А чего сердится – в толк взять не можем. И давай он нас ружьём стращать. Тычет Ивану Благову в брюхо штыком. Ткнёт его, а Иван ойкнет. Опять ткнёт, Иван опять ойкнет. А потом Ивану надоело, отвёл он штык в сторону да как саданёт унтера по башке кулаком – тот и обмяк. Кулак-то у Ивана с кувалду. Солдаты увидели такое дело да бежать пустились. С винтовками были, а побежали. Перепугались, видать, шибко. Ну, мы тоже в кусты – шась! Бегим, а Тимоха Хренков говорит: «Зашиб ты, Ванька, его до смерти». – «Неужто?! – Иван аж остановился. – Навроде не шибко ударил – пострашал токо. Чо он в пузо-то штыком тыкает! Боров я ему, чо ли?»

Бегим дальше, а Тимоха опять своё: «Загубил ты душу, Ванька». Тут Иван остановился да в мать-перемать. «Не рви ты мне сердце, Тимоха! Мне и так тошно, – говорит. – Вертаемся, братцы, может, ему помощь нужна. Вдруг и впрямь зашиб. Грех на душу не хочу брать. И чо он такой хлипкий какой-то!» Вернулись, чо поделаешь. Человек ведь – не скотина, а вдруг и вправду зашибли! Глядим, унтер тот на казачки поднимается, и шатает его, ровно пьяного. Обрадовались мы, что жив он, да к нему – на ноги хотим поставить. А он завидел нас да как вскочит – ровно козёл! – и припустился бечь. Резво бежал. Поди, подумал, что мы его дошибить пришли. Он бегит, а Иван кричит ему: «Не беги ты, друг подсердеш-

ный! Ничо мы тебе не изделаем!» А тот пятки смазал, быстро удалился. «Слава богу, – говорит Иван, – не зашиб. А то грех-то какой!»

Я всегда хохотал, когда отец рассказывал про этот случай, отец тоже усмехался, а потом говорил: «Ничего смешного-то тут нету. Не понимаем – колотим друг дружку, потом разберёмся – а зачем? Из одного теста-то сделаны. А ежели бы Иван тогда его зашиб? Век бы маялся, век бы на душе грех носил, – и продолжал: – Ну, пошли мы опять по Европе. В Сербию вышли. Где в кукурузе переночуем, где в виноградунике. Там совсем не так, как у нас на Алтае. Там виноград растёт. Наелись мы его на всю жизнь. Хоть и сладкий он, а не еда это – вода одна. Так все страны наскрозь и прошли, какие попадались на пути. Всяко бывало, всего не расскажешь. Горя хлебнули по ноздри и даже выше. Но скажу тебе: трудовой народ всюду нам помогал. В любой державе. Интернационализм это прозывается, – по слогам выговаривал отец. Грамотёшки у него тогда было маловато. Он в детстве всего две группы церковноприходской школы окончил, уж потом, будучи секретарём райкома партии, добирал знаний – учился заочно. – Вот тогда я и понял: бедный народ, он везде бедный и завсегда поможет. И вот что любопытно! Воюем, сражаемся, друг дружку колотим на позициях, а так, когда встренешься, – хороший народ. Сколь стран прошли, а плохого народу не встречали. Все трудятся, у всех рубахи пропотелые – кусок хлеба своим горбом добывают. А войну завсегда буржуи зачинают, кровопивцы проклятые. Им всё мало. В три горла жрут, а всё мало. Ну, теперя – шабаш! Теперя русский народ решил: будя, поизмывались, попили кровушки – и баста! Сами себе власть! И во всех странах мировая революция произойдёт – помяни моё слово. Светлое царство рабочих и крестьян настанет. И войны пресекутся. Чего делить-то трудовому народу? Нечего! Всё своё: и земля, и страны, и... всё, в общем. Чо делить-то? Верно?»

Я соглашался: верно! И просил его рассказать про Африку. Меня тогда пуще всего интересовали слоны, и я всё надеялся, что отец мне расскажет про них. Но он меня каждый раз разочаровывал: «Нет, не видал я слонов. Верблюдов видал». Верблюдов я и сам видал, их через наше село часто гоняли из Монголии по старому Чуйскому тракту, и мы, деревенские мальчишки, бегали их дразнить, всё ждали – плюнет, не плюнет?

«Ну, а какая она, Африка?» – допытывался я у отца о стране далёкой и таинственной, расположенной где-то там, за алтайскими горами, и куда меня неудержимо тянуло. «Дак какая! Жаркая! Песок – аж пятки жгёт. Как по сковородке идёшь». И как отец ни отнекивался, я всё равно настырно заставлял его рассказывать в сотый раз о побеге с каторги. «Ну, ты прям как репей! Пристанешь – не отодрать, – и отец сдавался: – Дорогу мы там строили. Зуавы нас охраняли. Чёрные такие солдаты, африканцы французские. Днём охраняют, а ночью спят. Выпьют с вечера красного вина из горлышка – бутылки у них глиняные, пузатые, камышом оплетённые, как в корзинку вставлены. Удобно пить, с ручкой эти корзинки. И сколь у него там вина в той кринке – не видать. Мы всё гадали – сколь в неё входит? А они пьют да зубы сахарные скалят. К вечеру нальются и спят, не боятся, что мы убежим. Да и куда убежишь – кругом пески гибельные. Они спят, а мы нет. Вот что удивительно в Африке: днём жара, а ночью холод. Прям зубами чакали, друг к дружке жались, чтобы согреться. На звёзды глядим, звёзды там чистые-чистые. Лежим. Алтай вспоминаем. Гадаем: видать эти звёзды в нашей деревне аль нет? Одна такая большая-большая была, яркая, будто цинковая. На самом севере сияла. Ну, глядели мы на неё, глядели и задумали бежать. И на ту звезду путь держать. Поручик нам сказал, что та звезда – Полярная и ежели прямо на неё идти, то к морю

выйдешь. К Средиземному. Хороший человек был поручик. С нами на каторге-то некоторые офицеры горб гнули, кто за солдат был и рук не распускал. Их тоже на каторгу упекли.

Ну, пошли мы на ту звезду. Ночь шли. Всё на звезду и на звезду. А днём залегли в барханах. Погони боялись. Лежим как на раскалённой печке. Спасу нет как жгёт! Губы потрескались. И ни капли воды. Дождались ночи, опять пошли, по холодку. Погони нету никакой. Зуавы решили: загнулись мы в песках. А мы живые. Четыре ночи шли и к морю вышли. Пить – умираем! Кинулись в воду и давай её хлебать ладошками. А она до того солона, что аж горькая. Иван-то Благов матерится: «Мать-перемать, да кой-то её эдак пересолил!» И начался у нас с той воды кровавый понос. Совсем обессилели. Лежим у берега морского, богу душу отдаём. И тут вдруг верблюды идут. Ну прям как у нас, когда из Монголии гонют. И человек идёт рядом. Мы ему: «Эй!» А он не слышит. Голоса-то у нас какие! Мы думаем, кричим, а сами хрипим токо. Прошёл бы совсем, да собака у него была, она нас и унюхала, брехать стала. Вот он нас и вернул к жизни. Молоком верблюжьим отпоил. Противное молоко, не то что коровье от нашей Нежданки. Он с нами несколько дней возился. Ночью спали возле верблюдов. Залезешь к нему под самое пузо, грешься. Верблюд – животное доброе, хотя и урод уродом. Вы чо их бегаете дразнить? Вот я тебе! Животину нельзя забижать, её любить надо».

Такие отступления отца мне были не по душе, и я спешил вернуть его рассказ в прежнюю колею. «Ты расскажи, как негр пришёл и как по морю плыли». Я всё знал наперёд, но всё равно любил, когда отец повторял свой рассказ про побег с каторги. И я снова и снова переживал, замирая то от восторга, то от страха. «Ну, так рассказывал я тебе про это», – упирался отец. «Ну ещё», – просил я. Понимая, что ему не отвязаться от меня, отец продолжал: «Ну, привёл тот пастух откуль-то негра. Чёрного, будто сажей печной вымазанного. Ну прям на диво. Зуавы-то, они смуглые, и пастух этот верблюжий был смуглым, а негр – ну прям черней ночи, и губы вывернуты. Кланяется он нам и говорит чего-то. Кланяется и говорит. Мы ему и говорим: «Чо ты нам кланяешься! У нас в России революция произошла и господ отменили к едрене фене. Не кланяйся ты нам, мы не буржуи». Он говорит, мы говорим, а друг дружку не понимаем. Нам в Россию, говорим, надо, домой, у нас там делов неспорно. И на пальцах, как с глухонемым, объясняемся. Понял, однако. Вот он нас и посадил на греческий пароход. Ночью привёл и посадил. Оказалось, что мы в песках-то неподалеку от города морского помирали. В угольной яме и переплыли Средиземное море. Греки нас апельсинами кормили».

Апельсинов в детстве я не видел, потому отец пояснил: «Это такое яблоко с картошку величиной, токо жёлтое. И сок в нём сладкий. Мы сначала-то с кожурой ели. Не понравилось. Потом разобрали, что кожуру сдирать надо. Моряки упрятали нас в угольную яму и кормили этими апельсинами. Нас прям воротило с них. Не еда это. Так, баловство. Никакой сытости». Отец рассказывал, а я всё пытался представить, что это такое – апельсин.

«Ну, доплыли мы до Греции. Грязней грязи вышли, ночью в море отмывались. Греки нас по плечу похлопали: давайте, мол, шагайте. Мы и пошагали по Европе. Прошли её, почитай, всю, пятки стёрли до крови. Хорошо ещё, кожа добрая досталась, – смеялся отец. – Сколь ношу – сносу нету. В Россию вышли, а тут уж Гражданская война вовсю. Ну, мы на коней да сабли в руки. Во Франции-то я батарейцем был, а в Советской республике кавалеристом стал».

Почти на всех фронтах Гражданской войны рубился отец за волю, за новую жизнь, за землю свою родную.

Много рассказывал мне отец, и за всеми его рассказами – грустными, смешными, страшными – стояло одно – родная земля, ради которой он всё вынес, всё вытерпел, всё выстрадал...

Мы сидели в купе со старым русским солдатом, глядели на осенний польский пейзаж, и я то вспоминал отца, то пытался понять своего земляка, прожившего всю жизнь в чужой стороне.

– И много вас тогда осталось, русских солдат, во Франции? Не вернулись в Россию?

– Числом не знаю, но были, – ответил старик. – Один знакомец мой был.

– А как его судьба сложилась?

– Дак как. Работал он на кондитерской фабрике. Редко виделись. А как помирать стал, прислал за мной. Всё, говорит, родная душа рядом посидит, – старик помолчал, поджав губы. – Наказ он мне дал. Ежели, говорит, дома побывать приведётся, поклонись родной земле за меня и привези горстку земли на могилку.

– Поклонились?

Старик сурово взглянул на меня:

– Рази можно наказ умирающего не выполнить? Поклонился. И землицы прихватил на его долю. Приеду – посыплю.

И старик как бы отодвинулся от меня, замолчал. Я понял: говорить со мной он больше не будет.

В Варшаве мы вышли из вагона, а старый солдат поехал дальше, во Францию. На перроне нас шумно встречали, улыбались, возбуждённо говорили необязательные слова, обещали хорошие поездки по стране и встречи, а я всё думал о русском солдате и никак не мог избавиться от горькой этой думы.

Виктор АЩЕУЛОВ

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

С Анатолием Пантелеевичем Соболевым я познакомился в далёком 1979 году в Сростках на Шукшинских чтениях. Помню, на Пикете ему предоставили слово и он в своём выступлении перед собравшимися на четвёртые Шукшинские чтения упомянул, что его детство прошло в селе Смоленском, что в 30-е годы он бывал в пионерских лагерях города Белокурихи... После того выступления я подошёл к нему, представился и попросил поделиться воспоминаниями о местах и впечатлениях своего детства.

Через несколько дней встретились мы уже в Белокурихе, куда он приехал на отдых и лечение. Вместе с ним был заслуженный артист России наш земляк Алексей Захарович Ванин, который тоже намерен был отдохнуть в нашей здравнице. Здесь Анатолий Пантелеевич пообещал, что постарается подготовить что-то для краевых и районных газет. После отдыха он с супругой – белорусской детской писательницей – Галиной Георгиевной Васюковой уехал к себе в Калининград, но связь со мной подерживал. Я бережно храню все его письма, записки, телеграммы, поздравительные открытки, фотографии и книги с дарственными надписями.

Многие его письма, на мой взгляд, имеют общественный интерес. В них можно найти и штрихи к его портрету. Предлагаю вниманию читателей журнала «Барнаул» небольшую подборку писем с незначительными сокращениями.

Июнь 1981 г.

Виктор Иванович! Шлю обещанную новую книгу и надеюсь, что Вы пришлёте мне фотографии. Добрались до деревни, где буду «добывать» новую повесть. Посмотрим, как скажется радон, может, он способствует и творчеству? Всего Вам доброго! Всем привет!

Ваш Анатолий Соболев.

5 декабря 1981 г.

Виктор! Меня взволновало твоё письмо, где говорится о селе Кытманове. Да, отец там жил и работал. Мало того, я родился в Кытманове. Так что вполне возможно, что он дружил с Тимофеем Кашлевым и др. Но теперь уже об этом не спросишь, поскольку отца давно нет на свете. Но то, что ты написал, думаю, правда.

Я прошу тебя связаться с твоим учителем и попросить у него фотографии моего отца. Пусть перефотографирует их, а ты мне их пришлешь... Шлю тебе «Награде не подлежит», и Галина Георгиевна посылает свою книгу. Где-то зимой в Белокуриху собирается приехать драматург Михаил Варфоломеев. Я дал ему твой адрес. Возможно, ему потребуется твоя помощь.

Отвечаю на письма с опозданием, потому что два месяца уже не был дома, да и сейчас я не дома, а в Минске. Видимо, на будущее лето снова приедем на Алтай?! Ну, всего доброго!

С дружеским приветом, Анатолий Соболев.

10 апреля 1982 г.

«Виктор Иванович! Спасибо за письмо, но отвечаю с опозданием, ибо был в Москве, сейчас вот лежу в больнице. К сожалению, ни в конце мая, ни в начале июня приехать не смогу в Белокуриху, ибо в конце мая буду руководить семинаром маринистов в Москве, а в начале июня еду в Мурманск на десять дней, где собираются писатели, воевавшие на Севере. Приеду на Алтай только в конце июня, чтобы до Шукшинских чтений пройти курс лечения... Отношение от нашего Литфонда пришло в мае, как только выскочу из больницы... Ну а работаю... Работы хватает. Отредактировал две книги – скоро выйдут. Переиздание. Писал и новые. О море. А в основном прихварываю, да и Галина Георгиевна тоже. Хорошо бы действительно получить отдельную палату в корпусе санатория. Так удобнее всё же. На Горно-Алтайские торжества я, видимо, не успеваю, а вот на Шукшинские как раз. Ну, в общем, до встречи! И всего доброго!

Дружески Анатолий Соболев.

12 мая 1982 г.

Дорогой Виктор Иванович!

Наконец-то выскочил из больницы, где пролежал месяц, и могу послать просьбу нашей писательской организации по поводу лечения в Белокурихе. Высылаю такую бумагу. Курортные карты привезём с собою. Их пока у нас нет, но будут. Приедем в конце июня, где-то числа 25-го, не раньше, пожалуй. Дело в том, что я должен в первых числах июня ехать на Северный флот, где когда-то воевал. Там собираются фронтовики, может быть, в последний раз. Передай Николаю Павловичу Марюхе привет и просьбу, если возможно, поместить нас с женой в корпус, в отдельный номер. К сожалению, на торжества в Горный Алтай не попадаем. Но что делать! А хотелось бы, конечно. Привет семье! Привет от Галины Георгиевны и от меня.

Анатолий Соболев.

15 сентября 1982 г.

Виктор, здравствуй!

Отвечаю с запозданием, ибо сидим в деревне с Галей и я пытаюсь «добить» книгу новую. И только вчера мне привезли сюда всю накопившуюся почту, в том числе и три твоих письма с фотографиями. За фото спасибо. Я помню, есть ещё снимки и в Сrostках, и в Смоленском, и в Белокурихе. Не забудь.

Что касается отцовских фотографий, то смогу прислать только в будущем году, ибо через 12 дней еду на три месяца в Дом творчества под Ригу и дома буду только под Новый год... На днях вышла всем славным знакомым новые свои книжечки «Ночную радугу» и «Звонит в ночи луна»... У меня просьба: пошли фото моей учительнице Шебалиной Калерии Анатольевне (**на фото, 1984 г.**) в Смоленское: ул. Школьная, 78... Ну, всего доброго! Всем привет! Будешь писать, то до декабря можно... на Дом творчества им. Я. Райниса.

Анатолий Соболев.

11 октября 1982 г.

Здравствуй, Виктор!

Большое спасибо за фотографии, я их получил все. Отвечаю с опозданием, потому что пока мне их переслали в Дубулты из Калининграда – прошло время... Приедем опять летом, потому что до сих пор просто не будет времени. Работы очень много, книга большая, и мне надо её обязательно «добить», а потом ложиться в больницу, где меня давно уже ждут.

Книги всем врачам я послал в Белокуриху и надеюсь, что они дошли. Передай им на словах, что у меня остались о них самые тёплые воспоминания и я буду рад снова встретиться с ними. Надеюсь, что это произойдёт летом на будущий год. Позже я напишу срок, когда приедем. Сейчас пока ничего определённого сказать не могу, ибо предстоит большая работа, и когда я с ней расхлебаюсь – не знаю.

До середины декабря пробудем здесь, в Доме творчества, потом домой – работать с издателями. «Если оглянуться...» и «Живые обелиски» пришлю в феврале, надеюсь, до той поры я их перепишу.

Галина Георгиевна свою книгу сдала в печать и теперь отдыхает пока. «Пока», потому что скоро засядет перепечатывать мою рукопись. Возможно, к тому времени, как нам ехать в Белокуруху, её книга выйдет в свет. И, конечно, она привезёт её с собой.

Ну, вот пока и всё. Ещё раз спасибо за фотографии, и если будет возможность ещё что-то напечатать – печатай. Это тебе зачтётся... Ну, всё! Привет всем и поклон!

Анатолий Соболев.

12 декабря 1982 г.

Виктор!.. Пока живы-здоровы, но в последнее время дёргают с заполнением всяких документов, ибо «Награде не подлежит» выдвинули на соискание Государственной премии СССР на 1983 год. Пришлось съездить в Москву... Поскольку скоро Новый год, то с Новым и тебя и всех! Надеюсь, что летом приедем в Белокуруху. Видно будет, как сложатся обстоятельства. Ну, а пока будь здоров и всем привет!

Анатолий Соболев.

11 февраля 1983 г.

Добрый день, Виктор! Спасибо за письмо. Лежу больной после приступа и пока ничего не делал, но в марте надо ехать в Москву – на киностудии М. Горького собираются делать фильм по «Награде не подлежит». О премии пока рано говорить, она присуждается к Седьмому ноября, да и вообще это дело тёмное. Её в основном дают не за книги, а за разные другие дела, поживём-увидим, но пока ещё ничего неизвестно.

Сборник Василя Быкова возьми на мою долю... Что касается фотографий, то вот окрепну, посмотрю, и «Если оглянуться...» тоже. Когда это надо-то?.. Ну, а пока привет всем! Приехать-то приедем в Белокуруху, но когда – не знаю. Как будут разворачиваться дела с болезнью, фильмом... Ну где-то летом, конечно. Ну, всё! Салют!

Анатолий Соболев.

15 апреля 1983 г.

Добрый день, Виктор!

Спасибо за письмо и вырезку из газеты об истории села Смоленского. Мне было интересно читать. Я и не знал, что в моём селе был «Париж», а я-то мечтаю попасть во Францию.

Фотографии подобрал, вышло, когда вернусь из Москвы, «еду работать с режиссёром». «Если оглянуться...» пришлю, надо дописать и перепечатать. А вот как на этот год будет с Белокурухой – не знаю. Работы навернулось много: к сентябрю должен сдать рукопись в издательство да ещё киносценарий написать. Так что ничего конкретного сказать не могу. Привет всем докторам и знакомым! Жму руку!

Анатолий Соболев.

28 сентября 1983 г.

Здравствуй, Виктор!

Письмо твоё получил давно, но всё не было времени ответить, пытался «добить» книгу, но добил самого себя. Сейчас собираюсь ехать в Москву к режиссёру, а потом в Иркутск на декаду советской литературы, а оттуда прямо в Пицунду, куда Галя с внучкой уже уехала. Вернусь домой только в ноябре, в конце. И тогда пошлю

фотографии отца (уже отобрал, но отсылать сейчас нет времени). И книгу Галину пришлём. Вряд ли до будущего лета удастся попасть в Белокуруху... В ноябре пошлю свою книгу, только что здесь вышла детская, но ещё сам её не имею. В 24 номере «Роман-газеты» выходит «Награде не подлежит»... Привет семье и всем знакомым. Николаю Павловичу поклон! Всего доброго!

Анатолий Соболев.

3 октября 1983 г.

Витя! Я посылал тебе письмо на днях. А тут приехал домой, гляжу – ещё одно. Сидим в деревне под Минском у Гали на родине, пытаюсь закончить книгу, но не хватило времени – надо ехать завтра в Москву, потом на Байкал, оттуда в Дом творчества в Пицунду. Галина Георгиевна уже в Сочи с внучкой, я туда прилечу 18 октября, пробудем до 10 ноября, а там мне опять в Москву, работа с режиссёром. «Если оглянуться...» пришлю и фото белокурухинские 30-х годов тоже, но всё это будет в ноябре. Не раньше. Тогда же и вышлем новые книги. И мою, и Г. Г. Если хочешь ещё какой-то материал обо мне, то найди за этот год «Наш современник» № 9 и «Литературное обозрение» № 5.

В декабре выйдет «Роман-газета» № 24 с «Наградой», там тоже будет статья критика М. Лобанова. Да и за прошлый год в «Сибирских огнях» № 11. За фотографии спасибо. Привет всем белокурухинским моим знакомым! И неизменно особый – Николаю Павловичу.

С приветом, Анатолий Соболев.

30 декабря 1983 г.

Виктор! Новогодний привет!

Лежу уже месяц в больнице, мечтаю к Новому году выскочить домой. Галя тоже всё время прибалывает. В Белокуруху собираемся летом. Привет всем! Особый Николаю Павловичу! С Новым годом! Да минуют твой дом хвори и печали!

Анатолий Соболев.

2 марта 1984 г.

Виктор! Долго не мог ответить, было очень много работы: то с режиссёром ругался в Москве, то сдавал книгу в издательство, над которой работал 11 лет, то оформлял документы в Италию в апреле ехать, то – то, то – сё... И вот только теперь отдышался малость и отвечаю на все письма, что пришли (очень много пришло после публикации в «Роман-газете» повести «Награде не подлежит»).

На Алтай собираемся. На Шукшинские чтения, то бишь в 20-х числах июля, а потом в Белокуруху... Если в санаторий «Алтай», то это очень хорошо, но чтобы только не на солнечную сторону. Галя умирает от жары, да и музыка там всё время орёт. В общем, договаривайся. Мы согласны, если, конечно, не скрутит нас тут что-нибудь. Но пора уже лечиться от радикулита и мне и ей.

Книги твои пришли, спасибо, хотя я их ещё и не видел, но знаю, что пришли – до Калининграда я ещё не добрался, сижу в деревне, в Белоруссии, читаю всякие опусы, потому как мне в мае руководить VIII Всесоюзным совещанием молодых писателей и в том же мае ещё и военными писателями. Так что чтения хватает. А сейчас, на днях, еду в Псков, опять же на семинар молодых.

Привет и поклон всем, кто нас помнит, особый привет Николаю Павловичу.

Ну, будь здоров! Туда ближе к лету спишемся.

Анатолий Соболев.

14 апреля 1984 г.

Виктор! Я только что вернулся из Италии, получил твоё письмо. На Шукшинских чтениях будем. И в Белокурихе тоже... Книги и фото привезу, видимо, теперь уж с собою. Привет и поклон Марюхе и всем детишкам праздничные поздравления. Чао!

Анатолий Соболев.

8 июня 1984 г.

Виктор! Мне сообщили из дома, что кто-то «прорывался» по телефону из Белокурихи. Я решил, что это ты. Сообщаю: в Бийске будем числа 20 июля, потому как сказали, что Шукшинские чтения 22-го, в воскресенье. Ну а после этого можно ехать в Белокуриху

...Сейчас сижу в деревне, спешно дорабатываю рукопись, которую надо везти в Москву к 25-му июня. Запарка! Привет от Г. Г. Привет всем!

До скорой встречи!

Анатолий Соболев.

24 августа 1984 г.

Дорогой Виктор!

С приключениями добрались до дома, «залетали в Новосибирск за керосином». В Москве были два дня. Через несколько дней еду в Польшу, а с 28-го сентября будем в Дуболтах, под Ригой, в Доме творчества. Будем там до середины ноября, а если продлим, то и больше. Высылаю тебе книги. Раздай: Грише, который возил нас в Смоленское, Рехтиным, в среднюю школу, где были с тобой, в библиотеку санатория «Белокуриха», где мы с Галей выступали, и Ащеулову Виктору – «директору Белокурихи и главному диспетчеру алтайских дорог», ты его, наверное, знаешь? Если не знаешь, советую познакомиться. Он из шукшинских чудиков, но парень хороший, честный, а главное, всегда поможет. Правда, иной раз может увезти совсем не туда, куда хочешь, но всё равно куда-то едешь. Вот ему отдай «Кешку и Василёк» и скажи, что всё остальное у него есть в других изданиях! А ещё скажи ему, чтобы не тянул с фотографиями: и с теми, что я ему привёз, и с теми, что он сам фотографировал, и чтоб в школе перефотографировал моего отца...

В Москве меня, конечно, «обрадовали» – опять не принимают киносценарий. Плюнул – уехал. Ренита как уехала из Белокурихи, так и заболела, мы её застали больной. Ну, вот и все новости. Привет и поклон от Гали всем. От меня тоже. Будь здоров!

Анатолий Соболев.

25 августа 1984 г.

«Виктор!.. Посылки получил. Тебе, Белокрыловым! и Наталье Макаровне книги выслал... Тебе в посылке подробное письмо. Через два дня едем с Галей из Минска в Калининград, а оттуда я через неделю в Польшу. Привет всем! Будь!

Анатолий Соболев.

24 сентября 1984 г.

Виктор, здравствуй!

Я вернулся из Польши – на столе твоё письмо, узнал из него все новости алтайские. Поездка у меня была хорошая: состав делегации «всего три человека», и маршрут по стране, и впечатления. Теперь собираюсь в Москву на юбилейное совещание в Кремле, это будет 25-го сентября, оттуда сразу в Дуболты, и с 28-го я буду

в Доме творчества. Я еду туда из Москвы, а Галя из Минска. Приглашают ехать в Ставрополь, но, видимо, откажусь – не хочется терять время рабочее, и так всё лето проездил. Найди «Литературную Россию» за 14 сентября – там «Светлоглазые парни России» (статья обо мне). Пока я был в Польше – напечатали. Узнай – получили ли книги Белокрыловы и Наталья, а то на почте воруют. Ну, вот и всё. Надеемся, что Марина и Ванюшка дома уже. У нас пока в доме всё в порядке, и мы все живы. Зять ушёл в море, сейчас возле Африки, а потом будет возле Антарктиды. Дарья пошла в первый класс. Привет семье и всем знакомым от Г. Г. и меня. Будь!

Анатолий Соболев.

25 ноября 1984 г.

Виктор! Письмо получил. Жизнь наша тут кончается. Так что теперь всё на домашний адрес. Есть просьба: сделай фотографии с Валентином Распутиным у тебя в огороде. Но сделай получше, что-то ты не сфокусировал, во всяком случае, ту, что прислал. И ещё узнай, получили ли Белокрыловы и Наталья книги, что мы выслали. Молчат. А книги на почте теряются. Сейчас еду в Москву на заседание приёмной комиссии и получать премию журнала «Смена». Работа над повестью движется, «болванку» сделаю. Передохну – и опять. Привет всем! Салют!

Анатолий Соболев.

22 декабря 1984 г.

Всех Ащеуловых с Новым! И т. д. и т. п.

Мы вернулись из Дуболтов и сразу же заболели, в таком виде и въехали в Новый год... Привет всем и новогодние пожелания!

Анатолий Соболев.

26 января 1985 г.

Виктор! Спасибо за новогоднее. Тебе то же самое. Лежу в больнице. Попал ещё в декабре, сначала грипп, потом осложнение на сердце, и вот в новый 1985 год на уколах и таблетках. Книгу о Шукшине получил, большое спасибо. Читаю... Числа 20, «если выпустят», еду в Москву по всяким издательским делам, в том числе и киношным. В декабре военная цензура наконец-то разрешила ставить фильм по «Награде не подлежит», но сменив название и вообще сделав обрезание. Только что сдал в местное издательство рукопись, «болел и работал». В феврале, видимо, с Бондаревым еду в Волгоград, если оклемаюсь. Из Бийска получили письмо от Белокрыловых. Слава Богу – книги дошли. От Свиридонова тоже: слава Богу, все живы и здоровы. Того и тебе желаем, и твоей семье, и всем нашим знакомцам в Белокурихе, Бийске и Смоленском. Найди «Смену» № 23 за 1984 год.

Привет от Г. Г.

Обнимаю, А. Соболев.

8 февраля 1985 г.

Виктор, здравствуй!

...16 февраля еду в Сталинград, там семинар военных писателей. Потом на неделю задержусь в Москве по издательским делам.

Все переболели гриппом.

Привет всем!

Привет и от Г. Г.

Салют!

Анатолий Соболев.

5 сентября 1985 г.

Виктор! Ты что-то притих, то сыпал письмами, то заглох. Мне срочно нужны фотографии: делается книга обо мне, и туда нужны фотографии. Вышли как можно быстрее ценной бандеролью, а то простые и даже заказные теряются.

Только что вернулся из Чехословакии, где был в творческой командировке – искал следы отца. Нашёл. В 1917 году он бежал с каторги в Алжире и прошёл пол-Европы, в том числе и Чехословакию.

Лето у нас прошло плохо. Схоронили Галиного отца и никуда не ездили.

Было и много работы. Редактировал свой двухтомник. Сдали в производство.

В октябре лягу в больницу, а до неё съезжу в Москву на международную книжную ярмарку. Ну, будь! Срочно шли фото!

Привет и поклон всем знакомым!

Анатолий Соболев.

5 ноября 1985 г. Дуболты.

Добрый день, Виктор!

Мы с Галей в Доме творчества. Я после больницы, где отлежал с сердечным приступом октябрь. Мне написали из Калининграда, что пришла бандероль с фотографиями. Что пришла – хорошо, но... уже опоздала. Да и дома-то был очень мало, всё в разъездах: то в Сочи, то в Минске, то в Чехословакии, то сюда. Но и тут покоя нет. Сегодня отсылаю с оказией в Москву в журнал «Октябрь» новую рукопись, а завтра из издательства «Современник» приезжает ко мне редактор редактировать книгу, тоже новую. А 7 ноября привезут из Москвы из издательства «Молодая гвардия» вёрстку двухтомника. Так что работы выше ноздрей. В больнице редактировал новую детскую книгу. Сейчас у меня урожай. Найди газету «Книжное обозрение» № 41. Там статья есть, а в газете «Советская Россия» за 21 июля 1985 года моя переводная. Скоро уже съезд писателей, до него будем здесь с Галей. Привет всем от неё и от меня!

Будь!

Анатолий Соболев.

Январь 1986 г.

Лежу в больнице с сердечным приступом, попал в 3-й раз за 1985 г. И Новый год встретил в палате. Этот «огненный тигр», видимо, будет для меня полосатым – дело пахнет двумя операциями: на сердце и желчном пузыре. Вот так юбилейный! Но ни хрена! Уж если немецкие «тигры» не сожрали, то, поди, этот полосатый не угробит. Летом думаем поехать в Белокуруху и на Шукшинские чтения, если меня не располосуют на части. Не помню, писал или нет, что в этом году выходит у меня двухтомник в издательстве «Молодая гвардия» и новая книга «Якорей не бросать» в издательстве «Современник», а пока шлю детскую, что только что вышла у нас здесь! Привет и поклон всем белокурухинцам! Привет семье от Гали и меня! С Новым... «тигром»! Будь!

Анатолий Соболев.

27 января 1986 г.

Виктор! Видимо, ты не получил книгу, которую я послал тебе, ибо там было и письмо. Я писал, что долго лежал в больнице и Новый год встретил в палате и

что на Алтай мы приедем не раньше Шукшинских чтений. Может быть, и раньше, но ненамного. Но всё зависит от того, что будет со мной. Вчера меня выпустили. Передышка. А потом снова за лечение. Поеду в Москву. Не исключена и операция на сердце. Так что... Сам видишь. Если всё будет в порядке, то в июле приедем. Не раньше, ибо 24 июня съезд СП СССР, а я делегат. Вот такие пироги. Привет всем от меня и Гали!

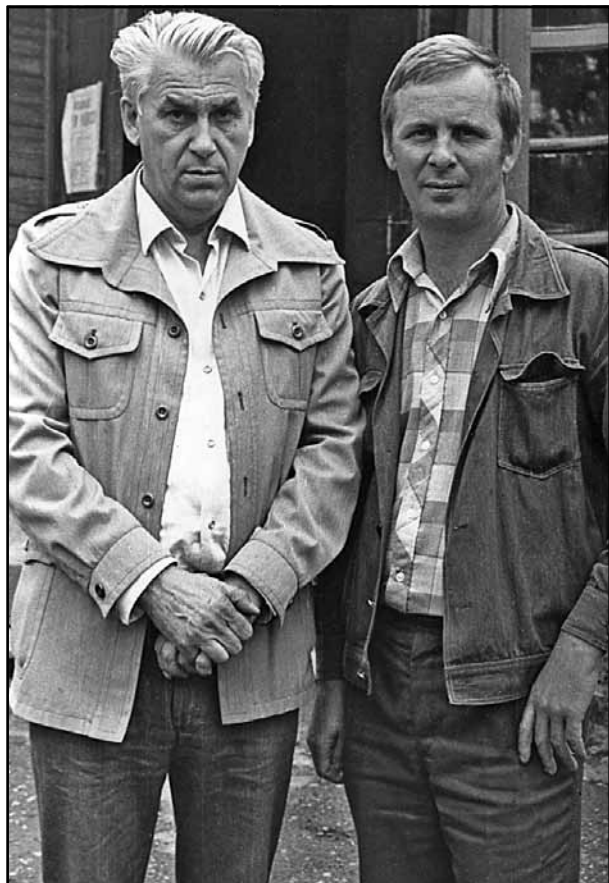
Анатолий Соболев.

ОН БЫЛ И ОСТАНЕТСЯ С НАМИ...

...Анатолий Пантелеевич Соболев прожил богатую – мужественную и трудную – жизнь и оставил после себя драгоценные и правдивые книги, герои которых по сей день живут в нашей памяти, призывая нас свято беречь и сохранять всё нажитое и приобретённое как наследие.

Более 20 лет назад, взяв на себя ответственность автора-составителя сборника о его жизни и творчестве, я обратился к друзьям Анатолия Пантелеевича Соболева с просьбой написать о нём воспоминания. И они откликнулись – написали тёплые слова об этом прекрасном, интеллигентном и обаятельном человеке.

В то время я заключил договор на издание сборника в Алтайском книжном издательстве, но... началась перестройка, рукопись была утеряна и мне пришлось заново восстанавливать её: контрольного варианта рукописи у меня, увы, не было. Спасибо всем, кто помог восстановить её, написав заново свои

воспоминания. Я же свои воспоминания откладывал, надеясь написать их тогда, когда рукопись сборника будет целиком завершена...

Когда же это случилось, я уселся за письменный стол. И только тогда понял я, что написать всё, что знаю, помню и думаю о моём старшем товарище, будет непросто: в моей памяти он навсегда живой человек!.. Спустя годы, через просев времени, вспоминаются наши встречи в Белокурихе, Бийске, Барнауле, Сростках...

Как-то у нас состоялся разговор о его переезде на родину – на постоянное жительство. И он попросил меня помочь ему в организации разведывательной поездки в Горный Алтай.

Врач санатория «Россия» Анатолий Шефер посодействовал с автотранспортом, и мы в

солнечный день выехали, минуя Старую Белокуруху, Россоши, Алтайское... Далее через подвесной мост, минуя Майму, спустились в Горно-Алтайск.

Алтай с каждым годом всё острее тянул его к себе – он испытывал огромное нетерпение побыстрее определиться с выбором подходящего места жительства.

Анатолий Пантелеевич и его супруга Галина Георгиевна Васюкова – белорусская детская писательница – восхищались живописными пейзажами гор, красотой и мощью Катунь!.. **Здесь они на фото у моста через Бию (1984 г.).**

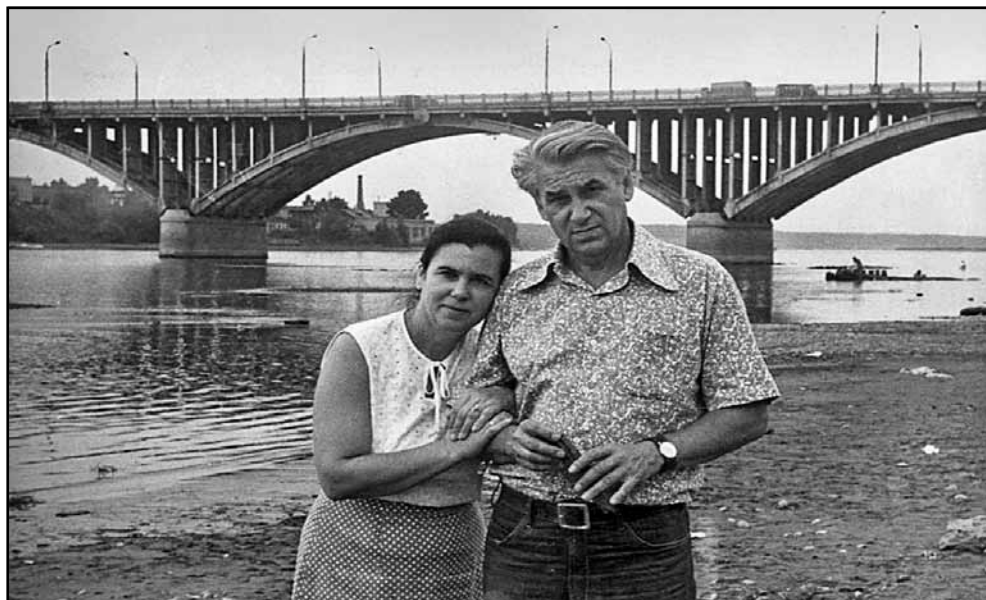
С приключениями, с пробуксовками преодолели мы путь и добрались до города. Я накануне поездки позвонил в Союз писателей Горного Алтая поэтам Паслею Самыку и Аржану Адарову, которые нас терпеливо ожидали в центре. Поначалу мы побродили по улицам, магазинам, побывали в гостях, попили алтайского чая.

Аржан Адаров в то время был директором книжного издательства. Они живо и с интересом разговорились, словно давно знакомы. Много говорили об издании «Грозовой степи» на алтайском языке, её переводил Токшин Торбоков, молодой алтайский прозаик и переводчик, на которого ранее обратил внимание Анатолий Соболев на одном из семинаров, где он был руководителем.

Я сфотографировал всех на память. Расставаясь, много говорили об Алтае, о его красотах и о том, что их надо беречь и сохранить для потомков. Анатолий с интересом всматривался в лица прохожих: многие знали Паслея и Аржана и, проходя мимо, приветствовали их. Анатолий Пантелеевич солидарно с ними тоже здоровался, и складывалось впечатление, что он тоже местный житель. И какой-то веяло от него теплотой, он стоял красивый, седой, в джинсах, и становилось вокруг как-то светлее (то ли от его седины?)... Местные красотки оглядывались, чтобы полюбоваться и насладиться красотой, исходящей от него.

Когда мы из Горно-Алтайска через Бийск вернулись в Белокуруху, Анатолий окрестил меня «директором Белокурухи» и «главным диспетчером Алтайских дорог»...

Это был год 55-летия со дня рождения Василия Макаровича Шукшина. После торжеств в Сростках многие из гостей праздника, в том числе Анатолий Пантелеевич с супругой, оказались у нас в Белокурухе. В то время на отдыхе в санатории «Катунь» находился с семьёй (супругой Светланой и дочерью Марией) Валентин Григорьевич Распутин. Я и познакомил тогда Соболевых с Распутиными поближе.

Почти ежедневно мы уходили на прогулки по окрестностям курорта (**слева направо: В. Ащеулов, В. Распутин, А. Соболев, 1984 г.**). Валентин Распутин и Анатолий Соболев оказались сродни – оба непоседы. В дождь и слякоть ходили на прогулки, добирались чуть ли не до вершины горы Церковки. Анатолий Пантелеевич шёл упорно по горным тропам, не подавая вида, что ему было порой нелегко. Это было не в его характере – плакаться и ссылаться на недуг. Но он был серьёзно болен...

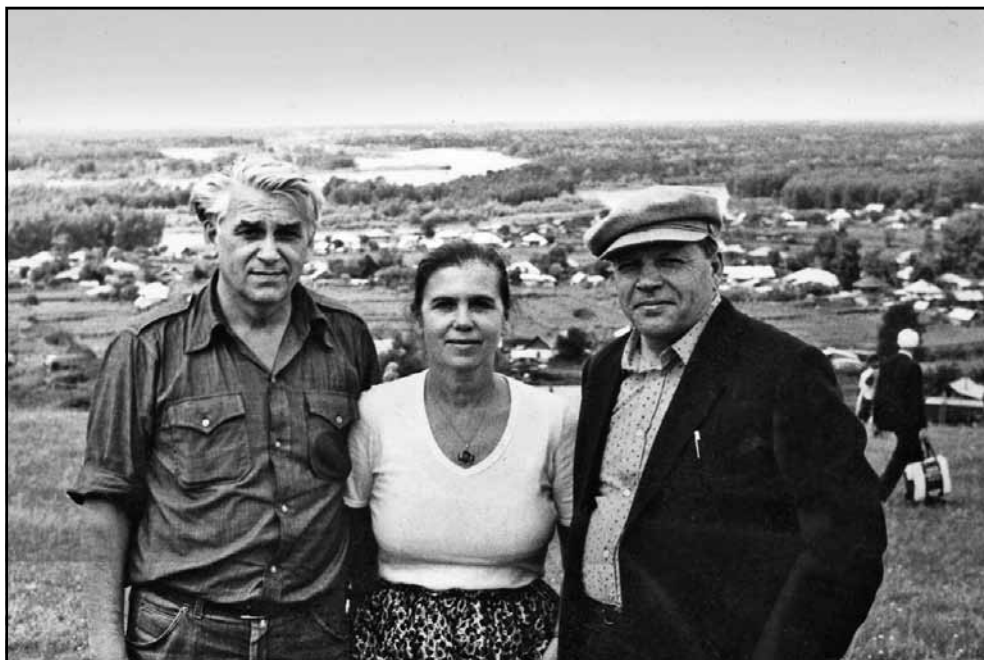
На прогулке с нами была моя восьмилетняя дочь Лена и ботаник из Томска Геннадий Свиридонов, очень интересный собеседник. Я видел, как было непросто и тяжковато Соболеву, но он не подавал вида и шёл наравне со всеми. Тогда я, зная его недуг и «кессонку», просто жалея его, снижал темп, чтобы он смог хотя бы передохнуть слегка.

Моя дочь собирала цветы и лекарственные травы по совету Геннадия и также терпеливо преодолевала все трудности этого пешего перехода. Анатолий и Валентин много говорили о состоянии нашей литературы, а Анатолий много говорил тогда о море и о работе над романом «Якорей не бросать».

Мы поднялись довольно высоко в горы и стояли почти у подножия горы Церковки. Остановились, чтобы передохнуть, видя, как тяжело дышит Анатолий. Присели на скамейку, кем-то сооружённую, и с высоты любовались расположенными внизу, как на ладони, санаториями.

В память об этой экскурсии остались фотографии, которые я по ходу сделал своим фотоаппаратом. Только сейчас, спустя столько лет, я понял и осознал цену этих уникальных фотоснимков. Шёл август 1984 года. Это был последний приезд Анатолия Соболева на родину.

Вспоминается вечер, когда после выступления в Доме культуры курорта к нам домой пришло много гостей: здесь были и режиссёр Ренита Андреевна Григорьева, сестра Василя Шукшина – Наталья Макаровна Зиновьева, дочь Василя Макаровича – Екатерина Шукшина, Алексей Макаров, Тамара Вараксина, Анатолий

А. Соболев, Г. Васюкова и В. Баянов (поэт из Кузбасса) на Пикете. 1984 г.

Соболев с супругой, Валентин Распутин с супругой Светланой и дочерью Марией... То была очень дружная компания единомышленников.

Мы, помню, запозднились. Было застолье. Была солонина. Были пельмени, которые все сообща лепили. Мы так залихватски пели русские народные песни под баян (пригласили баяниста из музыкальной школы – Виктора Новикова)! Ах какое это было душевное общение!.. И было что «принять на грудь»...

Анатолий оставил запись в моей гостевой книге. Вместе со всеми оставили запись Валентин Распутин и Ренита Григорьева. Вот что написал Анатолий Пантелеевич: «Хорошо приезжать на Алтай – домой! Ещё лучше, когда тебя встречают друзья-земляки, люди бескорыстные, душевные, щедрые, чуть-чуть по-шукшински «чудики», и ты, сам тоже – «чудик», вдруг оказываешься в родной среде, где дышится вольготнее, проще, и ты крепче стоишь на земле, на родной земле, что не даст упасть, изменить самому себе, выстоять, что бы тебя ни ждало впереди!»

Расставались далеко за полночь. Наш постоянный водила Виктор Белокрылов развёз всех по санаториям: пора было всем на покой!.. «Бездомные» гости остались ночевать у нас, благо места всем хватило.

Мне запомнилась соболевская простота в общении. Он никогда не рисовался, не любил бравады, чванства. Приезжая в Белокуриху, запросто бывал с супругой у нас в доме, любил пообщаться с нашими детьми – Леной и Ванюшкой, с которыми легко находил общий язык. С его появлением всегда становилось светлее и спокойнее. Об этом, замечу, пишут многие в своих воспоминаниях.

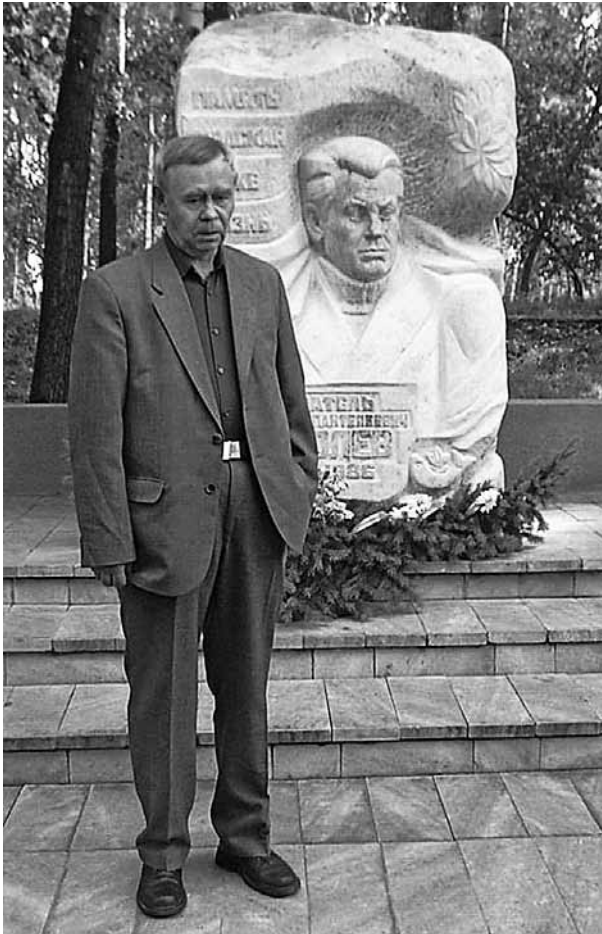
Он любил петь песни. Очень хорош был в дуэте с Галиной Георгиевной. Я однажды умудрился записать их на магнитофон, но сберечь эту запись, увы, не сумел: кто-то ошибочно стер её...

В июне 1986 года мы всей семьей почти месяц гостевали в столице нашей родины

и жили у друга семьи – Валерия Золотухина, который нас гостеприимно принял, предоставив по-землячески вид на жительство. В те дни я встречался с земляками и друзьями В. М. Шукшина. Частенько навещал композитора Павла Чекалова, с которым нас связывала дружба. В тот приезд я привёз свои стихи, написанные накануне, и предложил ему написать на эти стихи музыку. Он взял стихи и предложил мне прийти к нему на следующий день, когда он пригласил к себе домой поэта-песенника Вадима Семернина, известного по песне «Хороши вечера на Оби...». Я пришёл с сыном Иваном. Поднялись, кажется, на четырнадцатый этаж на Садово-Триумфальной в Доме Союза композиторов СССР.

Вадим и Павел были уже на месте. Я нервничал и курил, мне разрешали курить в комнате, поскольку у меня кружилась голова – я боялся высоты, да и перила на балконе были чуть выше колен.

Вадим спросил у меня: «Это ваши стихи?..» Я сказал, что мои. Затем он перегнул страницу, тем самым удалив одно четверостишие, и дал мне прочитать. Я прочёл, не обнаружив «исчезновения» одного четверостишия, и сказал, что с таким вариантом согласен. Тогда лист со стихами взял Павел Чекалов (автор музыки к кинофильмам Василия Шукшина «Живёт такой парень», «Печки-лавочки», «Ка-

В. Г. Распутин у памятника А. П. Соболеву.
С. Смоленское, 2006 г.

лина красная» и др. – Ред.), присел за фортепиано и сразу проиграл мелодию песни.

«Ну как?» – спросил он у меня. Я сказал, что мелодия понравилась. «Тогда и обмыть её не грех!» И в три стакана полился коньяк. Так появилась на свет песня «Былина о Катунь», вскоре опубликованная в журнале «Культпросветработа» № 8 за 1990 год, где вёл рубрику композитор А. Аверкин. Затем она вышла в сборнике «За околицей села». Когда Павел Владимирович Чекалов приехал на Алтай и я помогал ему с устройством на отдых и лечение в санаторий «Алтай», он привёз с собой фонограмму песни, записанной в Москве под аккомпанемент оркестра Осипова, а первой исполнительницей стала ученица Людмилы Зыкиной – Елена Скидан.

...Всё это было в далёкой Москве в далёком июне 1986 года.

Второго июля мы должны были уезжать домой. Тогда завершал свою работу съезд

писателей СССР. И я узнал, что на этом съезде находится Анатолий Пантелеевич Соболев (он был делегатом). Каким-то образом я раздобыл его телефон, он остановился в гостинице «Россия», и позвонил, предложив встретиться. Он успокоил меня, сказал, что сразу после закрытия съезда выезжают с делегацией на Алтай: «Уже куплены билеты. Вот там, брат, и наговоримся досыта!..» Далее он, прервав мои мысли, сказал, что они – официальные гости Шукшинских чтений – будут после завершения чтения отдыхать и лечиться в Белокурихе.

И вот 27 июня я звоню Павлу Чекалову, а он мне в ответ: «В гостинице «Россия» скончался Анатолий Соболев!..» Я так и присел... Верить или не верить этой вести?.. И тут же я позвонил Рените и Юрию Григорьевым и услышал: «Да, Толи больше нет. Завтра из Калининграда прилетают Галя с дочерью. Приезжай к нам, будем сообща думать, где его хоронить».

Когда я сообщил об этом Валерию Золотухину, то и он спросил: «Где будет захоронение?» Я сказал, что поеду и узнаю, а он говорит: «Если он наш земляк, то его прах надо предать родной земле. Я приехал к Григорьевым и сказал об этом. Галины Георгиевны ещё не было в Москве, но она, конечно, уже знала о случившемся. Я сказал Рените Андреевне и Юрию Валентиновичу, что хоронить Анатолия Соболева надо в его родном селе – Смоленском. Они со мною согласились».

Я вернулся к Валерию Золотухину, позвонил от него в Смоленский райком партии второму секретарю Михаилу Петровичу Папину и, рассказав о случившемся, спросил его о захоронении. Он мне ответил, что к этому надо подготовиться. Вот почему было принято решение тело А. П. Соболева кремировать, прах привезти на родину и с почестями захоронить.

... Я не был на прощании в Москве, так как у нас уже были приобретены билеты на обратный путь. Кремация состоялась 2 июля.

По возвращении домой я посетил Михаила Петровича Папина. Подготовка шла полным ходом. Кто-то из горячих голов крайкома партии настаивал захоронить прах на гражданском кладбище. Мы все категорически возражали, настаивая захоронить прах земляка – писателя-фронтовика! – на Аллее Славы. Так и было сделано 26 июля 1986 года при многотысячном присутствии жителей окрестных сёл и городов Алтая, а также родственников и друзей Анатолия Пантелеевича.

Вот как об этом написал в своем письме к Виктору Петровичу Астафьеву известный литературный критик Валентин Курбатов: «... Ну вот и похоронили мы А. П. Соболева. Я и писал о нём, и предисловие сочинял к его «Якорям», а увидаться вживе так и не увиделись – только уславливались вот в этом августе. Слава Богу, хоть простились по-людски».

День был высокий, яркий, как будто счастливый летний день. Село большеющее – всё пришло. Собрались часов в десять и до половины второго никто не ушёл, сидели на заборах, в тенёчке отдыхали.

Мужики на подводах приехали, на велосипедах. Бабы с детишками, все нарядные. Всё сделали по-людски: почётный караул старики стояли, кто войну прошёл, и молодёжь. И митинг ничего. Наши начальники из сочинителей загудели с вечера и опоздали, пришлось нам, простым, за них начинать. Я не удержался и сказал, что все мы теперь про правду талдычим и, кажется, за неё ещё и анненские ленты через плечо от государя хотим получить, тогда как цена-то на Руси за правду старинная и за неё смертью, как вот Василий Макарович и Соболев, платили.

Похоронили рядом с кладбищем, недалеко от военного обелиска, в конце улицы, на которой и сейчас стоит домишко, в котором он жил мальчишкой напротив папиного райкома – такой же избы, только побольше. И улица эта теперь его

имени. Было, конечно, и много пустого, особенно заметного в поминках, когда много чужого, случайного народу, но, в общем-то, всё было по-людски. Главное – дома лежит, хоть и не тело уже, урна только, но всё-таки дома...

...Так мы с ним и не повидались, хотя собирались не один год. Как они крутили ему руки-ноги за «Якорей не бросать», а теперь вот С. Михалков уже выставляет себя защитником этого сочинения, но я знаю, что главное-то, тридцать-то седьмой год, они из книги выживут без единого намека, а вся другая смелость там, без этой главной и самой болезненной, никакого значения не имеет.

Как он хотел, чтобы книжка вышла к 60-летию, как торопил издателей, а она и по-прежнему где-то плетётся на перекладных, пока ораторы по съездам славословят правду и её румяного апостола...»

В доме, где прошло детство и юность Анатолия Пантелеевича Соболева, был открыт музей. Улица в селе Смоленском названа в честь замечательного земляка.

Я собрал подписи с ходатайством перед горсоветом Белокурихи о присвоении одной из улиц его имени, что и было осуществлено в том же, 1986 году. Так что и в Белокурихе есть улица, носящая имя писателя-фронтовика Анатолия Пантелеевича Соболева.

Виктор Иванович АЩЕУЛОВ родился 24 августа 1943 года в селе Плешково Бийского (ныне Зонального) района Алтайского края. По окончании средней школы сотрудничал с районными, городскими и краевыми газетами, работал на Бийской студии телевидения...

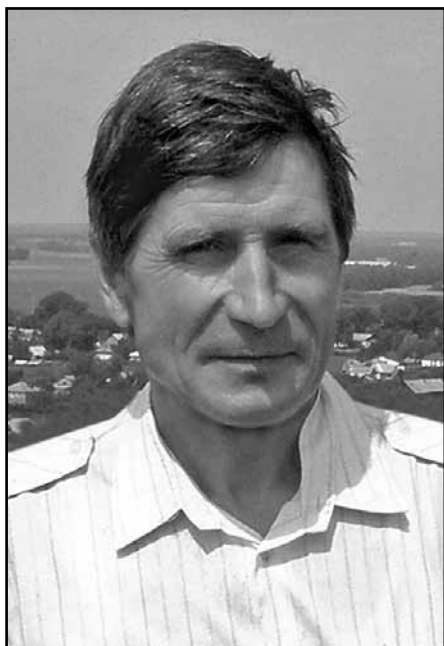
Его стихи и статьи публиковались в краевой, региональной и центральной периодике. Он член Союза журналистов СССР с 1989 года. На его стихи написаны песни композиторами М. Апарневым, П. Чекаловым, А. Лобановым и др. Он соавтор нескольких публицистических и поэтических сборников, автор-составитель книг о жизни и творчестве В. М. Шукшина «Жил такой парень» (2009 г.), о жизни и творчестве А. П. Соболева «Память людская – тоже жизнь» (на фото с этой книгой у Дома писателя 3 июня 2011 г.), изданной в честь 85-летия писателя-фронтовика.

Живёт в городе-курорте Белокуриха.

ПОЭЗИЯ

Николай
ФАДДЕЕНКОВ

Николай Николаевич ФАДДЕЕНКОВ
родился 22 мая 1948 года
в селе Еронда Старо-Бардинского
(ныне – Красногорского)
района Алтайского края.
Выпускник (с золотой медалью)
Сростинской средней школы
и механико-математического
факультета
Новосибирского государственного
университета (1970 г).
С 1984 года
работает преподавателем
механического факультета
Бийского технологического
института.
Кандидат физико-
математических наук.
Инициатор и организатор
установки в Сростках
памятника «Камень скорби» –
землякам, пострадавшим
от политических репрессий
1933-1937 гг.
Авторитетный виноградарь,
автор нескольких книг
по виноградарству,
а также книг
философской лирики и эссе.
Живёт и возделывает
сад в Сростках.

ЛЕТЯЩЕЕ ВРЕМЯ

ОДА ВИНОГРАДУ

Триптих

1

Ещё при динозаврах на земле
лозы произрастали,
о винограде и хмельном вине
пророки рассуждали.
А ныне гроздь вовсю горит
багрянцем на Алтае –
чудесной радостью парит
в сибирском нашем крае.

2

Исполнен смысла
жизни ход
и винограда
северный поход.
Великого Мичурина
прозренье,
стал виноград
для нас явленьем.
По-матерински
терпелива и нежна
здесь с юною лозой
калина Шукшина.

3

Где чаще
виноградаря глаза,
там будет
урожайнее лоза.

Подайте больше
воздуха корням –
и будет больше
ягод по ветвям.

***

Всем ненастьям вопреки
осень удалась.
Сядем с гроздью у реки –
лакомиться властью.
Дарит негу дивный вкус,
аромат мускатный.
По волнам развеет грусть
ветерок закатный.
Как изысканно легка
ягод этих сладость,
так приятна и близка
от реки мне радость!
В ритме жизни растворись
и плыви в потоке,
всем невзгодам улыbnись
и забудь про сроки!
Будут встречи впереди –
лечат они душу.
Ты к Катуня приходи,
чтоб её послушать.

***

Да, лишь на родине,
и только здесь,
раскроюсь до конца я –
весь как есть.
Моя Катуня, Природа,
только вы
в конечном счёте
будете правы.
От сrostинских могил
благославен полёт –
земля давала сил,
она и в долг возьмёт.

***

Рано подводить итог,
нету оснований –
ритм сердце обрело,
время ожиданий.
Мы надеемся ещё
защитить природу,
быть полезным для родных,
что-то дать народу.
Достижения ума,
толк импровизаций
я дарю тебе, страна,
и не жду оваций.

***

Прошу, простите,
близкие мои,
что много денег
не умел добыть,
а в жизни
силы скромные свои
я высшим целям
тщился посвятить.
Не смог создать
домашнего уюта,
манерами
начальство раздражал,
стеснялся
нежности дарить минуты...
Я честь берёг
и никогда не лгал.

***

С природой в детстве
мы душой близки.
В расцвете сил
с людьми работаем
и дружим.
Когда же сединой
подёрнуты виски,
контакт с природою
опять как воздух нужен.

***

Удастся ли опять
грозящую опасность
мне в жертвенном броске
преодолеть?
Да не окажется горение
напрасным!
Что будет призом –
праздник или плеть?

***

Лодка, качаясь, тихо плывёт.
Бездна неба в воде и луна.
Катуня всё журчит
и что-то поёт...
Поёт о весне и звёздах она,
неся с тихим шорохом
волны во тьме
и мощью играя на глубине.

***

В летящем времени
разбитая реальность:
осколки радости,
надежды
и печали...
А счастье –
это горизонта дальность,
где миражи
нам долгий путь венчали.

***

Ах, как, река,
умеешь завлекать
своей неброскою,
но зрелой красотою!
Зовёшь опять меня
рассвет встречать,
омыть лицо
твоей водой живою.
Да,
весь мой путь
по воле провиденья
есть вечное
к Катуня возвращенье.

ОЧАРОВАНИЕ НОЧИ

Диптих

1

Вот подкралась тихо ночь,
солнышко прогнало прочь,
пролетела вокруг совой,
пораскинула покой.
Взгляд кругом

куда ни кинь –
звёздным светом тихо синь
озарилась,

и, полна,
в небо выплыла луна.

2

Природа молчит,
облита луной,
серебристые сосны стоят чередой,
брильянты-росинки
висят на травинке,
как царство молчанья застыло кругом,
как знак ожиданья
над тихим прудом.

ПАМЯТЬ

ЕГО ЗВАЛИ СЛАВА

Вячеслав Валентинович МОРОЗОВ (4.07.1954-24.10.2009) родился в с. Сидоровка Романовского района Алтайского края. После окончания средней школы (1971 г.) поступил в Алтайский государственный медицинский институт, где начал активно заниматься альпинизмом. Оставив институт, пошёл в армию. Служил в Воздушно-десантных войсках (1973-1975 гг.). Отличившись на военных учениях, был удостоен почётного звания – лучший сержант дивизии и 15-суточного отпуска на родину. Демобилизовавшись, продолжил обучение в медицинском институте, однако ради серьёзного занятия альпинизмом, которому в итоге посвятил 18 лет, ушёл с четвёртого курса. Об альпинизме и об альпинистах была его первая повесть «Горы», опубликованная в альманахе «Алтай» (1981 г.).

Живя в Барнауле, работал инструктором на краевой станции юных туристов, сотрудничал с районной газетой, был уполномоченным Бюро пропаганды художественной литературы (директор – В. Б. Свинцов) при Алтайской краевой организации Союза писателей СССР.

Он выпускник Литературного института имени М. Горького (1988 г.). Вернувшись в Барнаул, работал завлитчастью Алтайского краевого театра юного зрителя. В начале 1989 года уехал в Душанбе, а оттуда в подмосковный город Талдом, на родину замечательного поэта есенинской плеяды Сергея Клычкова, возвращению которого к читателям Вячеслав Морозов с этого момента и до конца своей жизни отдавал все свои силы. Как журналист и прозаик публиковался в региональной и центральной периодике. Несколько лет посвятил оперативной военной журналистике, освещая события в многочисленных горячих точках: Таджикистане, Южной Осетии, в Приднестровье, Карабахе, Чечне и др. В течение ряда лет, на рубеже 90-х и «нулевых» годов, работал помощником главного редактора журнала «Наш современник».

Автор двенадцати книг. Его роман «Стрингер», изданный отдельной (как оказалось, предсмертной) книгой в издательстве «Вече» (Москва, 2010 г., 320 стр., тираж – пять тысяч экз.), впервые был опубликован в журнале «Алтай» (№№ 1 и 2 2008 г.). Член Союза писателей России (рекомендации В. Бондаренко, В. Распутина, Н. Шпилова).

Его самые последние публикации – в журнале «Барнаул»: № 3 2008 г. (первый цикл прозаических миниатюр «Непридуманные истории»), № 4 2009 г. (эссе «Правнук гения» – о правнучке А. С. Пушкина), № 2 2010 г. (второй цикл «Непридуманных историй»), №№ 3-4 2010 г. («Последний Лель» – к 120-летию С. А. Клычкова).

Он поддержал добрым и аргументированным словом две книги, изданные в честь 65-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне: «Неизвестный Алтай. Лихолетье войны» (автор – известный публицист Анатолий Муравлёв, ныне – журналист газеты «Алтайская правда») и «Обратный отсчёт» (антология из произведений 65 поэтов Алтайского края), – публикации этой его статьи состоялись в журналах «Барнаул» (№ 2 2010 г.) и «Наш современник» (№12 2010 г.).

С августа по декабрь 2009 года он, проходя в Барнауле курс лечения в краевом онкологическом центре, принимал активное участие в литературно-просветительской деятельности Алтайской краевой организации Союза писателей России, в том числе в творческих поездках редакций литературного фонда «Август» и журнала «Барнаул». В этот же период прошёл ряд его творческих встреч с читателями в Барнауле. В сентябре 2009 года состоялись его интервью – в эфире краевого радио «Алтай» (программа «Перекрёсток», автор – Юлия Михайлова) и в газете «Вечерний Барнаул» (автор – Владислав Комяков).

Вячеслав Морозов последние 20 лет жил в г. Талдоме Московской области, где и похоронен.

Георгий БЛИНОВ.

СДЕРЖАННОЕ БЛАГОРОДСТВО ЛЕТОПИСЦА

В течение жизни у всякого пишущего человека накапливаются прозаические миниатюры. У русского писателя Вячеслава Морозова сложился цикл непридуманных историй. Он их так и назвал – «Непридуманные истории».

Невымышленные рассказы. Откуда? То ли от всевидящего ока?.. То ли от всеслышающего уха?.. Думаю, от позиции автора, живущего над миром и одновременно в нём.

Почему я это пишу? Потому, что его «Непридуманные истории» мне близки по духу. Потому, что в них правда, увиденная художником слова. Значит, это художественная правда. Его слово правды режет особенно остро, когда речь идёт о долге, о чести, о совести.

Круг героев Вячеслава Мороза широк – от забулдыги до главы правительства. Стихия контактов писателя с жизнью делает его прозу яркой и правдивой. Точнее, эмоционально насыщенной и по-мужски убедительной.

Вячеслав тонко рисует пространство повествования с чистым авторским текстом, с цветистой прямой речью и психологической тонкостью противостояний его героев. Он «подслушивает» народный, иногда вульгарный, порой вычурный, язык, которым наполнены его миниатюры.

Да, звучат, звучат (!) в его текстах шукшинские мотивы. Как же им не звучать, если рассказы его замешаны на любви к человеку, на неприятии пошлости и на восхищении чудом жизни.

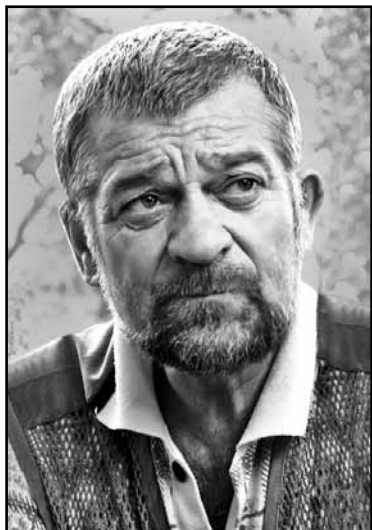
Пожалуй, главная особенность своеобразной прозы Вячеслава Морозова в сдержанном благородстве летописца, в широком и глубоком понимании, как говорят философы, быстротекущего бытия.

Может быть, поэтому его так интересно читать?

Сергей БОЖЕНКО.

Слева направо: С. Боженко, В. Тихонов, А. Карпов на творческой встрече В. Морозова с читателями в Барнауле. 13 октября 2009 г.

П Р О З А

Вячеслав МОРОЗОВ

Уважаемые читатели, накануне дня рождения талантливого писателя, журналиста и издателя, редактора и литературоведа, просветителя и автора-исполнителя песен – 4 июля с. г. Вячеславу Валентиновичу Морозову исполнилось бы 56 лет, – представляя вашему вниманию третий (неопубликованный) цикл миниатюр «Непридуманные истории», напомним, что именно за них по итогам 2010 года (см. № 2 журнала «Барнаул» прошлого года) он был удостоен краевой литературной премии имени В. Б. Свинцова – в номинации «Родина».

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

...Хочу тоже попробовать написать рассказ, ничего не придумывая. Последнее время мне нравятся рассказы – непридуманные.

В. М. Шукишин. «Кляуза»

НАКАЗ ВЛАДИМИРА СОЛОУХИНА

Я был приглашён на презентацию книги ветерана внешней разведки Ю. И. Дроздова «Вымысел исключён», поскольку написал к ней послесловие.

Недели за две до того торжественного дня я повидался с Юрием Ивановичем, и он поделился задумками по составу приглашённых:

– Мне кажется, не лишне было бы пригласить киноактёров, когда-либо сыгравших роль разведчиков в кино, и писателей, писавших о разведке. Кадочникова, увы, уже не пригласишь. Вячеслава Тихонова – обязательно. Георгия Жжёнова, Бориса Галкина – он вашего брата-десантника хорошо сыграл. Николая Бурляева надо бы, только у меня нет его телефона... Из писателей – кого ты думаешь?

– Вам виднее. Думаю, Александра Проханова. Владимира Карпова – Героя Советского Союза. Святослава Рыбаса – он про похищение генерала Кутепова хорошо написал. (Каюсь, что «с налёту, с развороту» забыл про Михаила Ножкина – чудесного актёра и барда: кто не помнит его Бекаса в «Ошибке резидента»?!. – и актёра большого таланта Александра Михайлова, который в роли разведчика Николая Кузнецова сумел переиграть даже Павла Кадочникова)...

– Ну ладно, я ещё подумаю...

Предновогодний «Президент-Отель», где проходила презентация книги, блистал гирляндами мишуры, огнями и внутренним убранством. Для гостей в холле были расставлены столы с шампанским, коньяком и лёгкой закуской, каждому приходящему вручали подарочный набор книг о разведке. Подходили седовласые мужи с тяжёлыми орденскими колодками, со Звёздами Героев, обнимались крепко, вступали в разговор; подходили парни из дроздовского «Вымпела» – крепкие, с умными глубокими глазами, сдержанные, немногословные. На груди у некоторых – экзотические медали иностранных государств.

Тихонова и Бурляева я не увидел. Важно прошествовал под руку с супругой «генерал» Алексей Булдаков, поведавший миру об особенностях национальной охоты. Борис Галкин с женой Еленой стояли в окружении «вымпеловцев». Георгий Жжёнов беседовал о чём-то с митрополитом Питиримом. Сдержанный Святослав Рыбас, вернувший России доброе имя Петра Аркадьевича Столыпина, выслушивал отставного генерала-разведчика. В пиджаке нараспашку и, как всегда, без галстука появился Александр Казинцев – известный публицист, заместитель главного редактора журнала «Наш современник».

...И вдруг я увидел идущего шаркающим приставным шагом Владимира Алексеевича Солоухина и слегка удивился: Солоухин, насколько я знаю, никогда и ничего о разведке не писал. Впрочем, всё ли я о нём знаю?.. Владимир Алексеевич медленно продвигался от парадной лестницы по направлению к конференц-залу, ссутулившись, немного растерянно кидая взгляды по сторонам. Остановился, огляделся и, видимо, не заметил ни одного знакомого лица: в холле уже толпилось изрядное число приглашённых. Я подошёл к нему, поздоровался и пригласил к фуршетному столу.

– А что там, на столе-то?..

Мы подошли к столу, два-три человека поприветствовали писателя:

– Здравствуйте, Владимир Алексеевич!

Солоухин, слегка приподнимая глаза и не особо замечая, кто с ним здоровается, полупоклоном отвечал на приветствия.

– Дай-ка мне, пожалуйста, вот этот бутерброд, с икоркой, и тот, с рыбой.

– Пожалуйста, за всё «запложено». А как со здоровьем-то, Владимир Алексеевич?

– Сейчас намного лучше. Не орёл, но, как видишь, летаю. Ты вот что, убери шампанское, давай мы за этих ребят коньяку выпьем. Хороший коньяк-то? – Он прищурился, взглядываясь в этикетку.

– «Двин». Говорят, неплохой.

– Вот давай его, помаленьку...

Мы выпили за здоровье генерала Дроздова и за советскую разведку, доставившую немало хлопот нашим противникам. Солоухин, прожёвывая бутерброд, спросил:

– Ты книжку-то Дроздова читал?

– Читал, даже писал о ней.

– Я так думаю: хорошо, что они, разведчики, наконец-то заговорили. Сразу сколько досужих сплетен про КГБ полетело в тартарары. И сколько мы узнали про тайные пружины, которые двигали и нашу, и зарубежную политику! Н-да, это, пожалуй, важнее...

Протрещал звонок, приглашая всех в конференц-зал. Мы сели у прохода в середине зала.

После приветственного выступления генерала Дроздова показали фильм «Равных им не было» – о группе специального назначения «Вымпел», созданную и выпестованную Юрием Ивановичем, которой действительно не было равных в ряду спецподразделений иных стран – по универсальности подготовки, по отваге и мужеству, по способности решать невыполнимые, казалось бы, задачи.

Запомнились, например, такие кадры. Камера неподвижна, на экране – ничем не примечательный пейзаж: слегка взбугрённая местность, дерево, зелёные кустики. Больше ничего! Вдруг земля дыбится и в полный рост встают 50-70 вооружённых парней, но тут же ложатся, снова исчезая. Проходит секунда-другая (камера неподвижна) – и опять как по команде встают ещё человек 50-70, но уже других воинов.

«...Бойцы «Вымпела» проходили стажировку и в странах Юго-Восточной Азии, – звучит голос диктора за кадром, – где делились опытом и где многому научились».

В это время на экране крупным планом возникает участок дороги (безо всякого изъяна!), после чего квадратный «лоскут» земной поверхности приподнимается и отъезжает в сторону, а из замаскированной ямы выскакивает перемазанный в глине улыбающийся «вымпеловец».

Солоухин смотрел на экран молча. Затем, когда генерал Дроздов по окончании фильма попросил желающих высказаться, Владимир Алексеевич, выждав небольшое время, поднялся с кресла и мелким шагом пошёл к сцене. Зал молча ждал.

Опершись на трибуну, Владимир Алексеевич коротко поведал свою военную биографию, отметив, что «хотя в войсках НКВД я никогда не служил и про вас, разведчиков, не писал, но во время войны был старшим сержантом спецназа». Говорил он тихо, потом голос стал крепнуть – почти точь-в-точь, как это было во МХАТе на 40-летию журнала «Наш современник», когда он читал своё стихотворение, закончив его на высокой ораторской ноте.

– Когда я посмотрел этот фильм, мне вспомнился случай из давней русской истории. Произошло это в период крещения Руси, когда христианские проповедники шли в города и веси, в разные племена Руси, крестя язычников и обращая их в христиан. И вот, когда один из монахов-подвижников пришёл в языческое племя, обитавшее где-то на Севере, и убедил всех принять христианство, произошло следующее. Вождь племени, который должен был первым пройти обряд крещения и показать пример своему племени, вошёл в реку, выхватил из ножен меч и, высоко подняв его над головой, трижды окунулся в воду. Когда он вышел на берег, монах-миссионер упрекнул его: что же ты, мол, сам окунулся, а меч свой не окунул? И вождь ему ответил...

Тут голос писателя возвысился до митингового накала:

– Я, говорит, прошёл обряд крещения. Я теперь христианин. Я буду соблюдать Христовы заповеди, буду жить так, как велит мне Христова вера. Я даже буду прощать врагов своих. Но! – голос Солоухина обрёл металл. – Но ме-е-еч мо-о-ой!..

Он сглотнул комок в горле, и микрофон передал это всем сидящим в зале. Произошло мгновенное слабое движение десятков людей, которые, я уверен в этом, разом почувствовали – что сейчас будет сказано.

– ...Но меч мой никогда не должен быть добрым к моим врагам! Он никогда не будет добрым к врагам моего племени – он не для этого предназначен. Меч в моей руке для того, чтобы защитить меня и моё племя, и ему нельзя быть добрым, как мне!.. Вот что сказал монаху вождь племени.

С середины зала я увидел, что по щекам старого писателя текут слёзы. Это заметили и другие, и по залу снова короткой судорогой прошло движение.

– И я вас прошу, я вас заклинаю: держите свой меч сухим всегда! Дорогие мои герои, я – старый человек, я много повидал. И вы многое повидали, вы много знаете, чего не знают другие. Вы не должны спокойно смотреть на то, что происходит. Вы видите, как наша Россия окружена со всех сторон алчущими «собратьями», которые готовы рвать её на части, стремясь ухватить себе кусок пожирнее... Не мне это вам рассказывать, это вы сами знаете, как не знает никто. Так... не дайте же!.. не дайте!.. не дайте погибнуть своей Родине!.. (Он уже не стеснялся своих слёз.) Она вас вскормила, но сегодня она слаба и унижена, и вы – её последний оплот!

Я, старый человек, русский писатель, обращаюсь к вам: держите ваш меч сухим! Нам нельзя быть добрыми к нашим врагам – их слишком много, они сплочены и сильны, они не хотят быть добрыми с нами. И поэтому пусть ваш меч, изображённый на вашей эмблеме, всегда будет разящим, острым и сухим, как у того мудрого вождя племени!..

Он отошёл от трибуны и, шаркая подошвами ботинок, пересёк сцену. Спустившись в зал, Владимир Алексеевич растерянно оглядывал сидящих, и я догадался, что он забыл, в котором ряду сидел до выступления. Я поднялся ему навстречу:

– Владимир Алексеевич, идите сюда. Вот ваша сумка.

– А, ну всё. Спасибо. Я, пожалуй, присяду...

Он медленно сел в кресло, после чего аплодисменты стихли. Солоухин достал носовой платок, вытер щеки, промокнул глаза, принял позу поудобнее. Вздыхнул. Потом спросил неопределённо:

– Ну что?

– Как «что»? Вы же видите, что с залом сделали! Задние ряды стоя вас приветствовали...

– Да-а-а... А ты этих ребят знаешь? – он кивнул головой на зал.

– Некоторых маленько знаю.

– Ну и как думаешь, дошло до них?

– Думаю, дошло.

– Хорошо бы, если б дошло... Я от сердца говорил. Что ж они, не понимают, что ли? У них в руках – та-ка-я сила!.. Да будь я помоложе!.. – Он махнул рукой как-то обречённо, словно отсекая тему разговора, и стал медленно вставать.

– Ты меня проводи, пожалуйста, до выхода.

Я проводил. Больше мы не виделись.

ПОДАРОК

Волей случая в 70-е годы, ближе к весне, альплагерь «Алибек», что на Кавказе, посетил А. Н. Косыгин. Неподалёку от лагеря, ниже по ущелью, в укромной стороне находилась его дача.

Алексей Николаевич прилетел на недельку в отпуск – подышать горным воздухом, восстановить силы. Но в один из дней случилось непредвиденное (только, конечно, не по альпинистским меркам): дорогу перехлестнуло лавиной, а премьеру пришла пора срочно возвращаться в Кремль, где его ждали дела государственной важности. Дождаться, когда подойдёт техника и разгребёт огромный завал, он не мог. Надо было срочно что-то предпринимать. Мобильных телефонов, чтобы вызвать помощь, в ту пору не было. Помощники вспомнили, что неподалёку в горном ущелье находится лагерь альпинистов, где непременно кто-то должен быть. Протоптали в снегу тропу через завал, подсобили пожилому Алексею Николаевичу одолеть его и пришли в лагерь.

Начальник альплагеря Эдуард Жуков глазам своим не поверил, увидев на пороге уставшего, в раскисших от снега штиблетах главу государства и его охрану. Представьте, что к вам на дачный костерок из темноты приходит нынешний премьер-министр России и вежливо интересуется, нельзя ли ему здесь обсушиться и обогреться?..

Подсушили Алексея Николаевича, обогрели, напоили чаем, «дали валенки с ноги», упаковали в пуховку. За чаем он попросил рассказать об альпинизме, о частоте схода лавин, показать хозяйство альплагеря. Жуков рассказывал, показывал. Про сход лавин – да, часто. Тогда уж – от мира отрезаны на неопределённый срок.

– А как же пищу в эту пору готовите? Что с освещением?..

– Тут всегда возникают проблемы, – ответил начальник альплагеря, – но мы их решаем. Я иду на вашу дачу, даю сторожу червонец, и он мне отпускает горючки. Вы ж тут не часто бываете, а на даче её навалом. Даю 15 рублей трактористу – и он на своём тракторе это горючее доставляет в альплагерь. Вот и всё. Запускаем автономный движок.

– А на какие деньги проводите эти махинации? – недовольно спросил глава правительства.

– Липовые счета выписываем. Альпинисты – спортсмены, забытые государством, альплагеря – тоже: у ВЦСПС бюджет скудный – не то что у партии. Вот и крутимся, как умеем. Не погибаться ж нам тут до весны!..

Косыгин, едва ли не в шоковом состоянии выслушивал «правду из народа». Помолчал, раздумывая о чём-то, затем промолвил:

– Перечислите, в чём вы нуждаетесь, я запомню.

– Лучше запишите! Нам бы трактор с «лопатой» – завалы вручную не разгрёбёшь: снег в лавине так прессуется, что напоминает асфальт – сами видели. И ГАЗ-66 нам не помешает, – почти не раздумывая, ответил Эдуард Жуков.

– Трактор вам будет, – ответил премьер, делая пометку в записной книжке. – А вот как быть с машинами – не знаю. Всё-таки эта марка в основном у нас по военным заказам проходит...

Эдуард моментально отреагировал:

– Так армия что, правительству не подчиняется?..

Косыгин внимательно посмотрел на дерзкого альпиниста и ничего не сказал.

Завал на скорую руку «начерно» расчистили, премьерскую машину на руках перетащили через оставшиеся глыбы снега – можно было ехать к заждавшемуся самолёту.

Довольно скоро Жукову по радиации передали с базы текст правительственной телеграммы из Москвы: «Получите на станции трактор». А вскоре он поехал получать и две машины ГАЗ-66.

Когда начался альпинистский сезон и захала первая партия спортсменов, история с появлением долгожданной техники сразу стала всем известна.

Кульминацией этой необычной истории можно назвать чью-то (скорее всего, дамскую) юмористическую выходку. Когда утром альпинисты побежали на зарядку, то увидели, что кто-то на лопате бульдозера губной помадой крупными буквами написал: «Дорогому Эдику от друга Алёши!»

«САМОУТВЕРЖДЕНИЯ»

Триптих

I

Конец 70-х годов. Нечаянно подслушанный разговор за выпивкой в околобанном пивном «стояке» двух приятелей, которые, видимо, давно не виделись, а тут нежданно случай свёл. После обоюдного узнавания, радостных приветственных возгласов и объятий с излишне крепкими, как мне показалось, шлепками по плечам и по спине, разбавлением «Жигулёвского» водкой из припасённой одним из них чекушки, вопросов «где ты?» да «как ты?», «видел ли того-то?», «женился или нет?» один, одетый чуть респектабельнее, чем товарищ, разомлев после бани и выпитого «ерша», спрашивает – явно с намерением поставить себя хоть чуть, но выше собеседника:

– Дак работаешь-то где, не понял? Я – экспедитором, сказал уже. А ты, что токарем – понятно. А где вкалываешь-то?

«Что токарем...» – с какой богатой и сложной интонацией это было сказано! Тут было и небрежное «понимание» – мол, да, судьба твоя такая; и снисхождение к тому, что выше токаря дружок подняться не сумел, и даже лёгкое сочувствие по этому поводу и похлопывание по плечу, и орлиный взлёт, и ожидающий взгляд вприщур уже оттуда – свысока. Попал в «десятку»!

Дружок, доселе говоривший уверенно, немного зачастил:

– Ну, завод «Трансмаш» знаешь? На «Трансмаше» я. 250 – это как минимум получаю! А так, слышь, до трёхсот «рваных»... Вынь да поло-о-ожь, вот так вот!

Кстати, я ж ещё и газосварщик. Когда надо трубу обварить, особенно тонкую в диаметре, – мастер всегда ко мне приходит: надо, мол... Тогда говорю ему, мастаку: «Твоё «спасибо» не хрустит, и Ленин на ём не нарисован...»

Первый – с ехидцей и тем же хитрым прищуром, явно подначивая:

– Поди, вкальваешь почём зря?..

Второй – с обидой и лёгким возмущением, даже кружкой о стол слегка грюкнул:

– Да я!.. – он аж заикнулся от возмущения. – Да я, считай, палец о палец не бью!..

После этого случая в моём представлении сильно пошатнулась идеологическая доктрина о самом передовом и самом революционном отряде трудящихся масс...

II

Начало 80-х. Барнаул. Случайная встреча на городском автовокзале с односельчанином, который младше меня лет на семь-восемь. Топчусь на междугородней остановке автобусов и вдруг замечаю – в облике молодого симпатичного усача есть что-то знакомое. Не видел его лет пятнадцать. Время всех нас преображает. Стариков, а тем более однолеток по прошествии лет обычно узнаёшь быстрее, чем тех, кто в пору твоей юности загребал босыми ногами пыль на дороге, шмыгал носом и поддёргивал на бегу штаны на лямках. Узнал лишь по внешним признакам «породы»: чернявый, густые брови, как у матери – тёти Гали, колхозной доярки, полные яркие губы («маков цвет»), как у неё же, и широкий в улыбке рот, как у отца – Прокопия Ивановича, молчаливого работника механизатора.

Подошёл, тронул за плечо:

– Ты не из Сидоровки? Не Миша С.?..

– Ну, он... А-а-а... Я тебя тоже вроде и признал, что ты Морозов – на отца сильно смахиваешь, на Валентина, у Валентина брови такие же, как у тебя, а потом думаю: может, просто похожий? Потом опять смотрю – нет: Славка!..

Миша, которого до встречи я помнил пацанишкой, выглядел уверенно и сразу стал обращаться на «ты», даже с налётом некоего покровительства или «старшинства». Слегка резануло, что моего отца, более сорока лет проработавшего в школе и выучившего несколько поколений сидоровцев, в том числе самого Мишу, а также его отца и мать, он назвал Валентином – без отчества, хотя даже самые пожилые мужики и бабы в селе называли его уважительно Валентином Семёновичем. Меня в разговоре называл только Славкой, несмотря на существенную разницу в возрасте и большой временной перерыв в общении. Впрочем, общения-то между нами раньше не было никакого и быть не могло! Я оканчивал десятилетку, когда Миша по складам учился читать «мама мыла раму». Бог с ним – земляк всё-таки, из родного села, улицы рядом, по дворам – так сосчитать можно. Терпимо. Да и не на всю жизнь – на час судьба свела... Хотя, признаюсь, уже пожалел, что окликнул.

Миша почему-то начал разговор с вопроса: «Хочешь, анегдот расскажу?» – и, не дожидаясь моего ответа, рассказал совсем несмешной, но вполне глупый и матерный «анегдот», громко хохоча при этом и толкая меня в плечо: что, мол, не смеёшься? Я изобразил углом рта понимающую ухмылку. Видимо, «анегдот» казался Мише настолько уморительным, что его просто распирало изнутри желание немедленно пересказать его кому-нибудь, а тут и земляк подвернулся вполне кстати. Само собой, дальше уже спокойно потекли взаимные неторопливые расспросы (до общего автобуса – ещё чуть меньше получаса), какие могут быть между давно не встречавшимися односельчанами с известной возрастной дистанцией: просто знавали друг друга когда-то и жили неподалёку. Традиционный, неминуемый в такой беседе вопрос:

– Миша, а трудишься-то где?

– Ну, Танька моя – в продмаге. Я как с армии пришёл, сразу сказал себе: женюсь только на продавщице! – начал он не с себя. Скорее всего, для него весьма важно было подчеркнуть, как хорошо он устроился в этой жизни. – Теперь для кого-то дефицит, а у нас хоть каждый день на столе. А я шофёром на «Ниве» в районной газете, где и ты когда-то работал. Редактор другой уже (он назвал фамилию), вашего на пенсию отправили, говорят, не сумел перестроиться. А чо ему? На охоту ездит, рыбку ловит, огород содит, полет-поливает. Инфаркт схлопотал недавно – чуть боты не загнул. А про нашего не слыхал? Его четыре года назад к нам прислали из Баевского района, кажется. Ну-да, вроде из него...

– Нет, не приходилось, я ж давно из района уехал. Даже фамилию такую не припоминаю. А из сотрудников, может, кого и знаю... Кто из старых-то остался?

Миша перечисляет. Одна из фамилий мне знакома – Катя, моя ровесница, но «мы с нею вместе не служили», как говорил полковник Скалозуб.

– Это не та Екатерина, которая раньше работала в райкоме комсомола? Красавица такая: блондинка-натурале, карие глаза, как две маслинки, улыбка, как у Джоконды, идёт по улице – не отвернёшься, башка сама поворачивается... Муж у неё Серёга – боксёр, преподаватель физкультуры. Так что не шибко и заглядишься...

– Ну да, она самая. Когда комсомольцев и партию разогнали под метёлку, она подалась к нам – корреспонденткой назначили, потом быстро завотделом стала – прежняя на пенсию ушла. Говорят, она и раньше что-то писала. Ничо баба, активная, писучая: в каждый номер что-то там пишет... Не знаю, о чём, поскольку я вообще газет не читаю.

Он вдруг, припомнив что-то, медленно ослабился, широко раздвинув пухлые яркие губы, карие глаза заблестели как-то гаденько, лицо стало приобретать многообещающий налётец негромкого затаённого торжества и собственного чувства превосходства над чем бы и кем бы-то ни было:

– Недавно подходит ко мне эта твоя Жаконда, слышь, Слав: «Михаил, мне надо срочно ехать в П-во». (Он назвал довольно отдалённое от райцентра село, куда рейсовые автобусы ходят один раз в день.) Я говорю: «Привет, а я тебя что, держу?! Ехай. Чо ты мне-то докладываешь? Это твоя работа – вот и ехай, а я там что забыл?» – «Ну вы же знаете, Михаил, что туда автобус давно ушёл, а следующий – только завтра утром! А мне редактор только что поручил, срочно, говорит, чтоб в завтрашний номер материал уже был... А мне ж ещё написать надо! И вообще, на что нам тогда редакционная машина?!» Вижу, кипятиться начинает. Тоже мне, чайник со свистком! Ага, думаю, покипи-покипи, чтоб только крышку не снесло... Говорю ей, как дуре: «Машина на то, чтоб на ей е-е-ездить. Во-о-от на что машина. Только щас она у меня – сло-ман-ная, соображаешь?» – «Ну вы же утром ездили с редактором в Гуселётово!» – «Так до Гуселётова всего двенадцать километров! Вот как приехали, так она и сломалась». – «Михаил Прокопьевич, – уже на отчество перешла, слышь, – ну, о-о-очень важное задание! Редактор сказал: бери машину и срочно поезжай!» Я говорю (он покосился на меня с некоторым высокомерием: мол, ты-то так не сумеешь!): «Раз он так сказал, пусть свою «копейку» заводит и сам везёт тебя, а моя, говорю тебе, сломалась: карбюратор, считай, выкидывать надо! Туда почти семьдесят километров, обратно стоко же, а я в степи ночевать не собираюсь».

– Что, в самом деле карбюратор полетел?..

– Славка, да ты чо? – Миша гыгыкнул, как-то очень сложно и иронично прореагировал бровями и мимикой на мой «дурацкий» вопрос. – У меня машина всегда с иголки! Что «Нива» редакционная, что своя «семёрка». Ключ от гаража – только у меня. Ночью поеду – полный багажник кукурузы для кролов наломаю. У меня их шестнадцать штук – кролов. Сена надо привезти – свою тележку цепляю и – по

любым колдобинам!.. Свою, что ль машину бить!.. Дров на зиму привезти – легко! Ты чо, «карбюратор полетел»...

– И что, не поехал?..

Михаил Прокопьевич вставил в правый угол рта сигарету, прикурил; не вынимая её, левым углом артистично сплюнул (я потом пробовал повторить – не получилось), медленно перевёл взгляд на меня, ощущение было такое, что он смотрит на меня «сверху вниз», хотя Миша был чуть пониже меня ростом. Сказал с какой-то томной ленцой и растяжкой в голосе:

– Бес-па-лез-на!..

– Миш, а если б она редактору пожаловалась и он бы тебе приказал?

– Послал бы и его! Сказал бы: «А где новый карбюратор?» Он же в технике – дуб дубом! Даже сколь бензина на километр уходит, не знает. Когда своя машина забарахлит, всегда меня просит. Так что он у меня во где!.. – показал он внушительный «рабочий» кулак.

С прежней гаденькой толстогубой ухмылочкой он перевёл прищуренный взгляд повыше голов толпящихся на остановке пассажиров, вдохнул полной грудью и повторил тем же голосом, в котором была и мечтательность, и приговор, и крайняя степень самодовольства и, наверное, тайного самовосхищения:

– Бес-па-лез-на!..

III

Первое десятилетие нынешнего века. Известный киноактёр и режиссёр, народный артист России, давний мой товарищ Борис Сергеевич Галкин, находясь территориально неподалёку от меня в Подмоскowie, по телефону обещал заехать на хлеб-соль. Почти все его роли в кино – «военные», сам он отслужил срочную в погранвойсках, поэтому, видимо, в характере выработалась и закалилась та самая «военная косточка», без которой мужик – не мужик.

Я сготовил свой фирменный борщ, какой-то хитрый, но вкусный «морозовский» салат – надо ж гостя хоть немного удивить. На всякий случай помыл с порошком стопочки под тоже фирменный напиток – «веспетро ЗэКа» (настойка на алтайском золотом корне) и стал поглядывать на часы, Борис – человек точный.

Вскоре задёргался и зазвонил мобильник. Галкин сообщил, что обстоятельства его задерживают, а Москва с нетерпением ждёт, так что подъехать он может лишь за тем, чтоб попрощаться. Ко мне на пятый этаж он не пойдёт, чтоб не тратить время, лучше пусть я выйду в такой-то час с минутами к своему подъезду.

В назначенный срок я вышел – машина только что подрулила. Пять минут общались, обнялись, и я помахал ладошкой вслед уезжающему «Фольксвагену».

Часа через два отправился в магазин за продуктами. Сидящие у подъезда бабушки остановили меня:

– Это кто с вами обнимался? Не тот артист, что сейчас по телевизору показывают?.. Как его фамилия?

По телеканалу «Звезда» только что закончилась очередная серия фильма «Батя» – о легендарном командующем ВДВ Василии Филипповиче Маргелове, где Борис играл роль генерал-полковника Петрова.

– Не-е-ет, тот артист давно помер, это мне двойника привозили – для опознания, – неудачно пошутил я.

– Ну и что, опознали? – ядовито поинтересовалась самая хитрая.

– Наполовину. Так похож, а вот так, если против солнца, совсем наоборот: не артист, а теплотрассник...

– Вспомнила: Галкин его фамилия! – торжествующе воскликнула одна, ленивым жестом «отодвигая» меня, мол, ври, но в меру. – Сын Владислава, который недавно помер, того самого «дальнобойщика». В смысле, не сын, а отец его. Правильно?

– Нет, ты глянть: и в телевизоре Галкин, и у нас во дворе Галкин!.. – растерянно произнесла бабушка с третьего этажа.

– Дорогие бывшие комсомолки, ударницы социалистического труда! Откуда ж мне знать, кто кому сын, а кто отец? Это не ко мне, а к вам надо обращаться с такими вопросами, вы, чай, всё знаете, что на свете творится, – шутливо уклонился я от ответа, чтоб не вызвать у бабушек антипатии и кривотолков. Кажется, никто на меня косо не посмотрел.

– Да что говорить, Галкин это. Даже имя помню: Борис Галкин его зовут, – степенно подала голос одна из женщин, помоложе других, не из нашего дома, но часто приходящая на вечерние посиделки на «нашу» скамеечку. – Он ещё в этих фильмах играл... – Она правильно назвала три-четыре фильма с участием Бориса.

Бабушки уважительно и немного растерянно разглядывали меня, словно видели в первый раз.

– И чо ж это, вы с ним знакомы, чо ли? С живым артистом?! Ну ничо-о-о себе-е-е!..

– Нет, я как-то нечаянно его зонт вместо своего прихватил на одном званом вечере, вот он и захел поменяться: жена, говорит, заругала – это её подарок, – опять попытался я отбрехаться лишь для того, чтобы дальше не расспрашивали.

Все бабушки, кроме «опознавшей» Бориса Сергеевича, смотрели на меня с нескрываемым уважением: живого артиста знает, который мистическим образом может существовать одновременно и в телевизоре, и в нашем дворе!.. Я уже хотел махнуть рукой и продолжить путь в магазин, но тут женщина, поставившая точку в «идентификации», почти грациозно распрямила спину, проведя ладонями от живота к груди и сопроводив этот жест неопишимо тонкой игрой бровей и губ:

– А помните, шесть лет назад приезжал к нам тоже артист из Москвы? – она назвала фамилию действительно всенародно известного и любимого мной киноактёра. – Так вот, как мы с ним познакомились... – Она замысловатым движением бровей, губ и каждой морщинкой у глаз безмолвно проиграла флотский сигнал «Слушайте все!». Бабушки стихли, я тоже молча присел на краешек скамеечки.

Выдержав вполне интеллектуальную паузу, пожилая дама неспешно продолжила, постоянно сводя губы в «бантик» и поднимая брови домиком, отчего взгляд её становился слегка загадочным, а глаза покрывались томной поволокой. Она рассказывала неторопливо:

– Я как раз зашла на нашу почту спросить у Татьяны, нет ли извещения? Еённая смена как раз была. Колька, сын мой, сказал по телефону, что уже неделя, как послал мне бандерольку к Восьмому марта. Мол, получила или нет? Ну и зашла, значит... Бандеролька пока нету, а мне торопиться некуда, стою у окошка, с Танькой разговариваем про то да сё, когда смотрю – этот самый артист забегает. Танюха-то глаза выпучила – узнала его, мне глазами показывает, мол, смотри, кто зашёл. А я тоже сразу узнала – и ну хоть бы ноль на него внимания! Ну вот прям ноль внимания! – с удовольствием и даже гордо повторила она. – Смотрю, он взял с прилавка бланк телеграммы, что-то там написал и топчется за моей спиной. А я – ну как не вижу его вообще, говорю себе с Татьяной про свои дела, та отвечает мне, а сама уже заёрзалась совсем, то на меня, то на него глазами зыркнет. А я – ну как вообще его не замечаю! И тут этот артист (она опять назвала фамилию и имя) вот так вот нагибается ко мне – он же ж высокий – и говорит: «Женщина, простите, вы не совсем по делу разговариваете, а мне надо срочно телеграмму отправить, там меня машина ждёт». Я

вот так обернулась к нему, – она гордо повела плечами, одновременно выпрямляя спину, сделала «руки в боки», – вот так вот посмотрела на него и говорю: «Ну, раз торопитесь, конечно, отправляйте. Только поскромнее, поскромнее надо быть!» – и отодвинулась от окошка. Вот не поверите, он на меня глаза выпучил, ротом раза три дёрнул, как карась на бережку, и говорит: «Спасибо. А в чём моя нескромность, я что-то не понял?..»

Женщина опустила глаза, оперлась ладонями на скрещенные колени, огладила платье и опять змеисто, замысловато и таинственно для меня улыбнулась. Я и бабушки выдерживали паузу ожидания. Завершила она рассказ про «знакомство» с поистине великим артистом сдержанно-торжествующе, но так же, не повышая голоса, с достоинством:

– А вот в этом вопросе, говорю, разбирайтесь сами. Вы вроде интеллигентный человек, так что должны понимать. А только поскромнее, поскромнее надо быть! Это не я, это, говорю, народ с вами разговаривает!..

Тут, мои дорогие читатели, я, испытывая жуткое, почти физическое, отвращение к услышанному, встал со скамейки, махнул старушкам рукой и под их молчание пошёл прочь.

«...СОВЕЩЬ ГОСПОДЬ ПРОБУДИЛ»

Знакомый по «второй чеченской» офицер из Ярославского ОМОНа напомнил по телефону, что я в Ханкале дал ему слово «как-нибудь вырваться в Ярославль». Обещал бесплатный номер в ведомственной гостинице, встречи с интересными людьми и старыми знакомыми по Чечне.

Я приехал. Майор Женя оказался прекрасным гидом, знатоком древностей родного города, основанного Ярославом Мудрым. В Ярославле я впервые, зная о нём были «книжные», поэтому с таким провозгласом я готов был бродить по историческим местам города до полного онемения нижних конечностей.

Интересных встреч тоже было в достатке. Я пожалел, что прихватил всего лишь три кассеты для диктофона. Но рассказ ветерана УВД Ярославской области И. С. Котова записать удалось. Необычный его сюжет напомнил любимую русскую песню про агамана Кудеяра, двенадцать разбойников и сочный шалапинский бас. Вот что рассказал Иван Семёнович.

«Сразу после войны преступность у нас, в Ярославской области, была не просто высокой, а кошмарной. Про такую мелочь, как карманники-щипачи, «гоп-стопники», форточники, мошенники, можно и не говорить: головной болью всей областной милиции были частые убийства граждан с целью ограбления. Преступники «работали» и в одиночку, и организованными бандгруппами – цинично и дерзко, зная, что у нас нехватка кадров, оснащения, опыта. При захвате почти всегда случались перестрелки: они – по нам, мы – по ним. Оперативниками в нашем УгРо служили в основном бывшие офицеры, прошедшие войну, имевшие боевой опыт. Храбрости и силы духа им хватало, а вот оперативной грамотёшки – не всегда. Поэтому не обошлось без потерь с нашей стороны...»

Можно сказать, что их мужество, фронтовая закалка и преданность избранной профессии стали решающим фактором в искоренении бандитского беспредела, поскольку техническое оснащение в ту пору у нас практически отсутствовало. Суди сам: в распоряжении оперативников были две машины «Додж ¾» и постоянно ломавшийся автомобиль марки «М-1» – знаменитая «эмка», которая находилась в распоряжении начальника областного Управления уголовного розыска. Радиосвязи

не было, телефонная связь с райцентрами большей частью повреждена. Надо куда-то добраться – на своих двоих; попутная бричка – уже везение... Добавлю, что в большинстве райотделов опера вечерами и ночами работали при керосиновых лампах.

Мне пришлось несколько лет возглавлять 1-е отделение областного уголовного розыска. Первое оно и есть первое: убийства, разбой, грабежи... Понятно, категория особо опасных преступлений. Оглядываясь назад, могу утверждать, что большее количество особо опасных преступлений мы всё-таки раскрывали, несмотря на все трудности в работе. Но однажды не одно, а целую серию тяжких преступлений помог нам раскрыть... наверное, сам Господь Бог!.. Поскольку, кроме Него, пробудить совесть в закоренелом преступнике некому. Если ты смотрел «Место встречи изменить нельзя», то прекрасно понимаешь, что таких отпетых, как Кирпич, Копчёный или Манька Облигация, даже тюрьма не исправит, а не то что увещевания вроде «Работать тебе надо, Маня!..»

...Однажды к дежурному управления милиции УНКВД Ярославской области обратился с просьбой пройти на приём к начальнику уголовного розыска по весьма важному делу статный военный – в форме, с погонами старшего лейтенанта. Дежурный позвонил начальнику УгРо подполковнику А. П. Мамаеву, а я как раз находился в его кабинете. Мамаев велел пропустить офицера. Решительный стук в дверь. Ответное «войдите». Дверь распахнулась, и в кабинет твёрдой уверенной походкой вошёл представительный, выше среднего роста старлей в хорошо подогнанной шинели из офицерского сукна, хромовых сапогах и в фуражке. Далее – сцена не для слабонервных... Офицер щёлкнул каблуками и без лишних предисловий представился:

– Я – тот самый бандит Р-ев, которого вы давно и безуспешно разыскиваете, – и стал расстёгивать пуговицы на шинели.

Я и Мамаев выхватили пистолеты и навели стволы на посетителя. Это его ничуть не испугало. Мало того, он виртуозно обругал нас и сказал, что явился с повинной, неужели, мол, непонятно?.. После этого медленными движениями расстегнул поясной ремень на гимнастёрке, так же медленно сделал пять шагов вперёд (мы держали его под прицелом) и положил ремень на стол – вместе с кобурой, в которой находился пистолет ТТ. Затем вынул из кармана брюк немецкий пистолет вальтер и тоже положил его на стол – стволом к себе. Поднял руки вверх и спокойно сказал:

– Теперь можете обыскивать. Вы же обязаны меня обыскать?..

Я сделал поверхностный обыск, проводя руками по карманам одежды, подмышками, вокруг поясицы, за голенищами сапог – чисто.

– Другого оружия у меня нет, – прокомментировал Р-ев мои действия и стал поочерёдно вынимать содержимое карманов и передавать мне.

Я передал подполковнику два офицерских удостоверения, выписанные на разные фамилии, гражданский паспорт, довольно крупную пачку денег и небольшой нож-выкидушку. Мамаев предложил Р-еву снять шинель и фуражку, присесть к столу и рассказать о себе, о тех преступлениях, которые он совершил и в которых участвовал.

По какому-то наитию я не стал вынимать бланки протокола допроса и вообще в ходе разговора ничего не записывал. Позже сам бандит признался мне: «Если б вы начали записывать, я бы ничего не стал рассказывать».

Он поведал о себе, подробно рассказал о совершённых им убийствах, разбоях и грабежах. Называл точные даты, места преступлений, жуткие подробности оных, имена своих подельников. На вопрос, что его побудило добровольно явиться в органы с повинной, ответил примерно следующее:

– Замучила совесть! Понял, что дальше жить так не смогу. Уже не знаю, которые сутки не могу заснуть. А если и отключусь на время – сразу вижу убитых мною людей

и просыпаюсь в холодном поту. Водка не помогает – вообще не берёт! Несколько раз был на грани самоубийства... А потом решил: не-е-ет, для начала перестреляю хотя бы главарей. Я многих «паханов» знаю в разных городах, не только в Ярославле. Я в авторитете, без проблем на любую «хазу» проникну, сами проведут и ещё за локоток поддержат. Потом подумал: в перестрелке могут и меня убить! Значит, погибну от бандитской руки. Нет, решил, пусть уж расстреляют по суду народа. Так мне легче смерть принять – душа не так маяться будет...

Мы выслушивали Р-ва весьма ошарашенные. Да и было отчего: ни у того, ни у другого в практике подобного не случилось.

Помолчали, покурили все трое.

Потом Мамаев предложил бандиту оформить его признание официально. Р-ев согласился, но попросил сначала дать ему отдохнуть – побыть одному и, наконец, выспаться. Я поместил его в одиночную камеру внутренней тюрьмы УНКВД. Спал он почти сутки, будить не стали. На другой день он без утайки повторил свой рассказ и подписался под протоколом допроса.

В ходе следствия показания Р-ева подтвердились шифровками из НКВД нескольких городов страны – о нераскрытых преступлениях, «висяках»... Позже Р-ев, объявленный до этого во всесоюзный розыск, был передан нами в распоряжение УгРо НКВД СССР.

О дальнейшей его судьбе я ничего не знаю. Высшую меру наказания – расстрел – в то время отменили, максимальный срок лишения свободы – «четвертак». Возможно, что раскаявшийся бандит получил свои «законные» 25 лет – уж слишком много кровавых «подвигов» за ним значилось. Может быть, скостили немного за добровольную явку и весомую помощь следствию?..

Но главное-то, главное! – совесть у него пробудилась! Она его к нам и привела»...

ШУКШИН

*«Калина красная» – это душа Шукшина,
пропечатанная в плёнке.
Анатолий Заболоцкий*

25 июля – всё равно теперь какого года, любого в дальнейшей нашей истории! – для русского человека святая дата. 25 июля – день рождения Василия Макаровича Шукшина. День окончания Шукшинских чтений в Сростках на Пикете, который теперь вершит бронзовый памятник Шукшину работы Вячеслава Клыкова, повторяющий ключительный кадр фильма «Печки-лавочки». Этот кадр долгое время был вырезан из киноленты за «крамолу»: сидит босой Иван Расторгуев на вершине Пикета, оператор наезжает на него камерой, и Иван-Шукшин говорит с усмешкой: «Всё, ребята, конец!..»

Помнится, когда в начале 80-х в Алтайском книжном издательстве задумали выпустить первый сборник «Шукшинские чтения» с перспективой сделать его ежегодником, влиятельная дама из краевого комитета партии заявила: «Пока я жива – имя этого лапотника на Алтае звучать не будет! Я бревном на дороге лягу!..» Сборник всё-таки вышел в твёрдой обложке, но, увы, малым по тогдашним временам тиражом и объёмом (большую часть статей выкинули), – и распространялся он «по благу». Где лежит теперь то «бревно» – не ведаю. Мне экземпляр сборника достался (кстати, вскоре он был «украден» кем-то из моих товарищей). Примерно в то же время на Алтайскую краевую организацию Союза писателей России пришли 10 или 20 экземпляров книги, посвящённой поэту Николаю Рубцову, изданной, кажется, в Вологде (книга эта тоже вскоре была у меня «украдена», поэтому не останавли-

ваюсь на датах и прочих точностях), – её также продавали «по благу». Интересная схожесть, а?.. Мой блат заключался в том, что я работал в ту пору уполномоченным Бюро пропаганды художественной литературы при Алтайской краевой организации Союза писателей России – стало быть, был «своим человеком».

Октябрь 1974 года. Я служу в армии – в 76-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. Число не помню, когда телевидение сообщило о смерти Шукшина, но помню, что это был выходной день. Я был дежурным по этажу. Услышав скорбную новость по ТВ, я пошёл к дежурному по части и попросил снять меня с дежурства – заменить кем-нибудь.

– А в чём дело?

– Шукшин умер.

– Это который – «Калина красная»? Он тебе родственник, что ли?

– Земляк. Да при чём здесь это?.. Пожалуйста, хоть до отбоя замените.

– Ну, чудики алтайские!.. Всё у вас!.. Один – Бронька Пупков, другой – Алёша Бесконвойный, третий – Ваня Пройдисвет!.. Ну, был бы он дядька твой – я б понял, а то!..

– Товарищ старший лейтенант, считайте, что не дядька, а брат старший, родной... Только не Ваня, а Гена.

– Что – «Гена», пим сибирский?

– «Гена Пройдисвет» – рассказ называется. Отпустите?..

– А что делать будешь?

– Ничего. Дайте одному побыть – вне казармы.

– Ну, тогда сам ищи, какой сержант за тебя дежурить согласится! Только с запахом не приходи, а то я вас знаю. В Шабаны, в самоволку – ни ногой! (Деревня Шабаново – неподалёку от расположения воинской части, окраина Пскова.)

Согласился Серёга Ковалёв – из Гомеля. Старший лейтенант Голубович, спасибо ему за душевное понимание, отпустил меня до 22 часов на все четыре стороны и велел не попадаться на глаза патрулю.

...Лет десять назад мы заговорили о смерти Шукшина с Вячеславом Михайловичем Клыковым – выдающимся нашим скульптором, трудягой из трудяг.

У Клыкова белки повлажневших глаз чуть покраснели, но он сдержал эмоции (меня потрясала его выдержка). Он помолчал, поморгал, налил «по семь капель»:

– ...А я, когда узнал об этом, купил водки, запёрся и сказал Елене Сергеевне, жене: кто б ни пришёл, кто б ни звонил – меня нет ни для кого. Вообще ни для кого!.. Сидел, листал его книги, перечитывал рассказы. Ну, и так далее. Не помню – спал хоть немного за двое суток или нет. Водка вообще не брала. Такое ощущение было, что... Эх, не знаю, как сказать!.. Словно часть моего тела ампутировали. Вот по сию пору я есть, а дальше – обрезали. Да как же мы теперь без Макарыча?.. Не передать – даже не пытаюсь... Всем нутром своим ощущал, что не я один – вся страна сейчас рыдает. А какие-то твари, конечно, потирают руки от радости...

– Вячеслав Михайлович, а памятник-то будет Макарычу? Кому, как не Вам?..

– Сейчас ни денег, ни хрена. Достоевскому надо памятник сделать и установить. Ты ж видишь, что в мастерской творится... Но сделаю обязательно! На Пикете надо будет установить. Пусть он с него смотрит на Россию, а Россия – на него. И пусть Россия думает. А то мы думать уже почти разучились...

ПОЭЗИЯ

Николай ГАЙДУК – стихи,
Александр КАРПОВ – рисунки

ДЛЯ ДЕТЕЙ

В ЛЕСУ

Русский таинственный лес
Занят своими делами.
В кронах – до самых небес –
Белка мелькает, как пламя.

Светлый дымок из трубы
Тёмной сутулой избушки,
Ягода возле тропы,
Грузди в кустах у опушки.

Дрожь золотого листа –
Скоро лететь ему к тучам...
Бредит лесная вода
Синим туманом пахучим.

Пень бородатый во мгле
Жёлтой гнилушкой мигает,
Детские страхи во мне
Сказку шептать начинают.

Тихо с вечерних небес
Месяц на ветку садится.
О русский таинственный лес,
Как же в тебя не влюбиться!..

ГРИБНОЙ РАЗГОВОР

По лесу шёл я грустный –
С корзинкою пустой...
Где рыжики, где грузди?
Молчит мой лес родной.

Скажи, сорока, ты хоть,
Куда грибы ушли?
И вдруг я слышу тихий
Смешок из-под земли.

Приподнимая шляпу,
Воскликнул белый гриб:
– Зову тебя, растяпу,
Да так, что аж охрип!

Потом позвали грузди,
Маслята под сосной:
– Из лесу не отпустим
С корзинкою пустой!

ЁЖА-ЁЖЕНЬКА

Ёжик был когда-то славным мальчиком,
Шёл полями нежный и босой.
И в лесу никто не трогал пальчиком –
Угощали мёдом и росой.

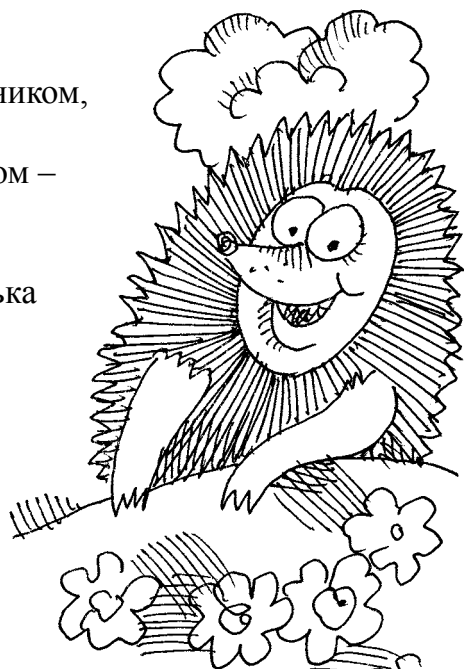
И в деревне – если путь-дороженька
Шла через деревню напрямиком –
Звали его дети Ёжа-ёженька,
Взрослые погреться звали в дом.

Был цветок родня ему и ягодка.
Расступались горы – проходи!
Солнце перед ним светило ясное,
Звёзды загорались на пути...

А потом вдруг стало небо мраченьким
И завыли волки под горой...
Ёжик был когда-то славным мальчиком –
Не было колючки ни одной!

ДЯДЕНЬКА МЕДВЕДЬ

Счастлив дяденька Медведь,
Коль нашёл берлогу!
Будет сладкий сон смотреть,
Будет понемногу
Лапу сладкую сосать,
В лапе мёд и сахар.
В облаках ему витать –
До весны до самой!

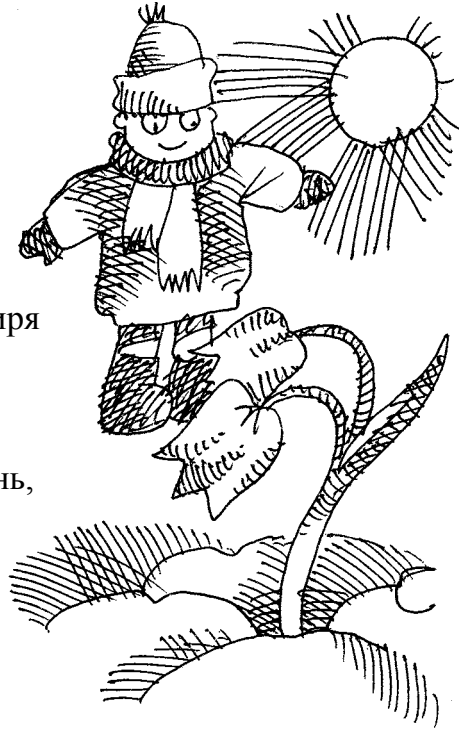

ПОДСНЕЖНИК

Слабеет морозец, и день ото дня
Всё больше лазури, и вот уж –
Запели капли, звенит ребяшня,
И солнце домой не загонишь!

И степи сияют, снегами горя,
И льётся прощальный мотив снегиря
В саду, где исклёваны гроздья
Голодной порою морозной...

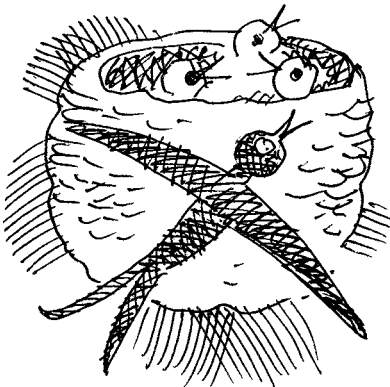
Ручьи прокатились, согрелась елань,
И я тороплюсь по тропинке
Туда, где в лазоревой дымке
Вот в эту весёлую росную рань
Родился братишка мой нежный,
Родился, назвался – подснежник!

УМНИЦА

У сороки есть сорочка
Белая-пребелая,
А когда наступит ночка,
Что сорока делает?

Раздевается, и точка.
Потому что – умница!
Завтра в беленькой сорочке
Ей летать по улице!..

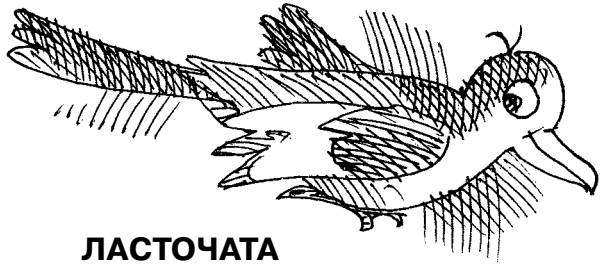

ЛАСТОЧАТА

Опять весна ручьи покатит,
Тепло придёт и в лес, и в дом,
И снова ласточка приладит
Свою кошёлку под окном.

В кошёлке будут ласточата
С утра до вечера пищать.
Мать перед сном их покачает –
Ну, всё, ребятки, спать, спать, спать!

А то возьму кошёлку эту
И на базар вас отнесу...
Летают ласточки по свету,
Смеются в поле и в лесу!..

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИШКА

Где-то за рекой моей за чистой
Птицы на заре опять поют.
Яркий, жаркий солнечный зайчишка
Заберётся в комнату мою!

Я иду к нему – весёлый мальчик, –
Руки опускаю на кровать.
Вот он, золотой проворный зайчик!
Что, косой, попался? Будешь знать!

А потом я руки разжимаю.
Дверь открыта – в доме никого.
Я теперь в лесу всегда узнаю
Солнечного зайца моего!

РАДОСТЬ

Наша русская природа
Не умеет горевать!
Кто-то стал у огорода
Куст калины наряжать.

Возле речки тихо-тихо,
Чтоб никто не помешал,
Ткёт наряды паучиха,
Скоро будет шумный бал.

Бал осенних листьев красных,
Вкусных ягод и грибов...
После мокрых дней ненастных
Будет пышный бал снегов!

А потом наступит праздник
Первых молний и дождя...
Жизнь, она как будто дразнит
Тех, которые грустят.

Что притихли? Радость – рядом.
Надо лишь разуть глаза!
На полях и в гуще грядок
Зацветают чудеса!..

ПАМЯТЬ

Галина УЛЬЯНОВА

Галина Андреевна УЛЬЯНОВА – выпускница литературного факультета Бийского государственного педагогического института (1968 г.) и исторического факультета Горно-Алтайского государственного педагогического института (1990 г.).

Общий стаж работы в школе – учителем русского языка, литературы и истории – 23 года: Быстринская средняя школа Красногорского района Алтайского края, средняя школа № 13 в г. Горно-Алтайске, педагогическое училище г. Горно-Алтайска.

С 1 сентября 1990 года она работает старшим научным сотрудником Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина (с. Сростки Бийского района Алтайского края).

Её статьи о жизни и творчестве В. М. Шукшина, истории его родного села и людях публикуются в краевой, региональной и центральной периодике, а также в тематических и музейных сборниках разных лет и других изданиях.

Она лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2009 г.), учреждённой Союзом писателей России.

«...СЛУЖИЛ ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ВО ФЛОТЕ...»

*«Большой поклон всему Военно-Морскому Флоту
от матери Василия Макаровича!»*

*Из письма М. С. Куксиной,
матери В. М. Шукшина,
сослуживцам сына*

Летом 1977 года черноморские моряки прислали Марии Сергеевне в город Бийск, где она жила, бескозырку. Какой это был подарок для матери, лучше всего сказала она сама в письме к сослуживцу сына Владимиру Мироненко: «...Большое спасибо вам за бескозырку. Поплакала я над ней, приставила к бескозырке рубаху матросскую суконную /.../ Вот бы приставить ещё и головоньку дитятка любимого...»

Ещё один товарищ Шукшина по флоту Владимир Жупина вспоминает: «Василий Макарович никогда не жаловался на здоровье, хотя по внешнему его виду можно было заметить, что с ним не всё благополучно /.../ Как-то корабли Черноморского флота готовились в поход в Болгарию и Албанию с дружеским визитом. Это был один из первых выходов наших боевых кораблей за пределы своих вод

в послевоенный период... Группу лучших радистов откомандировали на один из кораблей для опробования нового вида полученной техники. Среди радистов был и В. М. Шукшин. Но не пришлось Василию побывать в Болгарии и на Адриатике. Он был с корабля направлен в госпиталь».

Это произошло осенью 1952 года. А призван-то В. Шукшин в Армию в 1949 году. Как прошли эти три года? Попробуем проследить.

В алфавитной книге переменного состава Специальных курсов ВМС записано:

«Шукшин Василий Макарович, матрос, ученик-радист, личный знак № 297, зачислен в часть приказом от 30.08.1949 г. № 324; 1929 года рождения, русский, слесарь, беспартийный, 7 классов, призван 20 августа 1949 г. Ленинским райвоенкоматом Московской области в в/ч 22966...»

И ещё: в официальном документе Центрального военно-морского архива есть такая запись: «Василий Макарович Шукшин в 1949 году призван Ленинским РВК Московской области, службу проходил в Балтийском флотском экипаже, в 1950 году окончил по первому разряду специальные радиокурсы и в 1950-1952 гг. служил в одной из частей Черноморского флота как радист».

«Учебку», как звали моряки, Шукшин проходил в г. Ломоносове Ленинградской области. Уже в первый год службы в приказе Специальных курсов ВМС от 23 февраля 1950 года значится: «...В ознаменование 32-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота за отличные успехи в боевой и политической подготовке объявить благодарность матросу Шукшину В. М.». Приказом от 18 июля 1950 года Шукшин отправлен «для прохождения дальнейшей службы на флоты г. Севастополя».

И служба, действительно, до декабрьского приказа 1952 года проходила на Черноморском флоте. Приказ этот до сих пор хранится в Центральном военно-морском архиве.

«Радист, старший матрос Шукшин Василий Макарович, рождения 1929 г., срока службы 1950 г., беспартийный, образование 9 классов, русский, рабочий, холост. 17 декабря уволен из Военно-Морских Сил Союза ССР по болезни, согласно свидетельства о болезни, признан: негоден к военной службе с исключением с учёта – направляется в распоряжение Сростинского РВК Алтайского края».

Об этом матросском периоде В. М. Шукшина написано не так уж и много. Особенно в первые годы после его смерти. Даже в серьёзных исследованиях жизни и творчества нашего земляка можно найти такие фразы: «... овладел специальностью радиста. Как радист ходил по морям» (В. Коробов).

На самом же деле «по морям» Шукшин-матрос не ходил. Он служил в легендарном городе Севастополе. Но у этой суши было

имя – крейсер «Лукомск» («Лукомский»). Это по названию хуторка, где располагалась часть. Моряки (это же молодые парни в первые послевоенные годы!) хотели быть «морскими волками». Хотелось «форсануть» перед родными, друзьями и в первую очередь – перед девушками. Потому в письмах домой называли своё место службы кто «крейсером», кто «эсминцем».

Вот так и Мария Сергеевна, мать Василия Макаровича, наверняка по письмам сына была убеждена, что тот служит на корабле под названием «Эсинец».

Убедить её в обратном было невозможно, она не принимала никаких доводов. А когда кто-то из сослуживцев сына осмелился ей написать, что Вася не «плавал по морям и океанам» (он нёс службу на берегу, на довольно сложной по тем временам аппаратуре – держал связь с кораблями, ушедшими в море), мать в ответ написала гневное письмо, в котором была такая фраза: «Это он не о моём Васе говорит». Она так обиделась, что даже не захотела отвечать адресату, а выразила своё возмущение человеку, которому доверяла, с кем долго переписывалась, – Михаилу Лезинскому. Именно он собирал бережно и кропотливо скупые материалы о годах службы Шукшина.

То, что служившие вместе с Василием Макаровичем моряки, посылая домой фотографии, подписывали на них: «Крейсер «Лукомский», подтверждается во многих воспоминаниях.

Ещё одно важное сообщение находим у Владимира Жупины: «Молодые радиотелеграфисты разделялись по сроку службы и опыту /.../. Старший по службе учил младшего, а тот в свою очередь – новичка. Нам, молодым, в апреле 1951 года была присвоена квалификация «третий класс», а Вася Шукшин повысил свои знания до уровня «второго класса» и получил звание старшего матроса с назначением на должность командира отделения – старшего радиотелеграфиста...»

Это была группа старшины второй статьи Василия Ермилова.

Я думаю, самое время сказать «о службе морской, о дружбе большой» двух Василиев. Этот факт подтверждают товарищи по флоту Николай Шмаков и Валентин Мерзликин: «...Василий Матвеевич Ермилов был в дружеских отношениях с Шукшиным... Эта дружба, начавшаяся в Севастополе, продолжалась затем долгие годы в Москве, когда Шукшин стал известным актёром и писателем. Это, возможно, была не только дружба, это было родство душ, ибо Василий Ермилов – самообытный талант: старший лейтенант флота в запасе, наладчик токарно-револьверных станков в московском объединении «Фотон» (после увольнения в запас), художник».

Зимой 1991 года мне посчастливилось встретиться с этим интересным человеком. Вечер общения

с ним пролетел незаметно, понятнее и ближе стали многие факты биографии Василия Шукшина именно благодаря рассказу Василия Ермилова о своей очень нелёгкой жизни.

Бывший детдомовец (круглый сирота), Ермилов всю жизнь пытался найти хотя бы одну родную душу, родного человека, но, увы, безуспешно. Эта боль постоянно жила в нём, мучила его. С этой болью и одиночеством он и ушёл из жизни много лет назад...

«Василий Ермилов был очень толковым младшим командиром, – вспоминают сослуживцы. – Благодаря его уважительности, никто из нас не чувствовал себя угнетённым...»

В годы Великой Отечественной войны Вася Ермилов (1928 года рождения) вместе с детским домом был на какое-то время эвакуирован на Алтай, в город Славгород. Может быть, это и сблизило Василия Шукшина и Василия Ермилова – Алтай? И ещё «безотцовщина» первого (отец Шукшина Макар Леонтьевич был арестован в конце марта 1933 года, а через месяц после ареста расстрелян как «враг народа») и круглое сиротство второго.

Сам Ермилов в разговоре со мной называл себя «Иваном, родства не помнящим».

...Спустя какое-то время после нашей встречи с В. Ермиловым в Москве я получила от него большое письмо на четырёх листах писчей бумаги. В нём есть такие строки: «Мы знали друг друга по службе на флоте. Делили всё поровну: все удачи и прелести флотской жизни. Я – старшина, он – старший матрос. И как старшина я всегда питал искреннюю любовь и уважение к деревенским ребятам. Ценил их упрямство, скрытую замкнутость, силу и волю и всегда был уверен, что с ними идти в разведку можно, ни в чём не сомневаясь...»

Такую же мысль о Шукшине-матросе высказывает мичман запаса Владимир Жупина: «В первое после знакомства время Василий Шукшин произвёл на меня впечатление хмурого и на удивление молчаливого парня. На самом деле, как я убедился впоследствии, он, хотя и казался несколько замкнутым, был по-крестьянски добрым, чутким человеком.

Хочется отметить его чрезвычайную работоспособность. Ему никогда не приказывали дважды, и, будьте уверены, работу его никогда не переделывали...»

Свою замкнутость, даже скрытность объясняет и сам В. М. Шукшин в статье «Слово о «малой родине»: «Я долго стыдился, что я из деревни и что деревня моя чёрт знает где далеко. Любил её молчком, не говорил много. Служил действительно, как на грех, во флоте, где в то время, не знаю, как теперь, витал душок некоторого пижонства: ребятки в основном все из городов, из больших городов, я и помалкивал со своей деревней. Но потом – и дальше, в жизни – заметил: чем открытее человек, чем меньше он чего-нибудь стыдится или боится, тем меньше желания вызывает у людей дотронуться в нём до того места, которое он бы хотел, чтоб не трогали. Смотрит какой-нибудь ясными-ясными глазами и просто говорит: «вяцкий». И с него взятки гладки. Я удивился – до чего это хорошо, не стал больше прятаться со своей деревней. Конечно, родина простит мне эту молодую дурь, но впредь я зарёкся скрывать что-нибудь, что люблю и о чём думаю. То есть нельзя надоедать со своей любовью, но как прижмут – говорю прямо».

Это признание Шукшина объясняет и то, что в графе «адрес родственников» указал: Московская область, Щербинки Московско-Курской ж. д., горрем № 15».

Довольно интересно и творчески талантливо, тем более если учесть, что в Московской области у Шукшина не было ни единой родной души.

Бывший командир отделения Николай Шмаков характеризовал матроса-радиста Шукшина: «Он сразу привлёк внимание своей серьёзностью, взрослостью, был старательным, работающим, работал молча, сосредоточенно. Несмотря на отсутствие достаточного опыта, нёс вахту наравне с лучшими специалистами. Потому неудивительно, что вскоре он повысил свой класс.

Выделялся он среди других и характером. В общении с товарищами был немногословен, пустословия не любил, однако его уважали. Много читал, посещал Морскую библиотеку, а вот писал ли что, сказать не могу...»

А вот другой товарищ по службе Валентин Мерзликин подтверждает, что Шукшин уже тогда писал: «...Ни от Сашки (Маевского), ни от меня он никогда не имел секретов. Мы знали тогда очень много, чего многие из нас не знали. Но не знали, что он пишет. Что мечтает стать писателем, актёром... Наконец, о том, что он разучивает... «Гамлета, принца Датского». Не обижайся, друг, я считал и считаю тебя прекрасным товарищем (обращаясь к Николаю Шмакову).

Мы же в то время были единомышленниками и единоверцами: все трое хотели учиться, все пробовали писать, все стремились понять и познать жизнь... Он (Шукшин. – Авт.) читал мне первые свои три рассказа: «Разыгрались же кони в поле», «Двое на телеге», название третьего я не помню. Прежде чем они были опубликованы, минуло 7 лет. Первые два я узнал не по названиям, а по сюжетам. А третий... я только помню, что речь шла о каком-то пьянчужке, который целый день молотил то ли лён, то ли коноплю за ведро водки.

Язык был ужасен, сплошь вульгаризмы. Эту сцену, только переделанную, я отыскал у него в романе «Я пришёл дать вам волю»...»

То, что Шукшин и на службе уже писал, подтверждает Владимир Жупина: «...Но со временем в кругу служивых пошёл разговор, что Шукшин «заболел на писательство». Доверившись мне, Василий читал краткие рассказы, эскизы и очерки из крестьянской жизни. Писал о себе, о своих односельчанах. На стадионе мы устраивались на траве, и он говорил: «Послушай!»

Прочитав два маленьких рассказа, он никогда не допытывался, что я думаю о них. Мне кажется, что читал больше для того, чтобы кому-нибудь почитать. К тому же он знал, что я не посмеюсь над ним, ни в чём не упрекну его... Но такие минуты доверительного чтения были очень редки...»

Значит, всё-таки писал, и тексты учил, и в драмкружке участие принимал, и даже какое-то время руководил этим кружком... Друзья-моряки с недоверием отнеслись даже к автобиографическим строчкам самого Шукшина: «...Автомобильный техникум кинул, ибо не понимал поведения поршней в цилиндрах...»

После такого заявления и в литературных кругах отчасти сложилось мнение, что, действительно, не всем дано, тем более если человек – чистый гуманитарий. Сослуживцы все в один голос заверяют, что «старший матрос Шукшин изучил намного сложнейшую технику, чем «поршни в цилиндрах». Он по косточкам мог разобрать и собрать более сложную радиотехническую аппаратуру, став радиотехником высшего разряда, обогнав многих своих ровесников, чистых технарей по складу ума».

И ещё выводы и убеждения моряков-сослуживцев: «Служба в армии и на флоте никогда не была лёгкой в физическом и психологическом отношении. Но именно на флоте и окрепла вера Шукшина в справедливость. Вера, израненная в детстве».

Или ещё: «Можно смело утверждать, что на Черноморском флоте Василий Шукшин, задолго до высшего кинематографического образования, окончил настоя-

щий, не менее высокий, «матросский университет» плюс высшие курсы сердечной благожелательности». А вот рассказов о море и о морях в творчестве В. М. Шукшина почти нет, если не считать рассказ «Чужие». Но во многих произведениях его герои – бывшие моряки. Это Шукшин умело показывает по одной какой-то детали: матросский ремень, который идёт в ход во время драки, тельняшка, которую носит герой и т. п.

Дружба с сослуживцами-моряками у Шукшина (как это часто бывает после демобилизации) оборвалась. Но с одним из них она возобновилась в Москве и продолжалась до конца жизни. Это уже вышеупомянутый Василий Ермилов. «Васе, старшине 1 статьи, Ермилову, в знак памяти и дружбы Василий Шукшин. Февраль 1965 г.»

Так подписана «Трудная книга» писателя Григория Медынского, причём на той странице, где эпитафией приведены слова Феликса Дзержинского: «Идти вперёд можно лишь тогда, когда шаг за шагом отыскиваешь зло и преодолеваешь его».

Это действительно говорит о многом. О родстве душ двух бывших моряков, взглядов на жизнь... Об этом родстве пишет и сам Василий Матвеевич Ермилов: «Я рассказал ему многое о себе, о своём сиротском детстве, о работе, о любви и своих идеалах и убеждениях, которые полностью совпадали с его взглядами и убеждениями. Единственно, что я чувствовал, а иногда в душе было беспокойно, что я отстаю от него образованием...

Держался я с ним запросто, как и он со мной. Мы говорили обо всём смело, не стесняясь и не боясь друг друга, хотя наши встречи были не так часты...

Он заставил меня взяться за кисть, оценив мой природный талант, когда увидел мою первую картину «Три грации». Часто советовал поступать в училище (художественное. – Авт.) и заниматься иконами...

В фильмах «Печки-лавочки» и «Ваш сын и брат» он показал мои работы. Заказал и сам три портрета: деда, бабки и матери за 75 рублей. Сделал я ему за один присест, и в один вечер пропили мой заработок. Так он дал мне честно заработать. О нём можно писать до бесконечности...»

Эти строчки абсолютно достоверны. Василий Ермилов мастерски делал копии картин (портреты) известных художников и с фотографий.

В. Шукшин заказал ему в 1965 году портреты своих деда с бабкой по материнской линии (Поповых Сергея Фёдоровича и Агафьи Михайловны), а также портрет матери (Марии Сергеевны). И, думается, не только для того, чтобы, как пишет Ермилов, «дать честно заработать». Нет, не только поэтому. Доверял другу как художнику. Верил в его талант. Знал, что напишет от души. Портреты хранятся в музее В. М. Шукшина в Сростках. Не просто хранятся. Портреты деда с бабкой находятся в постоянной экспозиции Дома матери.

Тогда, в феврале 1991-го, при встрече с Василием Матвеевичем и долгом разговоре с ним, я не только узнала много нового, интересного, но привезла в музей книгу В. М. Шукшина «Земляки», подаренную В. М. Ермилову вот с таким автографом: «Василию Ермилову, прообразу Пашки Колокольникова, на память. В. Шукшин. 22 май. 1971 г. Москва».

Всё становится понятно и в отношениях друзей, и никаких сомнений по поводу того, с кого же взят образ шофёра Чуйского тракта, который на своей «полutorке развозит людям счастье», в фильме Шукшина «Живёт такой парень».

И ещё одну очень ценную вещь передал тогда Василий Матвеевич – зажигалку-кораблик, которую Шукшин подарил ему на 45-летие в память о службе. Многое связывало двух Василиев, но самым крепким, наверное, был «морской узел».

О службе Василий Макарович говорил очень мало, скупое. Отдельными крупинками рассыпаны по его творчеству эти упоминания. Даже в письмах с флота к матери и сестре подробностей почти нет. Не любил хвастать, да и не всё можно было писать. Может, и стеснялся, потому что «по морям и океанам» не плавал.

Самые верные объяснения находим опять, конечно же, у Шукшина в тех флотских письмах, которые считались безвозвратно утерянными.

7 января (заметьте, в Рождество Христово!) 2002 года нечаянно был обнаружен семейный архив на чердаке одного из домов, где немного жила мать писателя Мария Сергеевна.

Сестре Наташе в декабре 1950 года из Севастополя Шукшин пишет: «Ты справедливо упрекнула меня в жалобе на нехватку времени. Действительно, смешно. Прости, пожалуйста.

На нехватку времени жалуется тот, кто не умеет использовать его. Я забыл об этом. В отношении нашего старого: милая моя, не могу удовлетворить твоей просьбы. О настоящей жизни (...далее неразборчиво, но можно только догадываться, что писать не может), прошедшую жизнь рассказать тоже не могу. Однажды я поклялся никому (здесь и далее подчёркнуто мною. – Г. У.) и никогда не рассказывать о себе. Смотри, я даже матери ничего не говорю. А знаешь, как это трудно... Могу тебе сказать: у меня всё в порядке...»

И далее, до конца письма, брат проявляет интерес к делам сестры, к учёбе, радуется успехам, даёт советы: «А вообще есть у меня для тебя хороший совет: смелее во всём, везде и всюду. Смелее! Побеждает тот, кто не думает об отступлении, кто,

даже отступая, думает о своём... Итак, спешу, девушка! Только воля, твёрдость желаний и желание победить помогут тебе...»

А вот письмо-поздравление любимой девушке Маше Шумской, которая в августе 1956 года станет его законной женой (правда, ненадолго): «Поздравляю с наступающим Новым годом! Желаю в этом году быть здоровой! Отличных успехов в учёбе. Прочитать 100 полезных книг. Не знать ни одной минуты отдыха. Кроме 6 часов сна (чтение не отдых, а посещение театра, кино, беседы с товарищами – суть занятия полезные, ежели они в норме). Учесть ошибки старого года, ежели таковые были, и не повторять их в Новом году.

Оставить всякого рода сомнения, быть решительной всегда и везде.

И, наконец, не забывать, что на свете существует Чёрное море! Земляк».

Согласитесь, очень скупо о своём местонахождении и о своих чувствах, но жизненная позиция и целеустремлённость – налицо, редкая для парня 20 лет!

Строчки из письма к матери от 8 февраля 1951 года тоже говорят о многом:

«Я жив, здоров. Изменений особых в жизни нет. Вообще, всё, как раньше. Стосковался по вас. Прислали бы мне по фотокарточке. Как живёшь, вообще. Напиши обо всём. Да, ты как-то спрашивала меня, хочу ли я побывать дома в 52 году. Очень хочу, но отпуск мне будет положен только в 53-м. И тут уж, мама, ни я, ни ты ничего не сделаем. Потерпим. Хлопотать не советую. Кроме того, что из этого ничего не получится, мы ещё можем нажить себе неприятности. В отношении хлопот могу сказать, что хлопочут люди, повыше нас стоящие, однако безрезультатно. Другое дело, если бы я служил в Армии, там гораздо проще. Так что, мамочка, подожди. И 53 год не за горами. Кстати, кое-что сделаем за это время... Целую тебя, родная. Будь здорова! Всё. Василий».

А вот ещё одно письмо к матери, которое подтверждает серьёзным настроением матроса Шукшина на учёбу. Написано оно в августе 1951 года (после отпуска):

«Здравствуй, мама! Получил твоё письмо, доехал благополучно. Жив и здоров. Есть к тебе очень важная просьба. Мне потребовалась справка из техникума... Возьми с собой справку о том, что я в настоящее время служу, объясни, что бросил учиться из-за недостатка средств. Постарайся, мама, очень прошу тебя. Вот пока и всё. Будь здорова, дорогая моя»

И в этом же письме обращение к сестре: «Нагаша! Учебник иностранного языка нужен – английский. Учиться буду самостоятельно, а весной сдавать экстерном. Потребуются ещё кое-какие учебники. Программы по всем предметам начиная с 8-го по 10-й класс... В отношении программ постарайся, Таля. Ваш Василий...»

Мудрые мысли, я бы сказала, очень мудрые, высказывает Шукшин в письме к своей 20-летней сестре. (А ведь ему самому едва исполнилось 22.)

«Кстати, в жизни вообще причин для грусти – нет. О чём можно грустить? И тем более – о чём нужно грустить? Можно ненавидеть, ибо ненависть толкает на деятельность, что очень важно. Можно любить – любовь вдохновляет на деятельность. Но грустить? Грусть, как известно, определяет полное бездействие. Никогда не грусти!»

А о службе опять очень скупые закодированные строчки даже в письме к матери:

«Жди меня, не скучай, береги здоровье... Ещё раз: береги здоровье! – оно самое ценное и необходимое для человека. Если всё будет хорошо и спокойно, приеду, но чтоб ты была здорова, милая моя. Целую тебя».

«... Письма пишу редко по известной причине – сейчас ведь лето. Отпуск? Как ни горько, мама, а не обещаюсь. Это невозможно. Ты советуешь попросить командира.

Родная, ни от меня, ни от него это не зависит. Будем ждать следующего года (это письмо написано 20 июня 1952 года. – Г. У.). Осталось не так уж много. Причём я и тебе не советую там хлопотать. Пустая затея. У нас сейчас такое положение, при котором отпуск немислим».

О каком положении говорит Шукшин, всем понятно. Ведь это были послевоенные годы службы. Боялись войны и те, кто служил, и те, кто ждал.

В очень коротком письме в июле 1952 года Шукшин выражает надежды на то, что очередной отпуск ему будет в 1953 году, и пишет, что среди моряков ходят слухи о сокращении срока службы до четырёх лет... Но... Его служба закончилась гораздо раньше по уже известной нам причине.

В конце декабря 1952-го Василий Шукшин дома – в Сростках. И отсюда в Новосибирск сестре Наташе пишет: «Здоров. Живу хорошо. Отдыхаю. Погодка здесь январская. Обморозил левое ухо, но... не сдаюсь: шапку не распускаю, чтобы не опозорить флот».

Гордость чувствуется, а вот «трёпа» не любил, потому и скуп на слова.

«Ты сначала сделай, потом говори» – по такому принципу жил этот человек.

Хочется добавить, что далеко не каждый из нас способен в 20-21 год сделать серьёзный анализ прошедшей жизни, нужные и правильные выводы и наметить дальнейшие планы на будущее. Не всякому это дано. Ему, Шукшину, было дано.

Очень рано почувствовал, что может сделать что-то «хорошее и полезное для людей». Эту мысль он высказал в письме к М. И. Шумской ещё в 1954 году.

Василий Макарович всю жизнь постоянно чувствовал духовную связь не только с матерью, но и с дедом Сергеем Фёдоровичем Поповым и любил повторять, глядя на его фотографию: «Я – от деда». А дед, в свою очередь, в маленьком внуке заметил большое будущее и говорил об этом дочери: «Ты этого парнишку-то береги... С него можно много спросить...»

Но точнее, чем мать, Василия Макаровича никто не понял и не оценил. Сердцем своим материнским, умом крестьянским недюженным, пониманием жизни («... понимает она у меня не менее министра») знала, что нужно сыну, чем живёт и о ком постоянно болит у него сердце.

«У меня много моряков, его друзей по флоту, – сообщала Мария Сергеевна в письме сослуживцу сына Владимиру Мироненко. – Все аккуратно пишут со всего Советского Союза, вроде все в одном круге сидели, все знают, что Вася народ любил...»

Сам Шукшин ещё в романе «Любавины» высказал своё, сокровенное: «Я теперь понял, что так и надо: всё время быть с людьми, даже если в землю зароят».

Есть и ещё более уважительные и проникновенные слова писателя-гражданина-патриота: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами – стоит ли отдавать его за некий трескучий, так называемый «городской язык», коим владеют всё те же ловкие люди, что и жить как будто умеют, и насквозь фальшивы.

Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, страдания, не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

ПАМЯТЬ

Диана КУХАНОВЕЦ

Диана Михайловна КУХАНОВЕЦ родилась в деревне Огово Брестской области в Белоруссии в 1972 году.

Окончив среднюю школу (1989 г.), поступила в педучилище, а после его окончания (1991 г.) в течение пяти лет работала в школе педагогом-организатором, продолжая учёбу на филологическом факультете Брестского государственного университета. После получения диплома (1997 г.) и по настоящее время работает учителем русского языка и литературы в школе № 3 города Иваново Брестской области Республики Беларусь.

ДОБРОТА, СОВЕСТЛИВОСТЬ, СОСТРАДАНИЕ

Художественное исследование национального характера
в творчестве В. М. Шукшина

*Мне бы только правду рассказать о жизни...
Не было бы добрых людей,
жизнь давно бы остановилась...*

В. М. Шукшин

Художественное исследование русского национального характера, складывавшегося на протяжении столетий, и изменений в нём, связанных с бурными переменами XX века, составляет сильную сторону творчества Шукшина. Можно сразу заметить, что персонажи шукшинских произведений – какие-то необычные, «странные» люди, «чудики». Какое-то странное, необъяснимое отклонение от нормы, от принятых стандартов поведения, желание подняться над унылой повседневностью, пусть даже путём самообмана.

«Чудик» – человек, странный с виду, непохожий на других, но обладающий доброй душой, тянущийся к прекрасному, к знаниям, искусству, и потому чуждый

и непонятный обывателю. Будучи погружёнными в житейскую повседневность, в скучное однообразие будней, шукшинские персонажи отваживаются на какой-либо из ряда вон выходящий поступок, чтобы хоть на одно мгновение приподняться и над обыденностью, и над самими собой. Василия Шукшина, прежде всего, интересовала душа человека в её внезапном пробуждении, в моменты прозрения. Всё, что предшествует этому мгновению, писателем опускается. Отсюда лаконизм его рассказов, сжатость материала, динамизм повествования.

Герои Шукшина часто принимают решения и совершают поступки, на первый взгляд, несоизмеримые с реальными причинами, вызвавшими их.

Сашка Ермолаев, оскорблённый продавщицей (рассказ «Обида»), готов «проломиться с молотком» к правде. От обиды «сводит челюсти», Сашку «трясёт», на нём «нет лица»... Почему же такая бурная реакция? Грубость – обычное явление в нашей жизни и к ней уже привыкли. В том-то и дело, что «чудики» привыкнуть не могут. Они психологически неустойчивы, «взрывоопасны», и причину их «странного» поведения автор усматривал в неустойчивости, неупорядоченности их жизни. Достаточно небольшого толчка извне, чтобы растерянность, душевная неустроенность, внутренний дискомфорт выплеснулись наружу взрывом ненависти, обиды и безрассудства. Поступки шукшинских героев порой неожиданны, часто непредсказуемы, но они заставляют не только удивляться странностям человеческого характера (хотя это не главное), но и уважать личность, считаться с нею. Истоки конфликта, на который так легко идут Сашка Ермолаев, Алёша Бесконвойный, не в склононости или привередливости их натур. Духовные запросы личности намного превышают то, что может дать человеку жизнь. И этот трудноразрешимый конфликт с действительностью становится драмой персонажей, которая нередко переходит в трагедию.

Шукшинский герой стремится заполнить внутреннюю пустоту: один пишет трактат о государстве, другой создает живописное полотно, третий сочиняет куплетики для эстрады... Не выдерживает душа, не умеющая жить пустотой, требующая смысла, которого сразу не постичь: «Ну, живёшь, ну детей народишь – а зачем? Обеспечили себя насущным, думали, что стали не хуже людей, а вышло-то...», «Родиться бы мне ещё разок! А? Пусть это не считается – что прожил...» – рассуждает Максим Яриков, трудящийся, в рассказе «Верую!».

Произведения Шукшина проникнуты великой любовью к людям. Егор Прокудин в «Калине красной» – образ человека, глубоко переживающего. Из тёмного воровского мира он шагнул в новое и светлое. Его душа осталась чистой, он не хочет возвращаться в прошлое. Автор показывает, что истинная доброта и нравственность не могут исчезнуть. Так, в многообразии типов персонажей шукшинских произведений представлен, по сути, национальный характер.

Не только литературу 60-70-х годов, но и современную прозу невозможно себе представить без Шукшина. За его нестандартным подходом к человеку, за его пониманием истоков своеобразных характеров видится неповторимость, яркость, глубина личности художника.

К зрелым рассказам Шукшина могут служить эпиграфом слова Кости Валикова по прозвищу Алёша Бесконвойный: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Да два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтоб люди прожили одинаково». Характер Алёши Бесконвойного представляется землякам загадочным. Перед нами ещё один человек из породы «странных». И человек он неплохой, и работник безотказный, но вот категорически не желает работать по субботам – он в конце недели всё готов забыть ради бани. «Алёша выпрыгался», и к заведённому

им обычаю постепенно привыкли. «В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня суббота. И сразу распускаясь в душе тихая радость. Он даже лицом светлел...» В этот день он спокойно-медлителен, задумчив, неспешно топчет баньку и наслаждается ею, любит покурить, сидя на крыльце. Это «для него не просто удовольствие, а маленький праздник, момент особого душевного просветления, когда мысль легко и свободно парит над повседневностью». Шукшин наделяет своего героя, человека обыкновенного, скромного, как мы привыкли говорить, «простого», повышенной склонностью к раздумьям. Но, если вдуматься, так ли уж прост он, этот Алёша Бесконвойный? Может, наоборот, он из тех, кто способен расслышать голос подлинной жизни, кто ощущает всю полноту ответственности за неё? Во всяком случае, в том, как вспоминает герой войну и своё возвращение в родные края после демобилизации, свою короткую любовь и последующие годы, прошедшие в труде и семейных заботах, нет снисходительности к земным радостям и печалям, от которых он никогда не прятался. А вот желание понять, в чём главный смысл человеческого существования, у него велико. Именно этим он для нас интересен. Мысли о детях, мечты об их будущем приводили Алёшу к выводу: «Нет, жить, конечно, имеет смысл. Другое дело, что мы не всегда умеем».

Красоту и силу своих героев автор видел в огромной любви к людям. Смысл любви, жизни, человеческих отношений эти чудоковатые люди открывают для себя мучительно. О самом важном Шукшин говорит так: «Надо человеком быть, а не сшибать полтинники».

Откликаться на боль других, приносить людям добро – смысл жизни нравственной личности. Таким был настоящий человек, замечательный писатель – Василий Макарович Шукшин. И его слова, обращения ко всем нам, как никогда сейчас актуальны! «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умеем жить. Помни это. Будь человеком!» (Из последнего письма в издательство «Молодая гвардия».)

Стоит задуматься: всегда ли по-человечески мы поступаем? Вроде бы ничего особенного, а человеку больно. Об этом рассказы Шукшина.

Сам Василий Макарович классифицировал свои произведения следующим образом: «рассказ-анекдот», «рассказ-характер», «рассказ-исповедь». И действительно, интерес писателя сосредоточен на необычных характерах рядовых обитателей деревень и захолустных городков. Суть людей и их мира выявляется в столкновении с таким необычным характером, который своими чудачествами «заводит» окружающих, заставляя их посмотреть на жизнь другими глазами.

В этом смысле замечателен сборник рассказов писателя «Характеры». В рассказе «Срезал» главный герой Глеб Капустин, белобрысый мужичок сорока лет, «начитанный и ехидный». На первый взгляд, его характер прост и ясен. Но у него есть одна особенность. Простой деревенский мужик, Глеб решил, что он живёт хуже других и обделён возможностью сделать свою жизнь лучше. И он мстит за это людям, которые выше его по социальному статусу. В свободное время Глеб развлекается и мужиков развлекает тем, что «срезает», «осаживает» деревенских выходцев, добившихся разных степеней жизненного успеха, когда те приезжают в родную деревню. «Срезал» он и очередного «знатного» гостя, некоего кандидата наук

Журавлёва. Дурацкая месть Капустина заключается в том, что он пытается вести дискуссии с кандидатом по вопросам, в которых сам ничего не понимает. Он всего лишь напичкан сведениями отовсюду: из газет, радио, телевидения, книг, плохих и хороших. Но мужикам он преподносит это так, как будто он умный, образованный человек. Мужики специально водят его к разным приезжим знаменитостям. А зачем это мужикам? Да вот получают же они какое-то удовольствие от того, что их деревенский, свой, может заткнуть за пояс приезжего учёного!..

Рассказ интересен тем, что Шукшин описал вовсе не свойственный деревне случай. Но его герой интересен нам. Этот деревенский мужик привык, что к нему обращаются как к хозяину положения, хозяину страны, труженику. Он привык, что за него думают, ему помогают, принимают за него важные решения. Глеб никак не может понять, что для того, чтобы добиться чего-то в жизни, необходимо приложить усилия. Семья Журавлёвых, приехавшая в родную деревню в отпуск, противопоставлена язвительному Глебу. Им и дела нет до Капустина, они не стремятся и не хотят с ним спорить. Рассказ написан доступным языком, он понятен любому читателю. Шукшин в одном из своих интервью заметил, что в сборнике «Характеры» он выделяет прежде всего этот рассказ. Движущими силами в произведениях Шукшина являются отнюдь не внешние события. Сюжет у него – только повод, чтобы начать разговор. Потом повод как-то незаметно исчезает и начинает говорить человеческая душа, мудрость, ум, чувство.

Часто мы встречаем на страницах рассказов Шукшина людей равнодушных, ищущих. Они задумываются над основами бытия, обращаются к так называемым «вечным жизненным вопросам». Таков и герой рассказа «Верую!» Максим Яриков. Навалилась какая-то особенная тоска на него, сорокалетнего, злого на работу мужика. Не может Максим сказать, что с ним происходит. Чувствует только, что болит душа. Но как объяснить – почему? Думает, мается, страдает, размышляя о том, а зачем всё... Зачем живёт он и люди вокруг него? Услышал Максим Яриков, что к Лапшиным приехал «самый натуральный» поп, и пошёл к нему узнать: «У верующих душа болит или нет?» Между попом и Максимом происходит разговор о смысле бытия, о добре и зле, о душе человеческой... Мучительные раздумья роднят его со служителем церкви, который говорит ему: «Ты со своей больной душой пришёл точно по адресу: у меня тоже болит душа... Хорошо! Хорошо! А то бы тебя с печки не стащить, с равновесием-то душевным». Как важна эта тема для нас сейчас, когда в жестокое, морально и нравственно неустойчивое время всё больше и больше проявляется в людях пассивности и бездушия.

Заставляя своего героя взглянуть на себя, Шукшин подталкивает и читателя к оценке собственной жизни. Как часто бывают в жизни человека моменты, когда кажется, что силы растрочены понапрасну, что «спел уже песню своей жизни», но спел плохо. «Жалко – песня-то была хорошая», – говорит писатель. Эта тема повторяется во многих рассказах Шукшина.

В киноповести «Калина красная» Шукшин создал современный вариант притчи о блудном сыне. Егор Прокудин оторвался от родных, близких и оказался в тюрьме. Вот он освобождён от заключения и возвращается в родные края, мечтая соединить свою жизнь с чудесной женщиной, «вступить на дымящую паром пашню». Однако груз привычек, жажда праздника и разгула для души, цепкость прежней среды – всё это приводит к тому, что блудный сын не находит себя и своего места на этой земле. Он пытается попробовать себя в различных ролях – сурового жениха, участника «малины», колхозного тракториста, – но не может. «Падал, поднимался и опять шёл», – сказано у Шукшина. Но не дошёл. Внешняя бравада, даже грубость, сменя-

ется у Егора лирической нежностью при встрече с берёзами. Душа у него ранимая, любящая. Он жаждет чистоты и правды, он готов жить по совести, но «поток жизни» сбил его и «потянул в пропасть». Смерть Егора Прокудина, вернее его убийство, закономерна. Жизнь просто выталкивает его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какое бы произведение Василия Макаровича Шукшина мы ни взяли, в каждом чувствуется живое русское слово и душа народа. Он создал целый мир народных характеров и сделал это щедро и талантливо. «Тревожная совесть» – так называли писателя. Раздумья о смысле жизни окрашивались у Шукшина в разные тона, «не-разрешимые» вопросы задавались с разной степенью напряжённости. В них можно найти трагическую безысходность и светлую печаль, крик души «на пределе» и скорбные думы о конечности бытия. Любопытно, что творчество В. М. Шукшина серьёзно начали изучать первыми не в СССР, а на Западе. Иностранцев заинтересовали «странные» герои Шукшина – «чудики», т. е. сельские люди, попавшие под пресс урбанизации, – уже не крестьяне, но ещё не горожане.

Именно на Западе о них сказали как нельзя более точно: «Крестьяне с душой интеллигентов». По сути, Василий Шукшин и сам был таким. Интеллигентность, в понимании Шукшина, – это не галстук и не шляпа, не внешний лоск, а нечто существенно иное. Вот как сам он писал: «...Явление это – интеллигентный человек – редкое. Это беспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется – для созвучия – «подпеть» могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса «что есть правда?», гордость... И – сострадание к судьбе народа. Неизбежное, мучительное». Между тем никакого «расщепления души», «раздвоения сознания», как писали иные прозападные знатоки русской души, у Шукшина не было и в помине. Как сильная, цельная личность, он крепко и уверенно стоял на позициях утверждения в народе тех самых вековых духовных ценностей, которые утверждала вся классическая русская литература – Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов, Шолохов, Леонов... Труд, Правда, Совесть – вот те главные ценности, что издревле возводились на Руси в высший ранг уважения и почёта. «Русский народ за свою историю отобрал, возвёл в степень уважения такие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту...» – не раз подчёркивал Шукшин. Как и во всей классике, в центре его творчества – «маленький человек», «чудик», которого недалёкие профессионалы от литературы, не поняв его сути, отождествили с заурядным чудачком. На самом деле это человек с беспокойной душой, живущий по высокому кодексу Совести. И никакой он, по сути, не странный. Таким и должен быть человек от Бога. Странным он выглядит лишь в глазах обывателя, растерявшего человеческое достоинство и душевные качества.

Шукшинское мировоззрение, его духовно-нравственная, осветлённая православным сознанием эстетика жидутся на признании и бескомпромиссном утверждении им корневых основ русской национальной жизни. «Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания – не отдавай всего этого за понюх табаку», – словно вглядываясь издали в наше драматическое время, умоляет нас Шукшин, удивляясь русскому многотерпению.

2009 год губернатор Алтайского края Александр Богданович Карлин объявил Годом Василия Макаровича Шукшина. Но не только Алтайский край – вся Россия отмечала 25 июля его 80-летний юбилей. На малой родине Шукшина, в Сростках, собрались многие почитатели его выдающегося, истинно народного таланта.

Уже который год люди едут к Шукшину... Едут, чтобы прикоснуться сердцем к незамутнённым истокам Правды, почерпнуть сил и мужества. Василий Макарович писал: «Нам бы про душу не забыть!..»

Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина на 80-летию со дня рождения Шукшина сказала со сцены Пикета:

– Вася, сегодня твоё 80-летие. Я мысленно отчитываюсь перед тобой. Твои дочери выросли красавицами, замечательными людьми. У нас пять чудесных внуков. Я работаю, снимаюсь в кино, помогаю издавать твои книги. Твоя самая любимая женщина – Россия – переживает большие трудности. Твои чудики не поддались соблазну золотого тельца – они работают, изобретают, творят... Они-то, Вася, и спасут Россию. Мне звонили из Белоруссии, Украины – там тоже тебя помнят.

Подводя итоги работы, можно сказать, что Шукшин, исследуя в своих произведениях характеры, показал нам, что самое большое богатство человека – доброта, совесть, умение сострадать.

А нам, потомкам, остались на память слова В. М. Шукшина: «Нам бы про душу не забыть, нам бы немножко добрее быть... Мы один раз, уж так случилось, живём на земле». С этим жил, в это верил, это проповедовал Василий Шукшин.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Русская пословица говорит: «Посеешь характер – пожнёшь судьбу». Национальный характер отражается как в художественной литературе, философии, публицистике, искусстве, так и в языке. Ибо язык – зеркало культуры, в нём отобразён не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Поэтому язык должен изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народа, говорящего на данном языке. Пословицы и поговорки – это отражение народной мудрости, в них хранится представление народа о самом себе, и поэтому тайны русского национального характера можно попробовать постигнуть через русские пословицы и поговорки.

ТРУДОЛЮБИЕ, ОДАРЁННОСТЬ

Русский человек одарён и трудолюбив. Он обладает множеством талантов и способностей практически во всех областях общественной жизни. Ему свойственна наблюдательность, теоретический и практический ум, природная смекалка, изобретательность, творчество. Русский народ – большой труженик, созидатель и творец, обогатил мир великими достижениями культуры. Трудно перечислить хотя бы малую часть того, что стало достоянием самой России. В русских пословицах и поговорках эта черта находит отражение: «Счастье и труд рядом живут», «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Терпение и труд всё перетрут», «Бог труды любит». Русский народ очень ценит труд: «Золото познаётся в огне, а человек в труде», «Талант без труда не стоит и гроша».

Русский фольклор говорит и о существовании трудоголиков: «Скучен день до вечера, коли делать нечего», «Без дела жить – только небо коптить», «Не та забота, что много работы, а та забота, как её нет». Трудовой люд не завистлив: «Не пеняй на соседа, коли спишь до обеда».

В пословицах осуждают ленивых: «Долго спать, с долгом встать», «Кто поздно встаёт, у того хлеба недостаёт». И одновременно хвалят трудолюбивых: «Кто рано встаёт, тому Бог даёт». Только честный заработок ценился народом: «Легко добыто, легко и прожито», «Даровой рубль дешёв, нажитой дорог». И в воспитании молодых предпочтение отдавалось труду: «Не учи безделью, а учи рукоделью».

СВОБОДОЛЮБИЕ

К числу основных, глубинных свойств русского народа относится свободолюбие. История России – это история борьбы русского народа за свою свободу и независимость. Для русского народа свобода превыше всего. Русскому сердцу ближе слово «воля», понимаемое как независимость, свобода в проявлении чувств и в совершении поступков, а не свобода как осознанная необходимость, то есть как возможность проявления человеком своей воли на основе осознания закона. Например, пословицы: «Хоть тяжёлая доля, да всё своя воля», «Своя воля дороже всего», «Вольность всего дороже», «Воля птичке дороже золотой клетки», «Что хочу, то и ворочу», «Своя рука – владыка» – говорят о стремлении к свободолюбию.

СИЛА ВОЛИ, МУЖЕСТВО И СМЕЛОСТЬ

Обладая свободолюбивым характером, русский народ многократно одерживал победу над захватчиками и добивался больших успехов в мирном строительстве. В пословицах находят отражение черты русских воинов: «Лучше смерть в бою, чем позор в строю», «Либо полковник, либо покойник». Эти же черты проявляются и в жизни мирных людей. «Кто не рискует, тот не пьёт шампанского» – о том, что русский народ любит рисковать. «Либо пан, либо пропал» – о решимости предпринять что-либо, рискнуть, несмотря на возможный провал, гибель. Близки по значению и пословицы: «Или грудь в крестах, или голова в кустах», «Либо в стремя ногой, либо в пень головой», «Либо рыбку съесть, либо на мель сесть».

Пословица «Волков бояться – в лес не ходить» говорит о том, что нечего и браться за дело, если страшиться предстоящих трудностей. А смелому всегда сопутствует удача: «Удача – спутник смелого», «Кто смел, тот и съел».

ДОБРОТА

Характерные черты русских людей – это доброта, гуманность, склонность к покаянию, сердечность и душевная мягкость. Многие пословицы и поговорки иллюстрируют эти черты: «Доброму Бог помогает», «С добрым жить хорошо», «Делать добро спеши», «Доброе дело и в воде не тает», «Жизнь дана на добрые дела», «Добро век не забудется», «Тому тяжело, кто помнит зло». К доброму человеку справедливо относится судьба: «Злому – смерть, а доброму – воскресение». Однако слишком смирного пословицы осуждают: «Его разве только ленивый не бьёт», «Смирную собаку и кочет бьёт».

ТЕРПЕНИЕ И СТОЙКОСТЬ

Это, пожалуй, одна из самых характерных особенностей русского народа, ставшая буквально легендарной. Русские обладают, кажется, безграничным терпением, удивительной способностью переносить трудности, лишения и страдания. В русской культуре терпение и умение переносить страдания – это способность к существованию, способность ответить на внешние обстоятельства, это основа личности.

Не трудно найти отражение этой черты в русских пословицах и поговорках: «Терпение – лучше спасения», «Терпение даст умение», «На хотение есть терпение», «Век живи, век надейся».

Русский народ терпелив и вынослив, упорен и стоек, не падающий духом от неудач и верящий в свои силы. Об этом говорят пословицы: «Терпи горе, пей мёд», «Час терпеть, а век жить», «Терпя, в люди выходят», «Поживи в рабах, авось будешь и в господах», «Бог даст день, даст и пищу».

ГОСТЕПРИИМСТВО, ЩЕДРОСТЬ И ШИРОТА НАТУРЫ

Русское гостеприимство общеизвестно: «Хоть не богат, а гостям рад». Для гостя всегда готово лучшее угощение: «Коли есть что в печи, всё на стол мечи!», «Гостю шей не жалея, а погуще налей».

Русские люди встречают гостя на пороге своего дома. Обычай преподносить гостям хлеб-соль пришёл из глубины веков и сохраняется в России до сих пор. Хлеб-соль – это одновременно и приветствие, и выражение радушия, и пожелание гостю добра и благополучия: «Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай». Без хлеба нет жизни, нет истинного русского стола. Об этом говорят русские пословицы: «Хлеб – всему голова», «Хлеб на стол, так и стол – престол», «Плох обед, коли хлеба нет», «Хлеб – дар Божий, отец, кормилец», «Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай». И соль, как известно, играет важную роль в жизни человека: «Без соли, без хлеба – худая беседа», «Без хлеба – смерть, без соли – смех».

ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Отличительной чертой русского народа является его отзывчивость, умение понимать другого человека, чуткое отношение к чужому душевному состоянию, способность интегрироваться с культурой других народов, уважать её. Удивительная этническая терпимость, а также исключительная способность к сопереживанию, умение понимать и принимать другие народы позволили русской нации создать невиданную в истории империю. И эта черта отражается в народных пословицах и поговорках: «Кто нас помнит, того и мы помянем», «За добро добром платят». По мнению Владимира Соловьёва, «истинное единство народов есть не однородность, а всенародность, т. е. взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого». Такие свойства русского человека, как гуманизм, доброжелательность в отношении других народов, гостеприимство, самопожертвование, альтруизм, порождают социально более глубокие свойства, такие как интернационализм, взаимное уважение людей, их национальных обычаев, культуры.

Особое внимание русские уделяют отношению к соседям: «Худое дело – обидеть соседа», «Жить в соседях – быть в беседах», «Близкий сосед лучше дальней родни», «Межи да грани – ссоры да брани».

РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Одной из глубинных черт русского характера является религиозность. Религиозное мировоззрение сыграло важную роль в формировании как нации в целом, так и русской личности в отдельности. Эта характерная глубинная черта русской национальной личности отражается с древнейших времён в фольклоре, в пословицах: «Жить – Богу служить», «Сильна Божья рука», «Божья рука – владыка», «Никто не

может, так Бог поможет», «С Богом пойдёшь, до блага дойдёшь» – эти пословицы говорят о том, что Бог всемогущий и помогает верующим во всём. В представлении верующих Бог – идеал совершенства, он и милосерден, и бескорыстен, и мудр: «У Бога милости много», «Бог на милость не убог», «Друг обо друге, а Бог обо всех», «Кто добро творит, тому Бог оплатит». У Бога щедрая душа, он рад принимать любого человека, который обращается к нему, его любовь неизмеримо велика: «Кто к Богу, к тому и Бог», «Любящих и Бог любит», «Бог полюбит, так не погубит».

Какие же черты характера у героев Шукшина? Где брал материал для своих произведений писатель? Везде, там, где живут люди. Какой это материал, какие герои? Тот материал и те герои, которые редко раньше попадали в сферу искусства. И понадобилось время, чтобы явился из глубин народных крупный талант, чтобы с любовью и уважением рассказал о своих земляках простую, строгую правду. А правда эта стала фактом искусства, вызвала любовь и уважение к самому автору.

Герой Шукшина оказался не только незнакомым, а отчасти непонятым. Любители «дистиллированной» прозы требовали «красивого героя», требовали, чтобы писатель выдумывал, чтобы не дай бог не растревожить собственную душу. Полярность мнений, резкость оценок возникали, как ни странно, именно потому, что герой не выдуман. А когда герой представляет собой реального человека, он не может быть только нравственным или только безнравственным. А когда герой выдуман в угоду кому-то, вот здесь полная безнравственность. Не отсюда ли, от непонимания творческой позиции Шукшина, идут творческие ошибки восприятия его героев. Ведь в его героях поражают непосредственность действия, логическая непредсказуемость поступка: то неожиданно подвиг совершит, то вдруг сбежит из лагеря за три месяца до окончания срока.

Василий Макарович говорил: «Мне интереснее всего исследовать характер человека-недогматика, человека, не посаженного на науку поведения. Такой человек импульсивен, поддаётся порывам, а следовательно, крайне естественен. Но у него всегда «разумная душа».

Герои писателя, действительно, импульсивны и крайне естественны. И поступают так они в силу внутренних нравственных понятий, может, ими самими ещё неосознанных. У них обострённая реакция на унижение человека человеком. Эта реакция приобретает самые различные формы. Ведёт иногда к самым неожиданным результатам.

ГЕОГРАФ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

27 июля этого года исполняется 130 лет со дня рождения видного общественного деятеля, учёного-географа Николая Николаевича Баранского (1881-1963).

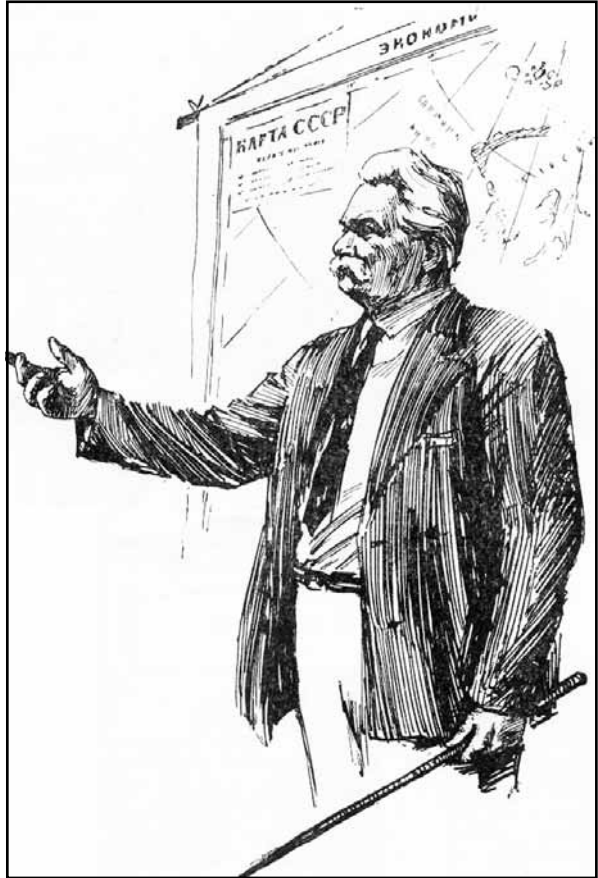
Он родился в интеллигентной семье. «Отец мой, Николай Николаевич – учитель гимназии, а затем реального училища, – был человеком крупного ума и широкой натуры. При всей своей беспорядочности и противоречивости в двух отношениях он был очень упорен и постоянен: всё свободное время отдавал делу народного просвещения и всю жизнь вёл борьбу с «чинодральством». Так в автобиографии о своём отце писал Н. Н. Баранский, который и сам всю жизнь ненавидел формализм, равнодушие к делу: в его устах слово «чиновник» было самым сильным выражением презрения.

С шестнадцати лет Николай Баранский участвовал в деятель-

ности нелегальных кружков, которые состояли в основном из типографских рабочих, в 1898 году вступил в РСДРП и в дальнейшем за революционную деятельность неоднократно подвергался арестам. В 1899 году он окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Томского императорского университета, но за организацию забастовки в 1901 году был исключён из него.

В том же году при содействии профессора М. Н. Соболева Николай Баранский (**на рисунке**) прибыл в Барнаул и по поручению Общества любителей и исследователей Алтая, в частности Н. С. Гуляева, занялся изучением населения. Он поселился в селе Чистюнька Барнаульского уезда (500 дворов, волостное правление и церковь), что недалеко от Змеиногорского тракта и всего-то в 80 верстах от уездного центра.

В течение двух лет он занимался экономическо-статистическим исследованием крестьянского хозяйства. По собственной методике обследовал хозяйства сёл Фунтики, Безголосово, Хабазино, Новониколаевка, Романовка. К тому времени переселенческий вопрос в Западной Сибири, и прежде всего в Степном Алтае, очень обострился. За десять с лишним лет, прошедших с постройки Сибирской железной

дороги, переселенцев набралось там уже около миллиона. Громадное большинство их оставалось непричисленными, потому что за приёмный договор надо было платить значительные по тому времени деньги.

Н. Н. Баранский составил подробный бланк для подворовой переписи, включающий вопросы о современном положении переселенцев и об их экономическом состоянии до переезда на Алтай. Помимо основной деятельности, связанной с новосёлами, его интересовали общие проблемы аграрного строя в России. Поэтому исследование охватило всё население села и соседних поселений, а не только прибывших на постоянное жительство преимущественно из перенаселённых районов европейской части России.

Проведённое обследование позволило будущему учёному разобраться в типах хозяйств, видах заработков, взаимных отношениях и других тонкостях крестьянской жизни.

Результаты этой работы отражены в публикации «Сибирское переселенческое селение Чистюнька» (Алт. сб. – Т. – 7. – Барнаул, 1907).

В 1914 году Н. Н. Баранский окончил Московский коммерческий институт, (ныне Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова), с 1918 года стал заниматься экономической географией. Им была создана как самостоятельная научная дисциплина экономическая картография. Он первым стал читать курс экономической картографии на географическом факультете Московского государственного университета.

В советский период Н. Н. Баранский – крупный специалист в области экономической географии СССР, профессор, организатор кафедры в МГУ (1929), автор учебников для средней и высшей школы (учебник для восьмого класса с 1935 года выдержал 16 изданий), член-корреспондент АН СССР (1939), заслуженный деятель науки РСФСР (1943), лауреат Государственной премии СССР (1952), Герой Социалистического труда (1962). Награждён тремя орденами Ленина и другими орденами, а также медалями.

В своих воспоминаниях его ученики писали, что он был настоящим учёным и меньше всего внимания уделял быту. Когда он получил профессорскую квартиру в Главном здании МГУ, рабочие удивились отсутствию хорошей мебели у маститого учёного. На что Николай Николаевич, указывая на голову, изрек: «Я всю жизнь занимался меблировкой чердака».

Научные работы Н. Н. Баранского и поныне актуальны и востребованы во всём мире.

Похоронен русский учёный в Москве на Новодевичьем кладбище.

В Томске, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска. В его честь назван вулкан на острове Итуруп и улица в Алма-Ате.

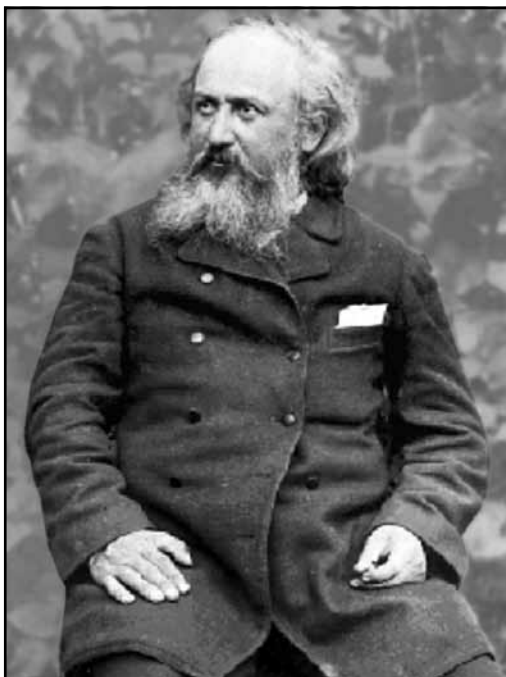
В 1981 году в Топчихинском районе Алтайского края к столетию со дня рождения большого учёного в центре села Чистюнька перед зданием школы усилиями географов московского филиала Географического общества и географов Алтая был открыт памятник Н. Н. Баранскому. Памятник напоминает о той деятельности, которую он вёл в начале прошлого века в небольшом алтайском селе.

Люди в Алтайском крае памятьливы и добросердечны. В Чистюньке живёт Лилия Михайловна Степанцева, у её дедушки в своё время квартировал Н. Н. Баранский, у неё сохранились фотографии и записи. Часть материалов, касающихся жизни учёного и первых результатов его исследовательской деятельности, найдены в архиве. Знакомство с деятельностью географа-экономиста привело меня к мысли, что в Топчихинском районе можно организовать педагогические чтения, посвящённые Николаю Николаевичу Баранскому.

ПРЕЕМНИК И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ СЛАВНЫХ ДЕЛ

В этом году исполнилось 160 лет со дня рождения Николая Степановича Гуляева (9.05.1851 – 30.11.1918) – архивиста и краеведа, помощника и продолжателя дела своего отца Степана Ивановича Гуляева (1805-1888) – видного исследователя Алтая, историка, этнографа, фольклориста, изобретателя.

В 1963 году старейшая улица Барнаула Ивановский Лог, получившая своё наименование по кладбищенской церкви Иоанна-крестителя, была переименована в честь нашего земляка С. И. Гуляева – уроженца села Алейского. Помню, с каким трудом приживалось в 60-е годы новое название улицы (старожилы с окрестных улиц привыкли к старому). Помню, как зимой с макушки горы – по крутому и длинному Ивановскому Логу – на санках, самокатах, а отчаюги – на лыжах, мы мчались, а снег и ветер хлестал нам по глазам!..

Николай Степанович Гуляев (на фото) родился в Санкт-Петербурге. В Барнаул семья Гуляевых вернулась, когда маленькому Николаю исполнилось восемь лет.

Его дед имел младший офицерский чин и служил на Локтевском сереброплавильном заводе, а бабушка – донская казачка – с измальства прививала детям и внукам любовь к русским сказкам и песням.

Николай был очень наблюдательным, любознательным и одарённым мальчиком. Он окончил Барнаульское горное училище, а в 1871 году – Томскую гимназию, где учились Н. М. Ядринцев, И. А. Кущевский и другие знаменитые сибиряки.

В том же году он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но то ли юридическое поприще оказалось не его призванием, то ли по другим причинам через два года перешёл на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. В 1975 году Николай Степанович из-за преследования властей за вольнодумство оставляет учёбу и уезжает за границу.

Он побывал в Германии, жил в Швейцарии, Женеве, где слушал лекции по горному делу.

По возвращении в Россию Николай Степанович служил агентом в крупнейшем сибирском пароходстве «Игнатов и Курбатов». В Тюмени работал десятником на строительстве железной дороги и в той же должности на сооружении Обь-Енисейского канала.

В 1881 году он возвращается в Барнаул и живёт в отчем доме на улице Иркутской, помогая отцу, – заведует его типографией, пользуется богатейшей отцовской публичной библиотекой и, увлекшись изучением истории Сибири, приобщается

к горному делу и археологическим раскопкам. Молодой учёный стал достойным преемником и продолжателем дела отца, сохранив и преумножив его библиотеку, геологические, археологические, этнографические и палеонтологические коллекции.

В 1875 году его приглашают на работу в архив Главного управления Алтайского горного округа, который с XVIII века размещался в доме умершего генерала Беэра, где сложились дела Канцелярии горного начальства, распоряжения главных окружных командиров, дела горных контор – Барнаульской, Кольванской, Локтевской, Змеиногорской и других. Эта работа пришлась ему по душе, и он посвятил ей 23 года своей жизни.

Он изучал архивное дело в различных хранилищах страны, и через год его назначили архивариусом Главного управления округа, в будущем Алтайского краевого архива. Помимо основной работы Николай Степанович накопил богатый материал по истории горного округа, разыскал немало ценных архивных документов. Кроме того, собирал материалы по археологии, минералогии, палеонтологии.

Общество любителей исследования Алтая, созданное в 1891 году, позже стало подотделом Российского географического общества. Николай Степанович извлекал из архива, закрытого в то время для исследователей, ценнейшие материалы по истории горного дела на Алтае, колонизации края, инородческому вопросу. Много выступал на заседаниях Общества с докладами и сообщениями о своих находках. В начале XX века Н. С. Гуляев в соавторстве с П. А. Иванчевым написал книгу «Кольванская шлифовальная фабрика», также его перу принадлежит краткий исторический очерк, составленный к столетию фабрики, а совместно с П. Е. Семьяновым в 1917 году был написан очерк «Иногородцы Горного Алтая».

В 1918 году постановлением губсовдепа бывший вольнодумец был уволен с должности архивариуса (вероятно, как царский чиновник).

Николай Степанович незадолго до смерти, тяжело больной, находясь в бедственном положении, дал согласие на продажу Карокорум-Алтайской уездной земской управе единственного своего богатства – библиотеки и коллекций, то есть всего того, что они с отцом накопили за долгую жизнь.

Богатый фонд отца и сына Гуляевых, хранящийся в ЦХАФАК пользуется большим спросом у исследователей. Продолжателем славного дела «смирнейшего архивариуса», как именовал себя Николай Степанович, стали работники краевого архива, известные на Алтае писатели-краеведы Пётр Бородин и Василий Гришаев.

Николай Степанович Гуляев похоронен на Нагорном кладбище рядом с отцом.

После строительства нового моста через Обь частично стесали гору – исторический фрагмент барнаульского ландшафта – были проведены большие работы по уположению склона методом террасирования. Тогда-то улица имени Н. С. Гуляева куда-то подевалась... А ведь она упоминается в различных справочных изданиях. Лишь на площади имени В. Н. Баварина, рядом с Музеем дорог Алтая и дорожной техники, возвышается – как напоминание о временах оных – отреставрированное здание купеческого дома постройки начала XX века, который стоял... на улице имени Н. С. Гуляева. Сейчас в этом доме расположен учебно-методический центр «Алтайавтодор».

Было бы замечательно, если бы администрация Барнаула уделила внимание данному историческому месту и приняла оптимальное решение: установить там памятный знак или назвать «потерянную» улицу именами видных сибирских учёных – отца и сына Гуляевых.

ПАМЯТЬ

Светлана ДЁМКИНА,
г. Славгород

ЧЕЛОВЕК УВЛЕЧЁННЫЙ

Иван Петрович Держсен (на фото), несмотря на свои 89 лет, ведёт активный образ жизни. Полон сил, чтобы с ранней весны до поздней осени работать у себя в огороде. В селе Шумановка Немецкого национального района, где живёт, он личность известная. В его доме вряд ли найдётся уютная современная мебель – большую часть пространства занимают многочисленные полки и стеллажи с книгами и фотографиями, газетными вырезками и папками о жизни и творчестве писателя, режиссёра и актёра Василия Макаровича Шукшина – это экспонаты передвижного клуба-музея «Калина красная», который основал Иван Петрович и которому посвятил без малого 20 лет своей жизни.

Родился он 2 июня 1923 года в селе Ново-Полтава Хабаровского района. В 30-е годы, когда в стране началась коллективизация, семья Держсен, где кроме Ивана подрастали ещё шестеро детей, переехала в село Шумановка, тогда Славгородского, а ныне Немецкого национального района. Здесь жили родственники Ивана по линии отца.

Родители сразу же устроились работать в колхозе, дети ходили в школу. После школы Иван поступил в педагогическое училище в г. Славгороде (сейчас Славгородский педагогический колледж). В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война и вся страна поднялась на борьбу с фашистскими захватчиками, Иван Держсен окончил училище. Однако последний выпускной экзамен он сдать так и не успел, был мобилизован в трудовую армию. Вместе с сотнями других ни в чём неповинных советских граждан немецкой национальности Иван Петрович попал в настоящий лагерь для заключённых, охраняемый вооружёнными солдатами. Изнурительная многочасовая работа, скудная еда, холодные бараки, куда приводили трудармейцев для короткого сна, в таких условиях Иван Держсен вместе с другими заключёнными строил дорогу от Барнаула до Кемерово, а потом работал на сталеплавильном заводе под Кемеровым.

Мало кто вернулся из трудовой армии живым. Ивану повезло, несмотря на то, что здоровье его было основательно подорвано тяжёлыми условиями труда, в которых он находился до 1954 года, он всё же вернулся домой.

После возвращения стал работать в Шумановке в колхозе. О том, чтобы закончить обучение уже и не думал. Однако никакие тяготы и лишения не смогли погасить в его душе стремления познавать новое и не остудили его увлечённости.

Позднее, когда в селе силами молодёжи был построен клуб, Иван Дерксен начал свой профессиональный путь в культуре. Сначала он работал в клубе. Тогда же начал увлекаться фотографией. Несколько лет спустя перебрался в с. Павловск, где работал фотографом в отделе по культуре.

В 1975 году один знакомый Ивана Петровича попросил его о помощи. «Он со своей семьёй перебирался тогда на Кубань – в небольшой городок Курганинск к своему брату, – вспоминает наш герой. – Он попросил меня помочь с переездом, а у меня в то время как раз отпуск был».

Так судьба забросила Ивана Дерксена на Кубань. В Курганинске он задержался... на 20 лет. Здесь он также работал в клубе фотографом. В это время Иван «подружился» с велосипедом, с которым с тех пор уже не расставался в течение всей жизни. На двухколёсном друге он объехал всю Кубань и все союзные республики, путешествовал по Средней Азии, был в Казахстане и Крыму, проехал до Астрахани и Архангельска. В путешествиях Иван Петрович много фотографировал. Более того, он сам смастерил кинопроектор и увлёкся киносъёмкой. В фильмах он пытался отразить красоту природы тех мест, где бывал, и людей, с которыми встречался в пути. Кстати, этот кинопроектор работает до сих пор.

В 1985 году в Алтайском крае в Сростках открывался музей В. М. Шукшина. Иван Петрович отправился на свою родину – на Алтай – с Кубани на велосипеде. Поездка в один конец заняла более месяца. И с тех пор к числу увлечений Ивана Дерксена добавилось ещё одно – жизнь и творчество его земляка.

Книги Василия Шукшина, газеты, повествующие о жизни и творчестве писателя и актёра, журналы с его повестями и рассказами, а также фотографии и фильмы о Шукшине с воспоминаниями его родных и друзей, которых в Сростках снимал сам Иван Дерксен, – все эти экспонаты составили коллекцию Ивана Петровича. С течением времени, найдя немало единомышленников, Иван Дерксен организовал Алтайскую краевую общественную организацию «Передвижной клуб-музей «Калина красная», с экспозициями которого он не раз принимал участие во многих мероприятиях в Немецком национальном районе, городах Славгороде и Яровое.

Диву даёшься, глядя на Ивана Дерксена, как, несмотря на столь преклонный возраст, можно оставаться таким деятельным и энергичным! Но ещё больше поражает доброжелательность и душевная щедрость этого человека, каждому он готов помочь, кому добрым словом или советом, а кому рецептом или лекарством от навалившейся хвори.

«Почему именно творчество Василия Шукшина вас так привлекает?» – спрашиваю у Ивана Петровича. Он с лёгкой улыбкой говорит: «Потому что он писал и делал кино о жизни, как она есть! Немногие деятели искусства предпочитают правду жизни». Суть шукшинского творчества, по мнению Ивана Дерксена, отражают слова Василия Шукшина: «Хочешь быть мастером, макай своё перо в правду. Ничем другим больше не удивишь».

...Жаль, что нет сейчас в живых такого талантливого писателя. Будь он жив, точно не прошёл бы мимо такого человека, как Иван Дерксен – инициативного и активного, увлечённого и честного.

КНИЖНЫЙ ФАРВАТЕР

Литературное обозрение

VII ЧЕБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

7 апреля в Тогульском районе состоялись VII Чебаевские литературные чтения.

Традиция чествования на Алтае известного писателя заложена, по сути, в 2000 году, когда Тогульской районной библиотеке было присвоено имя Николая Чебаевского, а в 2005 году на здании в Тогуле была установлена мемориальная доска, увековечившая память о писателе, и литературные чтения стали ежегодными.

Имя Николая Николаевича Чебаевского (1917-1989) никогда не забывалось его благодарными земляками. Книги Чебаевского, автора романов, повестей и рассказов о тогульской земле и людях района, «Полный вперед!», «Если любишь», «Пётр Круглов», «Страшная Мария» и по сей день с интересом читают и перечитывают на его малой родине. Подтверждением этому служит ежегодный районный конкурс «Мои любимые герои Чебаевского», который год от года становится все значимее в культурной жизни Тогульского района.

Большую роль в возрождении читательского интереса к творчеству Николая Чебаевского в крае сыграла краевая писательская организация, а также администрация, библиотекари Тогульского района и заведующая районным отделом культуры Людмила Соломникова, на энтузиазме которых стояли и стоят литературные чтения на тогульской земле.

В VII Чебаевских чтениях, которые в этом году проходили в селах Тогул и Старый Тогул, традиционно участвовала делегация литераторов из Барнаула: Юлия Нифонтова (директор Алтайского Дома литераторов), Галина Колесникова, Анна Самойлова,

Ирина Гонюкова, Надежда Митягина. В уютном зале районной библиотеки был проведен мастер-класс, на котором начинающие литераторы Тогульского района из объединения «Луч» делились своими скромными литературными опытами. Открытие VII чтений произошло в стенах Тогульской средней образовательной школы. Здесь блистали своими талантами жители района: литераторы, музыканты, певцы Виталий Аксёнов, Татьяна Климова, Карина Фролова, Юлия Сапрыкина, песенные коллективы района.

Сотрудники библиотеки Тогула подготовили поэтическую композицию на стихи местного поэта Виталия Аплетина. Гости из Барнаула читали свои произведения и в завершение своего выступления подарили в фонд районной библиотеки новые книги алтайских писателей. А музыкально-поэтический вечер «На двоих одна душа» творческого тандема поэтессы Юлии Нифонтовой и певицы Ванды Ярмолинской вызвал в зрительном зале районной музыкальной школы целую бурю позитивных эмоций.

Глава администрации района Анатолий Ральников вручил дипломы и грамоты победителям районного конкурса «Мои любимые герои Чебаевского». В день очередных Чебаевских чтений в Тогульском районе во всём чувствовалась атмосфера настоящего литературного праздника.

В следующем году состоится юбилейные литературные чтения, посвящённые 95-летию известного писателя – певца тогульской земли Николая Чебаевского.

Андрей ЛУШНИКОВ.

ПАМЯТИ ПОЭТА НИКОЛАЯ ЛАКТИОНОВА

«Планета людей. Четвёртая встреча» – под таким названием в р. ц. Ребриха 10 апреля прошёл концерт авторской песни и поэзии, посвящённый памяти Николая Лактионова и приуроченный ко дню рождения поэта. Почему «Четвёртая встреча»? Потому что «Третья встреча» – название его третьей книги стихотворений.

Открылся концерт литературно-музыкальной композицией в исполнении учеников Ребрихинской средней школы. Земляки услышали лучшие поэтические строки Николая Лактионова. Затем состоялся разговор об особенностях его творчества, который начали представители ребрихинского литературного объединения «Касмалинские зори» (руководитель – Зинаида Гасан) и подхватили гости – представители литературных объединений «Спектр» (г. Барнаул, руководитель – Елена Рябова) и «Берег» (р. ц. Шелаболиха, руководитель – Александр Рудыка). Дружбе, сотрудничеству литобъединений «Берег» и «Касмалинские зори» не один год. В этот день собравшиеся с удовольствием слушали стихи поэта Александра Рудыки, песни в исполнении Владимира Парахникова и лауреата бардовских фестивалей Веры Миллер.

«Спектр» в Ребрихе был впервые. Его руководитель Елена Рябова рассказала о своём знакомстве с поэтом Геннадием Пановым, который писал вступительную статью ко второй книге Николая Лактионова «Листоград»,

прочитала стихи из неё и свои стихи, а также представила зрителям члена литобъединения «Спектр» талантливого поэта Евгения Ермакова, который покорила присутствующих мастерством и неожиданными, яркими образами.

Концерт авторской песни и поэзии был организован комитетом по культуре и делам молодёжи администрации Ребрихинского района (председатель – Сергей Чикильдик) и районной библиотекой (директор – Светлана Рапцева), расцвечен яркими красками литературной студии «Алые паруса» (руководитель – Зинаида Гасан). В программе приняли участие начинающие поэты – школьники Настя Мишина, Катя Ледь, Лера Рыбакова, Кристина Никулина, Катя Ткачёва, порадовавшие земляков лирическими размышлениями. Тепло были приняты выступления представителей литобъединения «Касмалинские зори» Марины Ермоленко, Юрия Чабарова, Владимира Каширского, Дмитрия Казанцева, Светланы Емельяновой.

Украшением праздника, несомненно, стали песни в исполнении Александра Гончарова и Николая Астафьева, творчество которых давно любимо жителями Ребрихи.

Черкасовские, Пановские, Соболевские, Шумиловские, Мерзликинские, Чебаевские, Гушинские и другие чтения прочно вошли в быт горожан и сельчан нашего края. Вот и поэзия Н. Лактионова, зазвучав в новом формате, показала богатство земли алтайской на людские таланты.

Андрей СМЕРНОВ.

«НА СЧАСТЬЕ – РОДИТЬСЯ В РОССИИ...»

Борис Лукин, Поединок: Гражданская лирика. – Нижний Новгород, «Вертикаль. XXI век»; Москва, «Советский писатель», 2010 г. (Предисловие Олега Шестинского. Иллюстрации С. Харламова.)

Строка из новой книги Бориса Лукина «Поединок», вынесенная в заголовок статьи, в контексте культурно-историческом звучит сегодня как открытый вызов. В её ключе собираются в единое целое образ русского витязя на

суперобложке, название – смысловой код книги, и тексты – стихи, поэмы, эссе, дающие свободную проекцию размышлений о сегодняшнем дне России и бытии русского человека.

*Свет как свет, и мир как мир: не добрый
И не злой, во многом нам подобный.*

Но живём, не смея полюбить...

Конечно, автор рисковал, соединяя под одной обложкой произведения разножанровые и даже, пожалуй, разностилевые (что гораздо более рискованно). Но ведь и вся книга эта строится как поступок, глубоко продуманное действие. Наверное, в рамках рецензии нет смысла расшифровывать все смысловые коды. Но можно, на наш взгляд, отметить неоспоримое преимущество книжной культуры перед «виртуальной», электронной формой подачи литературного текста: книга являет собой материальную и смысловую цельность и целостность, в которой каждая деталь имеет своё значение. «Поединок» Лукина собирает вокруг текстового «ядра» несколько «оболочек» – используя заглавный образ книги, можно сказать – «доспехов».

Вот один из вызовов читателю: под суперобложкой с гравюрой С. Харламова – обложка с портретом самого поэта. Такое соотнесение можно прочесть как минимум в двух вариантах: как наложение образов поэта и витязя, сочетание времён – и как противостояние их. В этом случае название получает иное, более глубокое значение: поединок личностных ипостасей – вечной, глубоко национальной, и современной, повседневно-бытовой.

Устоять бы...

И по тропке

в горку,

с горки – вытерпеть...

Снег шершав, как хлеба корка.

«Сам хотел,

так вот тебе!» –

я шепчу.

Звезда морозит.

Тьма

с размаху

оземь бросит

тело и слова...

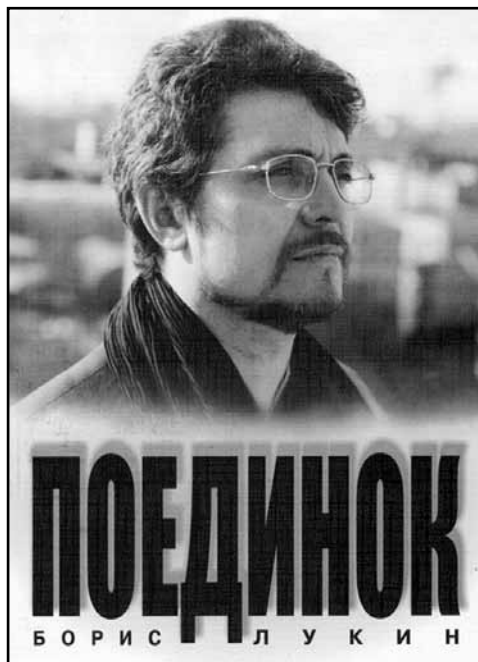
Ещё одной визуальной рифмой становится «полунегатив» фотографии поэта – на последней странице обложки он смотрит в ту же сторону, куда глядит витязь. Эту «рифму» можно понять и принять как ключ к пониманию авторского замысла.

Книга сложилась из стихов как новых, так и уже опубликованных – это прежде всего гражданская лирика малой и крупной (поэмы) формы. Её тон подхватывает эссе, в том числе и о Сергее Харламове, чьми работами оформлен «Поединок», авторское интервью с Захаром Прилепиным и краткий очерк о встречах с Олегом Шестинским. Само собрание определённых текстов под одну обложку продиктовано целью сфокусировать речь на главном: на поединке человека со временем, с обстоятельствами, с тем, что обобщённо называется «судьба». Не случайно Лукин говорит, что в этом поединке «Всем Бог даёт – по силам...» – происходящее сегодня с нами – страной, с народом – порой представляется необратимо трагическим, непреодолимым...

Личное понимание непреходящей исторической драмы и со-участие собственной жизнью в роковых (одновременно страшных и прекрасных) временах раздвигает пределы книги, переводя диалог в пространство реальной жизни, в которой из бесконечно многого и очень разного знания сегодня нужно выбирать только жизнеобразующее и жизнеспасающее.

«– Представь себе, что раз от разу ... человек сидел у огня в крещенские морозы и выбирал, чем сегодня будет согревать дом, на чём готовить детям еду, т. е. какие книги будут сожжены сегодня для поддержания жизни...»

Эта очень жёсткая картина – в нашем понимании достаточно прозрачная метафора неотвратимого выбора, который

стоит перед каждым мыслящим, своё бытие в мире осознающим человеком: выбрать для себя и своих детей в духовном мире главное, необходимое, насущное как хлеб.

Приведённая метафора прямо противоречит ставшим уже привычными установкам: абсолютной ценности информации, безусловного доверия печатному слову... И об этом прямо говорит сам автор:

«Банально, но каждый день перед человечеством стоит лишь одна задача – выжить и бороться не за телесное своё существование – за духовное. Как бы научиться видеть самое важное, вдохновляющее на победу – даже через смерть, напоминающее, что сегодняшнее, может и тяжёлое, состояние – временно, что впереди – настоящее, вечное, туда не протаскать словесную и телесную нечистоту...»

Вот и отбиралось из написанного на первый взгляд мозаично, но на пристальный – насущно... Удивительно, но резкие переходы от стихов к прозе и от лирики к публицистике, а иногда – от повествования к его прямой поэтической

иллюстрации, так же как очевидные отступления от строгих требований поэтического размера и рифмовки, чётко работают на главную мысль. Во времена доминирующей, главенствующей, диктующей формы принципиальный отказ от её совершенства – возможно, самый короткий путь к тому самому, часто простому, но столь необходимому смыслу?

Время ходики кольшет,

На душе озноб.

Не понять всего по книжкам,

Если видеть не дано...

Книга оставляет ощущение живого реального монолога, в котором есть и дневниковая откровенность, и поэтические эмоциональные взлёты. Закована в сонетную форму поэма «Междуречье», житийная поэма «Чернец», – всё объединяется пафосом публициста и воина. Так создаётся философская основа книги.

Чрезвычайно привлекательна, причём в равной степени для единомышленников и оппонентов поэта, чёткая авторская позиция по отношению к одному из самых, пожалуй, болезненных сегодняшних наших вопросов – к «русскому вопросу». Именно он заставляет автора уходить в глубь истории, обращаться к исповедальному дневнику, возвышать голос в полемике. Этот вопрос всегда в фокусе внимания, но подходы к нему автор ищет с самых разных сторон.

Снять с «русского вопроса» наслоения разного рода спекуляций и попытаться получить для себя прямой и ясный ответ сегодня, кажется, уже невозможно. Но автор убеждает в обратном: нет, можно, но только выйдя на битву, на поединок – с кем? Вернее всего – с самим собой. Ведь ответ на этот вопрос сокрыт в душе каждого человека, ощущающего себя кровно причастным к великой культуре и лично переживающего её трагические коллизии.

Парадоксальная точность поэзии Лукина в том, что это ощущение больше всего прорывается в личном, обращённом к детям:

– Папа, чёрные барашки
Топчут белые луга.
Папа, а тебе не страшно?
– Где, сынок, твоя рука?

...Речка воду наперёд
Черпает в глуши.
Так и я, который год,
По-за край души.

Болевое проживание состояния «по-за край», стремление вернуться самому и вернуть жизнь в её вековое русло, ощущение личного долга перед страной и историей – вот, на наш взгляд, смысл поединка и «Поединка»:

Когда-нибудь века страданий
вернут простой и вечный смысл
ещё не названному знанию,
что называем долгом мы.

И пусть поединок ещё длится, и завершится не скоро, но как торопились русские солдаты со всех войн, изо всех битв к своей земле, так и поэт видит в этом главный смысл чаемых побед:

Понимаю всё... и с этой болью
по утрам иду траву косить;
избираю прежнюю неволю:
снега ждать и дождика просить...

Нина ЯГОДИНЦЕВА,
г. Челябинск.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОБОР В ДОМЕ ПИСАТЕЛЯ

Идея проведения встречи для обмена опытом работы городских и районных литературных объединений (кафе, салонов, студий) давняя. Первый шаг в этом направлении сделал Владимир Свинцов, когда собрал под крышей Дома писателя литературный клуб «Беловодье» и литературное объединение «Спектр», которые в дальнейшем поддерживала Галина Колесникова, а затем и Валерий Тихонов, организовавший ещё и работу краевой школы-студии «Обские волны»: руководители – Иван Мордовин (поэзия) и Сергей Ключников (проза).

Благодаря такому вниманию начинающие поэты и прозаики получили возможность быть причастными к работе Алтайской краевой организации Союза писателей России (АКОСПР), присутствовать, а иногда и выступать на презентациях книг, вечерах памяти, творческих встречах. Мы рады, что члены Союза писателей России Галина Колесникова, Иван Мордовин, Сергей Ключников, Владимир Коржов, Валерий Тихонов бывали на занятиях и творческих встречах литературного объединения «Спектр», литературного

клуба «Беловодье». В результате такого внимания подборки стихотворений Юрия Малых, Евгения Ермакова, Валентины Новичихиной, Валентины Крюковой, Нины Скворцовой и других публиковались в журнале «Барнаул», а сборники членов литобъединений стали выходить под редакцией мастеров слова.

Процесс знакомства литературных объединений в крае долгое время проходит на местном уровне. Так, например, в течение нескольких лет периодически встречаются на литературных перекрёстках в Павловске члены литобъединений «Берег», «Касмалинские зори» и «Радуга» (р. ц. Павловск, руководитель – Ирина Сливцова). В гостях у литобъединения «Истоки» (г. Горняк руководитель – Алла Балабина) побывали представители литобъединения «Прометей» (г. Рубцовск, руководитель – Сергей Лазарев). В 2011 году члены литобъединения «Спектр» (г. Барнаул, руководитель – Елена Рябова) побывали в гостях у литобъединений «Берег» и «Диалог» (г. Новоалтайск, руководитель – Наталья Реброва). В Барнауле гостили в разное время представители литобъединений «Старт» (г. Рубцовск, руководитель –

Ольга Такмакова) и «Парус» (г. Бийск, руководитель Дмитрий Шарабарин). Кстати, в том числе и в результате таких контактов в журнале «Барнаул» были опубликованы их большие коллективные подборки стихотворений: к 70-летию «Паруса», к 10-летию «Старта», а также к 10-летию литобъединения «Творчество» (г. Славгород).

Поэтому логичным продолжением этого процесса стал общий сбор литературных клубов, кафе, объединений, который 17 апреля прошёл в конференц-зале Дома писателя (ул. Анатолия, 102). В нём приняли участие 14 коллективов из девяти городов и районов края. Все организационные вопросы и ведение мероприятия взяло на себя литобъединение «Спектр».

На сборе присутствовали ответственный секретарь АКОСПР Сергей Бузмаков, главный редактор журнала «Барнаул» Валерий Тихонов, Галина Колесникова, Владимир Коржов.

Песни на стихи собравшихся исполняли барды Ирина Швенк, Сергей Свирин, Виктор Муравлёв, Владимир Родионов, Александр Рудыка и певица Ванда Ярмолинская.

Литературный сбор открыл Валерий Тихонов. Затем руководители литобъединений рассказывали о своих коллективах, читали стихи, делились насущными проблемами.

Общая, как выяснилось из выступлений, проблема – отсутствие методической литературы по теории стихосложения и методике редактирования, а также редкие встречи с мастерами слова, отсутствие мастер-классов. Наши известные писатели участвуют в Черкасовских, Пановских, Шумиловских, Мерзликинских и других чтениях. К сожалению, их формат не предполагает литературной учёбы (невольно вспоминается чрезвычайно популярный в советское время журнал «Литературная учёба»).

В своём выступлении Галина Колесникова сказала, что с удовольствием будет помогать районным литобъединениям в проведении мастер-классов и в редактировании сборников. Руководитель литобъединения «Истоки» Алла Балабина рассказала о том, что есть образец такого сотрудничества – их второй коллективный сборник стихотворений заиграл новыми красками после того, как его отредактировала член Союза писателей России Ольга Гришко.

Хорошим качеством всегда отличаются авторские и коллективные сборники литобъединения «Парус» в том числе и потому, что их редактируют члены Союза писателей России, вышедшие из рядов «Паруса».

Кроме основной проблемы есть и свои, не менее важные и животрепещущие. Все согласились с тем, что одним из способов решения проблем могут стать гранты. Так, например, на средства такого гранта члены литобъединения «Диалог» издали коллективный сборник стихотворений. Большим подспорьем может стать сотрудничество литобъединений с комитетами культуры городов и районов. Об эффективности такой формы работы говорили представители литобъединения «Касмалинские зори»: «Сергей Карпович Чикильдик с пониманием относится к деятельности начинающих поэтов и прозаиков. Он по возможности помогает в организации литературных мероприятий. В частности, оплатил нам эту поездку в Барнаул».

У литобъединений есть опыт проведения интересных мероприятий. Например, в сёлах и городах идёт постоянная пропаганда творчества писателей Алтайского края. Жители края узнают о своих талантливых земляках, слушают их песни, читают их стихи и прозу в периодике и отдельных книгах. Всё это способствует духовному росту сельчан и горожан, формирует у молодёжи эстетический вкус, решает проблему досуга.

Встреча литобъединений края стала важным событием для каждого его участника. Люди познакомились и пообщались, получили возможность оценить уровень своего творчества, обсудили интересные формы работы, которые впредь смогут использовать у себя в районе или городе. Но самое главное, они поняли, что получают поддержку и консультацию у признанных мастеров слова.

В наших ближайших планах – провести краевое совещание руководителей литобъединений и руководителей комитетов (отделов) культуры районов и городов с целью организации планового сотрудничества, например регулярных литературно-музыкальных отчётов (возможно, в форме конкурсов с последующим награждением в номинациях «Лучшее стихотворение», «Лучшая

песня на стихи местного поэта», «Лучший рассказ», «Лучшая литературно-музыкальная композиция»). И ещё, мы решили подготовить и издать коллективный сборник стихотворений руководителей литобъединений края.

Эта встреча стала полезной для всех её участников. Главная цель – знакомство и обсуждение хотя бы общих тем и вопросов – была достигнута. Недостатки в организации и проведении состоявшегося литературного сбора будут учтены, географические рамки расширятся, появятся новые формы работы. Надеемся, что Алтайская краевая организация Союза писателей России и впредь будет доброжелательна по отношению к литобъединениям.

*Елена РЯБОВА,
руководитель краевого
литобъединения «Спектр».*

«МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА АЛТАЯ-2011»

Есть традиции, забывать о которых, скажем мягко, негоже. Для Алтайской краевой организации Союза писателей России в ряду таких традиций особняком стоит проведение краевого семинара молодых литераторов. Именно краевые семинары молодых начинающих авторов открыли для читателей имена известных впоследствии писателей, таких как Евгений Гуцин, Николай Черкасов, Леонид Ершов, Людмила Козлова, Владимир Башунов, Георгий Рябченко, Владимир Свинцов, Иван Булах, Сергей Ключников, Галина Колесникова, Иван Мордовин, Александр Зуев...

Традиционно с далёких уже шестидесятых годов прошлого века один раз в два года проводятся подобные встречи. Сознательно избегаю казённого слова «мероприятие», поскольку как раз казёнщины и хотелось избежать, когда началась подготовка к нынешнему семинару.

Прежде всего решением Совета писательской организации вернулись мы к изначальному смыслу семинара молодых литераторов. И поэтому вновь возвращён возрастной ценз: в семинаре могли принимать участие авторы не старше тридцати пяти лет. Два года назад, к примеру, среди двенадцати участников семинара, заявленных в секции прозы, только трое (!) были младше пятидесяти лет. Остальные – милые бабушки и дедушки, с выходом на пенсию осознавшие, видимо, что великой русской литературе без их творчества ну никак не прожить. Почти такая же анекдотичная ситуация сложилась на тогдашнем семинаре и среди «начинающих» поэтов.

Второй момент. Удалось провести значительное обновление среди руководителей семинара. До этого, так уж получалось, одни и те же писатели читали, рецензировали, обсуждали и выносили свои вердикты... На сей раз из девяти руководителей только трое участвовали в прошлом семинаре. Более того, получи-

лось привлечь для руководства семинаром писателей не только авторитетных и значимых своим творчеством, не только находящихся в приличной творческой форме, но и исповедующих, при одинаковом уважительном отношении к русской литературе и русскому слову, разные эстетические установки. Благодаря этому обстоятельству и приняли участие в семинаре, решились предложить свои рукописи для обсуждения и критики (как без неё-то на семинаре?) молодые, но уже «широко известные в узких кругах» литераторы.

Рукописи поступали в течение полугода месяцев после объявления о предстоящем семинаре молодых литераторов Алтая. Рукописи (как в классическом бумажном, так и в электронном виде) поступали со всех концов нашего края. Много было рукописей от школьников и студентов. Много было рукописей откровенно слабых, которые «забраковывались» на первом, предварительном этапе.

В результате было отобрано, или, выражаясь языком спортивных комментаторов, допущено в финал, 35 рукописей молодых прозаиков и поэтов. Руководители семинара имели в запасе как минимум неделю для того, чтобы внимательнейшим образом прочитать отобранные рукописи.

Семинар начинался своеобразной прелюдией. Накануне в главной краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова состоялся творческий вечер одного из руководителей семинара – омского поэта Юрия Перминова, а также презентация книг литературной серии «Сибирская библиотека», изданных в ОАО «Алтайский дом печати». У приглашённых на творческий вечер известного поэта семинаристов, таким образом, была возможность воочию не только познакомиться с незаурядным творчеством Юрия Перминова, но и убедиться, что Юрий Петрович и просто хороший человек.

Семинар был организован по инициативе Алтайской краевой писательской организации, при поддержке управления администрации Алтайского края по культуре и архивному делу и краевого автономного учреждения «Алтайский дом литераторов». Молодёжный литературный форум проводился в этом году за счёт краевого гранта, который выиграла писательская организация.

В двухдневной (семинар проводился 23-24 апреля) программе было заявлено две секции поэзии и одна прозы. Руководили семинаром известные в крае литераторы, которые за свою качественную работу получили (что, согласитесь, немаловажно) денежные гонорары.

Главный редактор журнала «Алтай» Станислав Вторушин, Анатолий Кирилин и редактор интернет-журнала «Пикет» Андрей Лушников обсуждали рукописи двенадцати начинающих прозаиков.

Иван Мордовин, Валерий Котеленец и Дмитрий Шарабарин творчески руководили одной секцией поэзии.

Юрий Перминов, Людмила Козлова и Михаил Гундарин чутко верховодили во второй секции молодых поэтов.

Было много споров, много разногласий – искалась истина. Было много и... радости, да, да, настоящей радости, которая всегда сопутствует искреннему, взаимообогащающему общению.

Приведу, дабы не быть многословным, лишь два мнения о семинаре.

Поэтесса Александра Малыгина: «Все рукописи были добросовестно вычитаны руководителями, так что говорили все по делу и не о сиюминутных впечатлениях. Участники семинара тоже время от времени высказывались, что было приятно и значительно оживляло происходящее. Людмила Максимовна Козлова, как мне показалось, подготовила добросовестные рецензии на каждую из

рукописей. Честь ей и хвала! Хотя с некоторыми её оценками я бы не согласилась. Юрий Петрович Перминов оказался вполне адекватным и интересным рецензентом. Давал вполне конкретные советы, в чём снискал поддержку Михаила Вячеславовича Гундарина. А ведь они такие разные поэты! Наши семинаристы быстро сошлись, обменялись координатами. Наши впечатления от семинара в основном положительные».

Прозаик и поэт Константин Гришин: «Я по причине своей сверхлюбопытности был на двух студиях поэзии, а также обсуждался (страшно переживая перед этим!) на секции прозы. Мне показалось, что страсти особо кипели у поэтов – судьи были слишком строги.

А вот прозаики показались мне людьми спокойными, доброжелательными ко всем. Тем не менее, все члены жюри хорошо подготовились к семинару, баловали нас литературоведческим анализом и неожиданными изгибами критической мысли. Импровизировали. Видно, что состав жюри подобран грамотно.

Я считаю, что семинар – это демонстрация искусства поэтического и критического (со стороны жюри).

Реальную пользу молодым поэтам он не приносит, потому что природа человеческая косна и её трудно чему-то научить. Но дай бог, чтобы некоторые поверили маститым поэтам и выбросили свои слабые стихи в урну. Я уже сделал так».

По мнению руководителей семинара, наиболее интересные рукописи (некоторые из них будут опубликованы в краевых журналах) представили Мария Райнер, Елена Ожич, Константин Гришин, Владислав Пасечник, Иван Образцов, Лада Чицова, Евгений Егофаров, Александра Малыгина, Дмитрий Щербаков, Елена Большакова, Наталья Пшеничникова, Виталий Пастухов.

Добавлю, что по итогам семинара планируется издание книги с лучшими произведениями участников молодёжного литературного форума «Молодая литература Алтая-2011» – именно так официально назывался этот, прошедший без помпезности и официоза, зато живо и интересно, краевой семинар молодых литераторов Алтайского края.

*Сергей БУЗМАКОВ,
ответсекретарь Алтайской
краевой организации
Союза писателей России.*

КНИГИ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИХ КАПИТАНОВ

Есть книги, интерес читателей к которым держится исключительно на возвращении в детство (например, «Капля росы» Владимира Солоухина). Какое это счастье – возвратиться в собственное детство, юность! Ни за какие «коврижки» не купишь это счастье снова ощутить себя 14-летним капитаном, открывающим глаза на бесконечный мир. А – вот!

Книги прозы Владимира Коржова (приходится уточнять, потому что Коржов, разумеется, в первую голову поэт, автор четырёх поэтических книг) сни-

скали любовь и внимание читателей во многом именно поэтому. Да вот письмо одного из таких «капитанов»: «Недавно, встречая традиционно задержавшийся рейс в одном из подмосковных аэропортов, неожиданно обратил внимание на кем-то оставленную на кресле тоненькую книжку в синей обложке. Владимир Коржов! Что-то щёлкнуло в глубинах памяти. Взял книжку, перелистал и обмер... Эта книжка оказалась «входным билетом в машину времени!»

С первых же страничек, написанных добротным, доходчивым и одновремен-

но красочным языком, я переместился на полвека, в мою юность! Замелькали знакомые места, знакомые имена, давно забытые лица, я постепенно погружался в прошлое. Вспомнил и автора, моего бывшего соседа по улице Чехова – худощавого русоволосого юношу с серьёзными серыми глазами, вспомнил наши литературные семинары в старом двухэтажном деревянном домишке...»

И так далее. Словом, эффект узнавания, погружения в ювенальные годы и мгновенно вспыхивающая благодарность к автору, вернувшему детство и юность. Отсюда и триумфальное, скажем так, шествие первых трёх томов лирико-биографических, как их называет сам Владимир Коржов, очерков к читателю.

На той же биографичности, передаче точных примет времени построена и новая книга Коржова «Записки спасателя», вышедшая в той же «синей серии», что и «Окраины». С особой, я бы сказал, нежностью оформляемой талантливым книжным графиком Александром Карповым – в уже узнаваемой романтической и одновременно строгой обложке. (Половина, может быть, успеха серии – на

совести художника, да. Тоже барнаульца и поэта.)

Но вот что удивительно и странно. Я-то, например, прожил своё детство далеко от Барнаула и уж точно никаким боком не принадлежу к «речным волкам», матросам и спасателям, с младенчества живущих у большой реки, взрослеющих с нею и связывающих потом с ней свою судьбу. Но, как и земляки Коржова, с тем же восторгом я волшебным образом узнаю себя среди жителей окраин, ловлю с ними дрова на Барнаулке, выхожу в улочки Приречья, где

*...бродячий пёс лежит как барин
И лапой трогаёт речей.*

То есть дело не только в точности примет. В чём-то другом – что делает тексты Владимира Коржова универсальным «билетом в машину времени».

Это – художественная сторона «Записок» (всего, впрочем, цикла – как-то не хочется отделять новую книгу автора от прежних). Есть и другая, и неясно, какая из них важнее. Проза Коржова – это уникальный документ, составленный мало что человеком, безусловно, одарённым, но и человеком, досконально знающим предмет. «Записки спасателя» написаны директором школы ОСВОДа, водолазом, спасателем чёрт знает какой квалификации – у него, уже отошедшего от дел, громадный авторитет среди обской подводной и надводной братии. Мало чьё слово в этих кругах ценится так, как слово бывшего хулигана с улицы Чехова, ставшего интеллигентом и поэтом. И докой, профессионалом в деле, в котором трусам и профанам («фофанам») – словами героев книг Коржова) делать нечего.

По форме «Записки спасателя», как и предыдущие книжки «синей серии» (только сейчас подумал и понял – а почему они синие-то? – река!), – это сборник новелл, или очерков. В которых автор растёт у реки, а потом становится взрослым и впрягается во взрослые игры всерьёз: тягает из Оби «жмуров», собачится с начальством, попадает в разные

истории. Как всегда, много исторических деталей. Много стихов.

По сути, я и журналист Геннадий Шульгин (это его письмо я процитировал выше) о прозе Владимира Коржова уже сказали.

О недостатках (раз уж я пишу рецензию).

Писатель Владимир Коржов слишком честен. Качество, которого может быть слишком много у человека, может, тем не менее, мешать писателю. Коржов будто поклялся говорить правду, только правду, и выполняет эту клятву даже в ущерб тексту. О чём я? Те, кто жил в семидесятые-восьмидесятые, прекрасно знают, что ни одно дело тогда не обходилось без скрепления его портвейном (часто – ещё

до начала дела, порой – вместо дела). Но люди были крепкие, и большинству как-то удавалось совмещать портвейн с профессией и долгом. Спасатель Владимир Коржов честно пишет, как оно было на самом деле. Это снижает тему, ничего не добавляя в неё нового. В новом издании книгу Владимиру можно почистить. Хотя бы в память о 14-летних капитанах, вечно юных, вечно чистых в помыслах.

Со временем ценность книг Владимира Коржова будет только возрастать. Не оставляйте их в случайных аэропортах! А поставьте-ка вы их на полку, где стоят дорогие сердцу книги. Они пригодятся вашим детям, внукам – будущим 14-летним. Подарите им билет в машину времени.

Евгений СКРИПИН.

«КТО СКАЗАЛ, ЧТО НАДО БРОСИТЬ?..»

27 апреля редакция журнала «Барнаул» первую презентацию первого в этом году номера посвятила 66-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Не случайно традиционная встреча с читателями состоялась на родине легендарного конструктора стрелкового оружия Михаила Тимофеевича Калашникова – в районном центре Курья Алтайского края.

По предложению председателя комитета администрации Курьинского района по культуре Евгения Филоненко встреча была организована и проведена под символическим названием «Кто сказал, что надо бросить?..». Да, это реплика из любимого многими поколениями кинофильма «В бой идут одни старики». Помните, конечно: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? / После боя сердце просит музыки вдвойне!» Будучи недосказанной, реплика становится не только символической, но и многозначной – именно на это обращали внимание собравшихся приехавшие писатели, например: кто сказал, что надо бросить продвижение в обществе лучших достижений культуры и литературы?..

Евгений Филоненко известен землякам и как поэт – его стихи публикуются в краевой периодике, он автор книги стихотворений «Дорога за околицу» (литературный фонд «Август», 2007 г.), за которую в 2009 году был удостоен краевой премии имени А. С. Пушкина; и

Фото на память с участниками встречи.

как автор-исполнитель – его песни звучат на различных концертных площадках, он постоянный участник краевого фестиваля авторской песни «Поющий август», который в начале августа ежегодно проходит в ДК «Строитель» города-курорта Яровое.

И это ещё не всё. Евгений Филоненко – давний автор журнала «Барнаул», а в презентуемом № 1 представлена большая подборка его стихотворений (и почти половина – о сороковых-роковых). Так что он был полноправным участником презентации.

Открывая встречу, директор Центральной библиотеки Курьинского района Светлана Овчарова приветствовала гостей из столицы Алтайского края: Валерия Тихонова – главного редактора журнала «Барнаул», Александра Карпова – художественного редактора, Сергея Ключникова – редактора отдела прозы.

Вкратце она рассказала о ходе просветительской работы, которую ведёт вверенный ей коллектив, а также о двух больших событиях: в этом году в рамках губернаторской программы «75 x 75» (строительство или капитальный ремонт 75 учреждений образования и 75 учреждений культуры Алтайского края) в Курье будет сдан в эксплуатацию районный Дворец культуры и начата капитальная перестройка нынешнего здания Центральной районной библиотеки, бывшей

в своё время зданием местной школы, в которой с 1927-го по 1930 год учился дважды Герой Социалистического труда, генеральный конструктор стрелкового оружия М. Т. Калашников (**фото памятника ему в р. ц. Курья на стр. 142**). Конечно, в двух этих учреждениях будет где приложить свои силы библиотекарям.

Валерий Тихонов начал своё общение с собравшимися со слов благодарности в адрес администрации района – за приглашение приехать, за то, как делегацию журнала «Барнаул» встретил-приветил (автобусом от Барнаула до Курьи почти пять часов езды) председатель комитета по культуре Евгений Филоненко, за то, что библиотекари подготовили основательную выставку из номеров журнала и книг приехавших писателей. Далее вкратце он рассказал о 18-летней истории «Барнаула», об авторах и рубриках журнала, об особенностях его будущих номеров.

В таком же ключе выступали Александр Карпов и Сергей Ключников, акцентируя внимание собравшихся на определённые особенности журнала – его художественное оформление и публикации прозы. Двухчасовая встреча была не только деловой – со своеобразным отчётом редакции перед читателями, но и формой радушного общения – вопросов-ответов с обеих сторон было очень много. При этом особое внимание

стороны уделяли публикациям на тему Великой Отечественной войны. Так, например, почти весь № 1 «Барнаула» за 2010 год посвящён 65-летию Великой Победы, есть в нём и статья о жизни и деятельности М. Т. Калашникова, а в № 1 этого года пять публикаций посвящены военной теме.

Концепция встречи, заложенная в название – «Кто сказал, что надо бросить?..», была не только весьма актуальна, но и многогранна. Вот почему в финале общения по просьбам читателей свои стихи прочитали Евгений Филоненко, Сергей Ключников и Валерий Тихонов, а Александр Карпов, известный в Алтайском крае как автор-исполнитель, представил несколько своих песен.

Завершилось всё тем, что редакция передала в дар библиотеке большой книжно-журнальный комплект и оставила автографы на титульных страницах

первых номеров «Барнаула» за прошлый и нынешний годы.

Затем для редакции журнала была проведена блиц-экскурсия в маленькое здание районного краеведческого музея. ... Блиц-экскурсия – потому, что в этот день там был выкрашен пол в комнатке, посвящённой М. Т. Калашникову...

А реставрация и обустройство мемориального здания музея знаменитого на весь мир Михаила Тимофеевича Калашникова непременно осуществляются. Музей будет работать в статусе государственного учреждения. И в этом нет никаких сомнений, потому что данный проект (так же как музеи В. М. Шукшина в Сростках, Г. С. Титова в Полковниково и другие учреждения культуры и образования) находится под личным контролем губернатора Алтайского края Александра Богдановича Карлина.

Андрей СМЕРНОВ.

«ТАКИМИ ОНИ БЫЛИ»

28 апреля в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) состоялся вечер памяти писателей-фронтовиков, членов Союза писателей России Анатолия Пантелеевича Соболева (1926-1986) и Александра Васильевича Гусева (1921-2010) – в этом году исполняется 85 лет со дня рождения Анатолия Пантелеевича и 90 лет со дня рождения Александра Васильевича.

Названием вечера в ГМИЛИКА и этого репортажа послужила книга А. В. Гусева «Такими они были», изданная в Барнауле в 2005 году к 60-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

А. В. Гусев родился в городе Омске. 7 июля 1941 года, после окончания Томского медицинского училища и получения диплома стоматолога, призван в действующую армию. Операционные палатки госпиталей стали боевым постом молодого лейтенанта медицинской

службы, проводившего очень сложные челюстно-лицевые и другие операции в полевых условиях... Демобилизован из армии в 1947 году в Порт-Артуре. Первые стихи Александра Гусева публиковались в армейских газетах. Вернувшись в Томск, он работал зубным врачом в городской поликлинике № 3, отдав этой профессии более 20 лет жизни. В 1987 году, будучи на пенсии, он переехал в Барнаул, где прожил до конца своей жизни. Александр Васильевич – автор 10 книг поэзии и прозы, изданных в Томске, Новосибирске, Бийске, Барнауле. Он лауреат краевых премий имени В. В. Бианки (2004 г.) и Демидовского фонда в номинации «Литература» (2007 г.).

О том, что произведения писателей-фронтовиков, статьи об их жизни и творчестве и репортажи о литературных чтениях периодически публикуются на страницах журнала «Барнаул», рассказал его главный редактор Валерий Тихонов: «Нас радует, что библиотекари и учителя

русского языка и литературы используют наши публикации при подготовке уроков и литературных вечеров в школах и библиотеках».

Своими размышлениями о творчестве писателей-фронтовиков поделились поэты Галина Колесникова и Иван Образцов.

В 2003 году в «Алтайском доме печати» вышла книга стихотворений Александра Гусева «Откровенность». Об этом издании на вечере говорил редактор этой книги и автор предисловия Александр Зуев. Он же готовил к изданию и его книгу прозы «Беспокойные», изданную в 2009 году в серии «Городская библиотека», в которую вошли рассказы о мальчишках – будущих защитниках Отечества, а также повесть «Этого не забыть» – о событиях Великой Отечественной. Александр Зуев, в частности, рассказал, что Александр Васильевич Гусев, будучи студентом Литературного института имени М. Горького, учился в семинаре великого русского писателя Л. М. Леонова: «...Между Александром Васильевичем Гусевым и Анатолием Пантелеевичем Соболевым есть родственные связи – в произведениях того и другого удивительные герои, точное описание природы. Их книги интересны и детям и взрослым.

Кстати, А. В. Гусев, с детства увлекаясь рыбалкой, прислушивался к голосам птиц и с завидной точностью воспроизводил их пение».

На вечер, посвящённый памяти писателей-фронтовиков, приехала делегация из Смоленского района во главе с первым заместителем главы администрации района Михаилом Эвальдовичем Мух (на фото – в ГМИЛИКА с писателями). В своём выступлении он сказал: «С 1987 года в райцентре Смоленское по инициативе администрации Смоленского района и Алтайской краевой организации Союза писателей России проводятся Соболевские чтения, в 2001 году получившие статус краевых. По времени проведения они совпадают с Шукшинскими чтениями. За эти годы в Соболевских чтениях приняли участие многие известные российские писатели и актёры...»

Выступая, директор музея Ольга Михайловна Казанина продемонстрировала фотографии из фондов музея, многие из которых сделаны во время Великой Отечественной войны. На вечере прозвучал отрывок из повести А. П. Соболева «Пролог после боя» и аудиозапись песни «Ты так хотел на родину вернуться» (авторы – поэтесса М. Тазина и ком-

позитор А. Ф. Лобанов), посвящённой А. П. Соболеву.

С большим интересом собравшиеся слушали воспоминания об Анатолии Пантелеевиче жительницы села Смоленского, заслуженного работника культуры России Кацубиной Раисы Степановны. Они познакомились в 1979 году, когда писатель с женой Г. Г. Васюковой приехал на свою малую родину: «...Встречаясь с односельчанами, он всегда охотно

рассказывал о своём творчестве, дарил свои книги. В настоящее время традицию встреч с читателями Смоленского района продолжают писатели Алтайского края».

Вниманию гостей и участников встречи была представлена выставка о жизни и творчестве А. В. Гусева и А. П. Соболева.

*Елена ИШУТИНА,
завотделом истории просвещения
и литнаследия ГМИЛИКА.*

ВЛАДИМИР СВИНЦОВ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

5 мая редакция литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул» и библиотека «Город» провели вечер памяти известного писателя и общественного деятеля В. Б. Свинцова.

Владимир Борисович Свинцов (18.08.1938-14.08.2008) – член Союза писателей России, автор более пятидесяти книг прозы, заслуженный работник культуры России, руководитель Алтайской краевой организации Союза писателей России (1996-2004 гг.), лауреат семи краевых и трёх всероссийских литературных премий, главный редактор журнала «Барнаул» (2000-2008 гг.), книжной серии «Городская библиотека» (2005-2008 гг.), краевого издания для рыбаков и охотников «Алтайская клёвая газета»...

Открывая вечер, директор библиотеки «Город» Ольга Колбышева поделилась своими воспоминаниями-размышлениями о Владимире Свинцове и представила вниманию собравшихся выставку книг и публикаций писателя в краевой, региональной и центральной периодике.

Ведущий вечера Валерий Тихонов – главный редактор журнала «Барнаул» и литературного фонда «Август» – обратил внимание собравшихся на то, что вечер памяти Владимира Свинцова выпал на следующий после Родительского дня день: «...Для многих писателей Алтайского края

Владимир Свинцов был не просто старшим другом по жизни, но и старшим братом по литературе. Более того, многие его называли и называют литературным крёстным – за душевную и деятельную помощь».

По ходу общения, делясь своими воспоминаниями-размышлениями о многогранной личности Владимира Свинцова и демонстрируя его фотографии на экране, Валерий Тихонов предоставлял слово участникам вечера памяти: членам Союза писателей России – поэтессе Галине Колесниковой и прозаику Сергею Боженко, редактору отдела поэзии журнала «Барнаул» Ивану Мордовину и редактору отдела краеведения Владимиру Коржову; начинающим писателям, лауреатам краевой литературной премии имени В. Б. Свинцова (2009 г.) – прозаикам Виктору Бычкову (в номинации «Братья») и Андрею Лобастову (в номинации «Родина»); барнаульским учителям русского языка и литературы Светлане Каравасовой (лицей № 121) и Татьяне Кулешовой (лицей № 129), а также её ученику Александру Гаргосову, представившему собравшимся свою исследовательскую работу по творчеству В. Свинцова; автору ряда опубликованных статей о характерных особенностях свинцовских произведений Лилии Исаковой...

В течение почти двух часов звучали воспоминания-размышления и стихи, посвящённые В. Свинцову **(на фото участники вечера памяти).**

В завершение встречи Ирина Свинцова, дочь писателя и председатель оргкомитета открытого литературного конкурса имени В. Б. Свинцова, поблагодарила всех собравшихся за столь пристальную и душевную память о её отце.

Отвечая на вопросы, она отметила, что уже второй месяц жюри, в составе которого представители Алтайской краевой организации Союза писателей России, филологи и журналисты, издатели и общественные деятели, принимает к рассмотрению опубликованные в периодике произведения в жанре рассказа, а также изданные в авторских книгах и коллективных сборниках (период выхода из печати с августа 2010-го по июль 2011 г.) по трём номинациям: «Родина» – о преданной и деятельной любви к родной земле, землякам, Отечеству; «Детство» – романтические, приключенческие рассказы о золотой поре человеческой жизни; «Братья» – рассказы о «братьях наших меньших» и об их взаимодействии с человеком.

В данном репортаже добавим, что к рассмотрению (жюри не рецензирует, не консультирует и не вступает в переписку с авторами) принимаются не более трёх произведений (рассказов), каждый объёмом до 10 страниц. Предоставлять

электронную версию изданий и публикаций, выдвигаемых на соискание, можно лично или по электронной почте (barnaul1993@rambler.ru). Заказные письма/бандероли с изданиями (в трёх экземплярах – газеты, журналы, альманахи, книги) высылать по адресу: 656049, г. Барнаул, ул. Анатолия, 102, редакция журнала «Барнаул» (с пометкой: «На конкурс имени В. Б. Свинцова»). Телефон для справок (8-385-2) 63-27-26 (в рабочее время).

Приём заявок прекращается 10 июля 2011 года. Жюри завершит свою работу к 10 августа 2011 года. Итоги конкурса будут объявлены в Белом зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая в сентябре этого года на торжественной церемонии награждения лауреатов премии имени В. Б. Свинцова – с вручением памятных дипломов, серебряного нагрудного знака (с золотым барельефом) и денежного вознаграждения.

Творческие работы лауреатов (первые два конкурса в краевом статусе состоялись в 2009-м и 2010 годах) могут быть опубликованы в литературно-художественном и краеведческом журнале «Барнаул» (в последующем планируется издание коллективного сборника).

Андрей СМЕРНОВ.

МУЗЕЙНАЯ НОЧЬ В БАРНАУЛЕ

Вечером 14 мая в Алтайском крае успешно прошла «Музейная ночь-2011», в которой приняли участие более шестидесяти музеев. В Барнауле были заявлены самые разнообразные программы, большая часть из которых посвящена Году российской космонавтики, а также Году Испании и Италии в России.

Чуть подробнее: выставки живописи, поэтические чтения, хоровое пение, оркестровое и иное музицирование, боди-арт на лице и переодевание в исторические костюмы, участие в различных мастер-классах – проба кисти или угля на настоящем холсте, пиротехническое шоу, портреты на заказ и многое другое ожидало барнаульцев и гостей столицы Алтайского края в «Музейную ночь-2011».

Кстати, единые билеты на посещение всех музеев Барнаула закончились за день до начала проведения этой по-

пулярной международной акции. Вот и пришлось желающим стать участниками большого культурного форума покупать обычные билеты в каждом из музеев. Что ж, это ничуть не испортило настроение тем, кто хотел оказаться в атмосфере своеобразного праздника. Тем более что работал маршрут бесплатного проезда (по проспекту Ленина) – от муниципального музея «Город» до Государственного художественного музея Алтайского края (благо, что по ходу маршрута располагаются семь музеев!). Из желающих прокатиться в карете образца XIX века выстроилась весёлая очередь...

Редакция и авторы литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул» и литературного фонда «Август» внесли поэтический вклад в проект «Музейная ночь-2011»: сначала перед большой аудиторией поэты и авторы-исполнители выступили (с 19 до

20 часов) в мемориальном трамвайчике «Пятёрочка», который остановился на историческом кольце Старого базара, а затем (с 21 до 22 часов) в компании с другими членами Алтайской краевой организации Союза писателей России выступили в Белом зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая.

На фото – организаторы и участники музыкально-поэтического концерта в мемориальном трамвайчике «Пятёрочка» на кольце Старого базара: сотрудники Барнаульского МУП «Горэлектротранс», редакция и авторы журнала «Барнаул» и литературного фонда «Август».

Валерий ТИХОНОВ.

ПОЭТИЧЕСКИЙ «ТЫСЯЧЕЛИСТНИК» РАСЦВЁЛ В АПРЕЛЕ

8 апреля в Доме писателя (г. Барнаул, ул. Анатолия, 102) литературный фонд «Август» провёл первую презентацию первой книги стихотворений Николая Богормистова «Тысячелистник» (92 стр., 1000 экз., 46-е издание ЛФ «Август»).

Николай Сергеевич Богормистов родился на станции Повалиха Алтайского края. Окончил факультет журналистики Уральского госуниверситета имени А. М. Горького. Работал корреспондентом в областных газетах Павлодара и Кустаная, краевой газете «Молодёжь Алтая», в региональной «Сибирской газете», главным редактором городской газеты «Наш Новоалтайск» (февраль 1997 – апрель 2007). В настоящее время он работает корреспондентом краевой медицинской газеты «Мы и здоровье».

В Алтайском крае Николай Богормистов известен и авторитетен как журналист. Стихи пишет с юности. На рубеже 50-60-х годов походил в учениках известного в Алтайском крае поэта Геннадия Володина – друга замечательного русского поэта Николая Михайловича Рубцова.

Как поэт Николай Богормистов публиковался редко (пишет он и прозу – есть публикации в журнале «Алтай»). Из недавних самая заметная поэтическая публикация в периодике – в № 2 журнала «Барнаул» за 2010 год. Он представлен в трёх коллективных сборниках стихотворений. И вот в декабре 2010 года отважился на издание первой книги своих стихотворений – именно так он решил отметить собственный день рождения,

который приходится на 1 апреля. Дело в том, что его нынешнее первоапрельское юбилейное – Николаю Сергеевичу Богормистову исполнилось 70 лет.

На презентации выступили все члены редколлегии ЛФ «Август». Конференцзал Дома писателя был полон – пришли писатели, журналисты, студенты-филологи... И книгу, и авторское чтение собравшиеся встретили весьма доброжелательно. Николай Богормистов отвечал на вопросы читателей. Общение удалось.

Вторая презентация «Тысячелистника» Николая Богормистова состоялась 28 апреля в средней школе станции Шпагино Первомайского района. Дело в том, что поэт своей родиной считает не станцию Повалиха, где родился, а станцию Шпагино. Что ж, имеет право, поскольку именно здесь прошли его младенческие, детские и юношеские годы.

На встречу с известным земляком пришли не только школьники и учителя, но и другие шпагинцы, в том числе и три одноклассника Коли Богормистова. Да, им тоже по 70 лет. И парни они что надо!

Более часа звучали стихи и ответы на многочисленные вопросы. Тут школьники были неумолимы – расспрашивали о детстве, о том, есть ли у Николая Сергеевича стихи о станции Шпагино... Ответы поэта, искренние и достаточно полные, были ещё и проиллюстрированы дополнительным чтением стихотворений.

Не могу сказать, что Николай Богормистов был гостем... в своей школе. И не столько потому, что какой же он гость,

если земляк, сколько потому, что в неё Николай Сергеевич периодически навещается, каждый раз пополняя школьную библиотеку книгами из своей личной библиотеки. В этот раз он подарил всем присутствующим свою первую – авторскую! – книгу. Более того, он ещё и автографы свои на «Тысячелистнике» оставил.

Замечу, не с пустыми руками приехал в Шпагино и я – передал в дар школьной библиотеке две увесистые пачки поэтических и прозаических книг членов Алтайской краевой организации Союза писателей России и номера журнала «Барнаул». Да, надо было видеть радость на лицах учеников и учителей!.. А затем было фотографирование на память и обещание новых встреч (**на фото – Николай Богормистов в центре первого ряда**).

У средней школы станции Шпагино есть ещё один именитый выпускник (известный на весь мир!) – Владимир Сергеевич Балыбердин. На здании школы установлена Памятная доска, сообщающая, что «В этой школе с 1955-го по 1962 год учился будущий покоритель Эвереста Владимир Сергеевич Балыбердин». Вот так. Да, Владимир Сергеевич Балыбердин – участник первой советской экспедиции на Эверест. Согласитесь, есть с кого брать пример нынешним мальчишкам и девчонкам – ученикам Шпагинской средней школы.

И это ещё не всё.

19 мая в г. Новоалтайске состоялась третья презентация «Тысячелистника» Николая Богормистова – она с успехом прошла в Центральной библиотеке имени замечательного русского поэта Леонида Семёновича Мерзликина. Новоалтайцы ждали эту встречу ещё и потому, что Николай Богормистов в течение 10 лет (1997-2007 гг.), работая главным редактором городской газеты «Наш Новоалтайск», оказывал серьёзную информационную поддержку краевым Мерзликинским чтениям (они ежегодно открываются в Барнауле – в Государственном музее истории литературы, искусства и

культуры Алтая, а затем в течение двух дней проходят в учебных заведениях и на предприятиях Новоалтайска). И стихотворениям членов новоалтайских литературных объединений находилось место на её страницах. С «Нашим Новоалтайском» в ту пору особенно активно сотрудничал поэт Геннадий Володин...

Кстати, за два дня до презентации «Тысячелистника» в Новоалтайске Николай Богормистов, Иван Мордовин и автор этих строк навестили уважаемого Геннадия Григорьевича Володина, живущего в частном секторе Новоалтайска на улице 8 Марта, и пригласили его к участию в презентации. Замечу, Геннадий Володин на рубеже 50-60-х годов, работая ответственным секретарём газет Красногорского и затем Первомайского районов и будучи руководителем краевого литературного объединения «Родник» (при газете «Молодёжь Алтая»), был наставником Николая Богормистова. И не только его, а многих (в ту пору начинающих) поэтов – Станислава Яненко, Геннадия Панова, Николая Черкасова, Леонида Мерзликина и других. Из той поэтической плеяды володинцев ныне здравствуют двое – Сергей Ключников и Николай Богормистов.

Примечательно, что Сергей Ключников и Геннадий Володин – лауреаты краевой литературной премии имени Л. С. Мерзликина (учредители – администрация г. Новоалтайска и Алтайская краевая организация Союза писателей России). Геннадий Володин – за книгу «Волны души», изданную ЛФ «Август» в 2001 году – к его 65-летию. А вот уж – 18 декабря сего года – и 75-летие Геннадия Григорьевича.

Вернёмся к «Тысячелистнику», точнее к третьей презентации первой поэтической книги Николая Богормистова, на которую пришли учителя, библиотекари и пишущая братия Новоалтайска.

В первой части об авторе говорил редактор-составитель книги Иван Мордовин, редактор отдела поэзии журнала

«Барнаул», и автор этих строк. Затем читал стихи из «Тысячелистника» и отвечал на вопросы собравшихся Николай Богормистов. В финале общения в дар библиотеке я передал от «Барнаула» подборку номеров журнала и подборку книг прозаика Владимира Свинцова, а Николай Богормистов... «зарифмовал» количество прожитых лет с «Тысячелистником» – ровно 70 экземпляров он подарил читателям, пришедшим на презентацию, и библиотекам г. Новоалтайска. Вот почему данная встреча была не представлением книги, а её настоящей

презентацией – она была именно подарена (презентована).

Запланированный цикл презентаций книги завершён. Впереди у «Тысячелистника» – самостоятельная жизнь. Впереди у ЛФ «Август» – новые издания. В июне мы сдали в типографию 47-й выпуск – поэтическую антологию «Встречи в августе» (272 страницы, твёрдый переплёт): восемь авторов ЛФ «Август» перевели стихотворения восьми известных в Алтайском крае немецких поэтов. Среди переводчиков и Николай Богормистов.

Валерий ТИХОНОВ.

ДВА ПИСАТЕЛЯ-РАЗВЕДЧИКА

СЛЕСАРЬ ИЗ БАРНАУЛА, СТАВШИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТОМ КГБ

Книги жанра «про шпионов» пользуются уже два столетия устойчивым читательским спросом (со времён одноименного классического романа Фенимора Купера). А второе дыхание у этого жанра открылось, когда появились первые книги-мемуары непосредственных бойцов «невидимого фронта». Не последнее место в ряду авторов таких мемуаров занимает наш земляк генерал-лейтенант Виталий Павлов.

Родился Виталий Григорьевич в Барнауле 30 сентября 1914 года. Трудовую деятельность начал слесарем-паровозником на Барнаульском вагоно-ремонтном заводе. С 1933-го по 1937 год учился в Сибирском автодорожном институте в Омске. После его окончания был направлен в органы государственной безопасности.

В 1938 году Павлов окончил Школу особого назначения НКВД и был за-

числен на работу во внешнюю разведку, где и прослужил полвека – до 1988 года. В конце 1930-х – начале 1940-х годов руководил американским направлением Иностранного отдела НКВД. Принимал участие в операции «Снег», по мнению многих исследователей, спасшей Москву переброской сибирских дивизий с Дальнего Востока на Западный фронт. В 1943-1946 годах Виталий Григорьевич был резидентом в Оттаве, работал с легендарным Рудольфом Абелем (Вилли Фишером).

Он также отвечал за подготовку и курировал работу коллег Абеля – Ирины Каримовой и её мужа Шамиля Хамзина, проработавших более 13 лет в Японии, готовил Африку де Лас Эрас (22 года на нелегальной работе в Западной Европе и Латинской Америке) и её супруга Джованни Бертони, а также многих других героев «тайного фронта». По линии нелегальной разведки Виталий Григорьевич прослужил 11 лет, в 1958-1961 годах был началь-

ником этого управления, в 1961-1966 годах – заместителем начальника всей внешней разведки.

Затем возглавлял резидентуру в Вене, с 1971-го по 1973 год был начальником Краснознамённого института КГБ СССР имени Ю. В. Андропова (в настоящее время – Академия внешней разведки), потом представителем КГБ СССР при МВД Польской Народной Республики, старшим консультантом одного из управлений внешней разведки.

Виталий Павлов владел английским, французским, немецким и польским языками. В 1987 году вышел в отставку по возрасту.

За большие заслуги по обеспечению государственной безопасности был награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями, а также нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности».

Автор книг «Операция «Снег». Полвека во внешней разведке КГБ» (1996), «Руководители Польши глазами разведчика» (1998), «Сезам, откройся!» Тайные разведывательные операции» (1999), «Трагедии советской разведки» (2000), «Женское лицо разведки» (2003), «Управление «С». Во главе нелегальной разведки» (2006). Умер в Москве 11 апреля 2005 года.

В 2010 году состоялось очередное переиздание книги нашего земляка – «Тайное физическое проникновение на иностранные объекты». Ещё в первом, прижизненном, издании этой книги «Сезам, откройся!» в 1999 году автор сделал попытку назвать имена большинства отечественных перебежчиков-разведчиков из ГРУ и КГБ. Может быть, в этом горьком для профессионала признании было его понимание великих шукшинских строк «Нравственность есть правда!»?..

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ УЧИТЕЛЬ ИЗ БИЙСКА, ПОХОРОНЕННЫЙ ЗА ОКЕАНОМ

Некоторые откровения названных Виталием Павловым предателей давно превращены в долгоиграющие (в том числе и посмертно) пропагандистские проекты их хозяев, проекты, далёкие и от литературы, и от документалистики. В качестве примера можно назвать хотя бы «литературное творчество» ещё одного уроженца Алтайского края – Петра Дерябина.

2 сентября 1992 года в американской земле был похоронен 71-летний пенсионер, бывший капитан МГБ и бывший старший эксперт ЦРУ, один из первых и самых известных послевоенных советских разведчиков-перебежчиков. Пётр Сергеевич Дерябин родился 13 февраля 1921 года в алтайском селе Локоть (ныне Целинного района) в многодетной семье плотника, чья жена Степанида родила одиннадцать детей, но выжили только трое. В семь лет мальчик пошёл в сельскую школу.

По его воспоминаниям, когда он радостный пришёл домой в пионерском галстуке, отец назвал предмет его гордости «собачьим поводком»... В пятнадцать он стал комсомольцем, в 1937 году окончил школу, а через год получил профессию учителя в Бийском пединституте (тогда ещё училище). В 1939 году – в год развязывания Гитлером войны в Европе – он был призван в армию и через месяц назначен «помощником политкомиссара в школе офицеров запаса» (так он писал позже, «адаптировав» под американцев обычную полковую школу Красной Армии).

В мае 1941 года Дерябин, комсомольский секретарь сапёрного батальона, становится членом партии. Осенью 1941 года под Москвой он получил серьёзное ранение в ногу. На следующую осень он, уже младшим политруком, направлен под Сталинград. Принимая участие в боях, был четырежды ранен.

Из его подразделения численностью 2800 человек в живых остался 151 боец. О нём (видимо, не зная его дальнейшей биографии) дважды писал в мемуарах бывший член Военного совета 31-й армии генерал-лейтенант Александр Георгиевич Русских: «В тяжёлых боях при форсировании Волги лейтенант Дерябин был трижды ранен, но не ушёл с поля боя, а продолжал вести огонь по врагу».

В апреле 1944 года в ходе операции по освобождению Одессы его 284-я дивизия форсировала Буг. Разведывательное подразделение переправилось на другой берег, но немецкой атакой было отброшено назад. При попытке добраться до своего берега Дерябин был ранен в спину и рухнул в болотистую почву. Проходивший мимо немец снял с него обувь, выстрелил в него и, считая Дерябина мёртвым, порылся в его карманах... Однако крепкий сибиряк выжил, несмотря на ранение в лопатку и лёгкое. Пролежав пять часов в болоте, он в 11 часов ночи был подобран своими и перенесён в безопасное и сухое место. В июне 1944-го Дерябина с отличной боевой характеристикой направляют в «высшую школу военной контрразведки». Закончил он учёбу в красном кирпичном здании на улице Станиславского, дом № 19 в апреле 1945-го.

Распределили Петра Дерябина на должность старшего оперуполномоченного МГБ в почти родной Барнаул. Летом 1947 года от плеврита здесь же умерла его жена Татьяна. Затем его перевели в Москву в центральный аппарат. С мая 1952 года – работа в австро-германском отделе Второго управления МГБ.

28 сентября 1953 года Дерябин со второй женой и маленькой дочерью прибыл поездом в Вену. 13 февраля 1954 года он бежит к американцам. Попав в Америку, несмотря на плохой английский, быстро освоился. Выдал ряд важных материалов о деятельности советской разведки, в ре-

зультате чего было арестовано несколько советских агентов – источников ценной информации. В 1957 году заочно приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни.

После длительной проверки в 1959 году Дерябин был принят на работу в качестве консультанта в ЦРУ США. Имел в ЦРУ репутацию авторитетного специалиста по истории и методам работы советской разведки и органов госбезопасности. Преподавал в учебном центре ЦРУ и Разведывательном колледже министерства обороны США. В 1965 г. дал в Конгрессе США показания о деятельности советской разведки в странах Запада. По заданию ЦРУ участвовал в расследовании по делу бывшего сотрудника КГБ Анатолия Голицына, побег которого к американцам сам же и прогнозировал в 1954 году. Советовал американцам осторожно подходить к сенсационным разоблачениям Голицына, поскольку хорошо знал фигуранта как авантюриста и прожектёра.

Расследование Дерябина, по оценке некоторых историков разведки, активно на четверть века парализовало контрразведывательные операции американских спецслужб.

Долгие годы Дерябин принимал участие в подготовке и проведении ряда идеолого-пропагандистских акций против СССР, в том числе в подготовке книг: автобиографии «Секретный мир» («The Secret World», 1959, совместно Фрэнком Гибни, переиздана в 1982 г.), «Записки Пеньковского» (1965, опять совместно с Фрэнком Гибни), «Watchdogs of Terror» (1979), «The KGB: Masters of the Soviet Union» (1982). В 1992 году в целях реанимации и внедрения пропагандистских стереотипов, выгодных США, совместно с Джерольдом Шектором (инициатором изданий как бы мемуаров П. Судоплатова) издал книгу об агенте ЦРУ Пеньковском «The Spy Who Saved the World» (в русском переводе – «Шпион, который спас мир: как советский полковник из-

менил курс «холодной войны» – М., «Международные отношения», 1993).

Смерть Дерябина, наступившая 20 августа 1992 года, окружена секретностью, место его захоронения до сих пор держится в тайне.

Зато усилиями неразборчивых издателей продолжается посмертное «шествие» книг предателя на бывшей родине – в 2000 году в Москве вышла книга Дерябина «Стражи Кремля. От «охранки» до 9-го управления КГБ». Кстати, в аннотации издателями в лучших традициях «развесистой клюквы» указано: «Бывший сотрудник КГБ, оставшийся на Западе в семидесятых годах (?! – Е. П.), воссоздаёт историю одной из самых таинственных структур государственной власти – охранной службы правителей страны (от царя Ивана Грозного до генсека Леонида Брежнева), каждый из которых стремился обезопасить себя от всевозможного заговора и создавал собственную службу безопасности, порой по

жестокости превосходящую службу предшественника». В том же 2000 году на Западе вышло компилятивное издание «новой» книги Дерябина «По ту сторону сталинского Кремля» («Inside Stalin's Kremlin»).

Вообще отношение к «творчеству» Дерябина как писателя всегда было спорным, хотя его книги давно растащили на цитаты по многочисленным публикациям о советской разведке. Вот, например, лишь одна из цитат – из книги Романа Гуля «Я унёс Россию. Апология русской эмиграции»: «В 1954 году бежавший на Запад из Вены видный работник КГБ Пётр Дерябин в своей книге на английском языке «Тайный мир» (стр. 280) рассказывает, что в Вене он работал с митрополитом Николаем Крутицким (в миру Борисом Дорофеевичем Ярушевичем), который давно состоял «кооптированным сотрудником» КГБ. Причём на совести этого высокопоставленного

«чекиста в рясе», тогда второго лица по рангу в Патриархии, лежит попытка предательства священника о. Арсения, пытавшегося бежать от Советов в Вене».

А вот оценка, которую той же книге дал ещё один офицер-перебежчик – скандально известный писатель Георгий Климов: «Нормально русские книги пишутся в Америке так. Вот появилась книга «Тайный мир» Петра Дерябина, бывшего подполковника советской разведки (неточно, капитана. – Е. П.). На обложке честно указано, что она написана со слов Дерябина кем-то другим. Затем появляется следующий боевик – «Записки Пеньковского», которого расстреляли в СССР за шпионаж. И на обложке сообщается, что вместо Пеньковского эту книжку оформил Дерябин. Тот самый Дерябин, который даже свою собственную книгу написать не мог, теперь бойко пишет вместо трупа Пеньковского. Чудеса!..»

Евгений ПЛАТУНОВ.

БАРНАУЛ В КОНТЕКСТЕ СИБИРИ

24 мая – в День славянской письменности и культуры – в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая прошла презентация книги из серии альманаха «Тобольск и вся Сибирь», посвящённой Барнаулу – его истории, знаменитым землякам и знаковым местам, его роли в сибирской и российской культуре.

История этого уникального историко-культурного проекта началась в 2003 году, когда общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» начал издавать книги, посвящённые городам Сибири. «Тобольск и вся Сибирь. Барнаул» – тринадцатый выпуск в книжной серии, до этого были изданы «Омск», «Красноярск», «Томск», «Тюмень», «Сургут», «Иркутск» и др. Создатели проекта объясняют, что географически и содержательно книги направлены с запада на восток – от

Урала к Камчатке, – так в своё время шли первопроходцы Сибири.

В ближайших планах – издание книг о Бийске и Новосибирске, о городах Хакасии и Якутии и т. д.

Книги данной серии (более фолианты, чем тома!) отпечатаны в типографии Вероны (Италия). Книга «Барнаул» – это твёрдый переплёт, 615 страниц, превосходное оформление, изобилие цветных фотографий и высококачественных репродукций (редактор-составитель – Александр Родионов, фотограф – Александр Волобуев, художник – Дмитрий Петров), очерки об истории Барнаула, музыке, о его театральной и музыкальной жизни, архитектуре, именитых земляках. В поэтическом разделе представлены произведения авторов разных эпох – Егора Ковалевского, Александра Пиотровского, Ивана Тачалова, Леонида Мерзликина, Александра Зуева, Ивана Жданова и Владимира Башунова.

Писатель и журналист Анатолий Кирилин рассказывает о художнике Глебе Бельшеве – замечательном художнике по тканям, работавшем в своё время на Барнаульском хлопчатобумажном комбинате. Критику Виктору Горну, живущему с середины 90-х в Германии, принадлежит статья о В. М. Шукшине. Актёры, музыканты и музыковеды, художники, музейные сотрудники, литераторы, историки присутствуют в томе «Барнаул» и как авторы, и как герои статей.

Право напутственного слова, открывающего книгу, было отдано Георгию Гребенщикову – отрывок, посвящённый приходу первых русских поселенцев на Алтай, написан им в 1926 году.

Снимки одного из первых барнаульских профессиональных фотографов Сергея Борисова показывают нам город

на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков – улицу Л. Н. Толстого, Конюшенный переулок, Московский проспект... Хороши и работы современных фотографов.

На презентации книги «Тобольск и вся Сибирь. Барнаул» выступил председатель общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов, а также авторы некоторых глав: писатель Владимир Коржов, музыковед и журналист Михаил Стюхин, мастер музыкальных инструментов Александр Гнездилов, театровед Ирина Свободная, писатель и архитектор Сергей Боженко, учёный Михаил Шишин и другие.

Собравшимся на данную презентацию были представлены и другие книги фонда «Возрождение Тобольска».

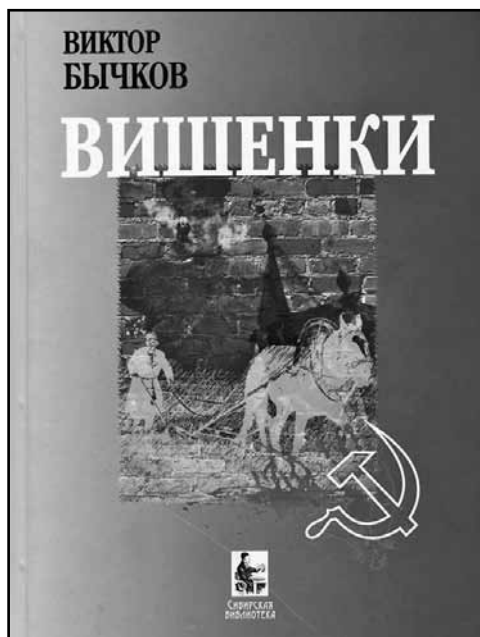
Андрей СМЕРНОВ.

ОТ «ВЕЗУНЧИКА» ДО «ВИШЕНОК»

С прозой барнаульского писателя Виктора Бычкова я знаком по роману «Везунчик». И потому, беря в руки новую его книгу – роман «Вишенки» (Барнаул, «Сибирская библиотека», ОАО «Алтайский дом печати», редактор и автор предисловия Сергей Филатов, 316 стр., 1000 экз.), был уверен, что чтение будет лёгким и интересным. Не потому, что читать можно поверхностно, не погружаясь особо в судьбы и мысли героев, а потому, что автор придерживается традиционной классической манеры русского романа, не изобретая чего-либо нового, из ряда вон выходящего, чтобы привлечь внимание ленивого, увы, нынешнего читателя. Автор просто повествует...

В романе «Вишенки» автор прослеживает судьбы двух крестьянских семей – Кольцовых и Гриней – с конца Гражданской войны до начала Великой Отечественной. Причем это не отрешённое слежение «со стороны», а непосредственное погружение писателя, а вслед за ним и читателя, в ту бурную,

кровавую и до сих пор не до конца осмысленную эпоху революций, разрух и братоубийственных противостояний. Автор проникается тревожным духом того времени. Он не понаслышке знаком с бытом и укладом деревенской жизни. И герои его романа настолько ярко и правдиво выписаны, что буквально с первых страниц начинаешь верить и сопереживать им, проживать все события вместе с ними. Это сильные, честные, трудолюбивые и по-крестьянски мудрые Ефим Гринь и Данила Кольцов, хотя настолько разные характерами, что автор до конца романа так и не смог примирить этих двух бывших неразлучных друзей. Это замечательный поп – отец Василий, истинно русский батюшка, являющийся не только посредником между человеком и Богом, но и мировым судьёй, усмирителем деревенских драк и гасителем семейных конфликтов. Вера и любовь к людям – главное его оружие – настолько сильны и искренни, что вызывают уважение даже у врагов. Это замечательный человек Макар Щербич, помещик, от-

давший всё своё хозяйство новой власти и удалившийся на Соловки. Это и дед Прокоп, драчун, балагур и местный оракул, не растративший мальчишеского задора до самой смерти своей. В романе нет ни одного «проскользнувшего», бледного образа. Даже такие вроде бы незначительные, как юродивый Емеля или Дуська-пулемётчица с двумя «апостолами», пусть и в коротких эпизодах, но так живо предстают перед читателем какой-либо чертой характера, верно подмеченной автором, вскользь ли брошенной фразой, что их уже не забудешь.

Автор не побоялся взяться за историческую тему, пытаюсь осмыслить и как можно точнее передать тревожный, мятущийся дух эпохи. Поэтому роман очень насыщен диалогами, монологами – спорами и раздумьями. При чтении этих мест у меня начало подспудно возникать какое-то сопротивление, даже недоверие, что ли... Создалось впечатление, что автор свои уж очень современные мысли вкладывает в уста героев, заставляя их смотреть на происходящие события с сегодняшней точки зрения.

Вот размышления отца Василия в тюрьме: «Видно, враги Руси нашей поняли, что победить, поставить её на

колени никогда и никому не удастся. Так решили руками самих же россиян, православных, изменников, предателей, проделать это, подорвать изнутри?» (это о власти большевиков). Или вот, к примеру, рассуждения Макара Щербича: «...Какой же он мироед, если давал людям работу и за счёт этой работы нанятый работник жил, кормился сам и содержал семью? И, прошу заметить, в Вишенках народ в большинстве своём зажиточный, как и в Борках, а в этом немалая заслуга старосты деревни Логинова Николая Павловича и пана Буглака. Неужели у новой власти другие методы выживания, без труда? Или она не собирается давать людям возможность трудиться, зарабатывать на жизнь работой, трудом праведным?» Ну ладно, это Макар, более-менее грамотный... Но вот выдержка из выступления на колхозном сходе деда Прокопа, инвалида, безграмотного бедняка, который последний десяток лет дальше своего огорода и носа-то не высовывал: «Я так мыслю, а уж вы рассудите сами. Вместо того чтобы хлебушко растить, эта власть затеяла войну, взбаламутила народишко, натравила друг на дружку, а жрать-то надо! А сеять-пахать некому, вот и оно. Значит, будут забирать силой, без спросу. А кто же запросто так своё отдавать будет? Значит, власть будут, как бандиты, изымать, мужик пойдёт защищать своё, кровное, и получит пулю промеж глаз от власти народной. Просто, как решето, к попу не ходи. Помяните мои слова, граждане».

Я прошу прощения за столь длинные выдержки из текста. Они необходимы, чтобы объяснить, что же вызвало у меня сомнение, недоверие...

Прочитал роман и задумался: а по какому, собственно, праву я лишаю этих людей возможности мыслить так, как мыслю сегодня сам? Что с того, что события эти почти столетней давности? Что с того, что это неграмотные крестьяне? Человек-то ведь никак не изменился, не стал умнее ни на йоту. И думал он

тогда точно так же, и чувствовал так же, и любил...

Почему это я вдруг засомневался в правдивости поступка родителей Марфы и Глаши, бросившихся в омут? Что Анна Каренина бросилась под поезд – верю, а этим – нет? Эка куда хватил: то всё же Толстой и Каренина! Ну и что? Простые крестьяне совсем по-другому любят? Да нет же! И любят, и мыслят, и чувствуют точно так же. И напрасно я им пытаюсь в этом отказать.

С такими мыслями перечитал роман ещё раз. И всё встало на свои места. И никаких вопросов. Признаюсь, автор оказался мудрее меня, приученного и продолжающего по инерции взирать на то время только с «героической колокольни» Павки Корчагина. Автор оказался мудрее и правдивей. И я вслед за ним чуточку поумнел, за что ему искренне благодарен.

Сергей ЧЕПРОВ.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

6 июня в Барнауле у памятника Пушкину и в краевом Доме писателя вручены Пушкинские премии.

Торжество в день рождения великого русского гения в краевом центре началось в этом году в 14.00, поскольку барнаульские школьники сдавали ЕГЭ. Премия, учреждённая городской администрацией, вручается у памятника А. С. Пушкину молодым дарованиям Барнаула с 2000 года. Ежегодно в пушкинском конкурсе участвуют десятки молодых поэтов столицы Алтайского края.

В сквере у памятника Пушкину 6 июня было оживлённо. Здесь экспонировались работы на пушкинскую тему юных художников Барнаула, книги из городских библиотек, а совсем юным – показана кукольная инсценировка пушкинской «Сказки о попе и работнике его Балде». В торжестве в честь Пушкина приняли участие городской духовой оркестр, Русский камерный оркестр Барнаула, городской академический хор, а также ансамбль классического танца «Эос».

Звания лауреата премии имени А. С. Пушкина в 2011 году удостоены учащаяся барнаульской гимназии № 40 Ольга Дорохова и учащаяся гимназии № 42 Наталья Костюхина. Комиссия, в которую входили представители администрации и писатели Алтая, отметила

творчество ещё четырёх молодых поэтов Барнаула. Пушкинскими дипломантами стали Андрей Воробьёв, Елена Мажник, Анна Леонтьева и Илья Нузиков. У памятника русскому гению благодарные барнаульские поэты прочли свои стихи.

Вторая часть Пушкинского праздника проходила в стенах краевого Дома писателя. Здесь открылись VI Малые Пушкинские чтения, которые традиционно проводит Алтайская краевая организация Союза писателей России и Алтайское краевое отделение политической партии КПРФ. Открыл Малые Пушкинские ответственный секретарь краевой писательской организации Сергей Бузмаков. С приветственным словом к собравшимся обращался главный редактор журнала «Барнаул» Валерий Тихонов.

В рамках Пушкинского дня в Доме писателя со своими поэтическими произведениями выступили лауреаты премии имени А. С. Пушкина Артём Деревянкин, Юлия Нифонтова и Елена Рябова, а также нелауреаты Иван Образцов, Евгения Ткалич и Надежда Митягина. Поэтический дух праздника поддержал пушкинскими романсами дуэт Ванды Ярмолинской и Майи Любецкой, а также артист краевого театра музыкальной комедии Геннадий Цинне. Вершина поэтического праздника в Доме писате-

ля – вручение диплома лауреата премии имени А.С. Пушкина.

Представитель Алтайского краевого отделения КПРФ Иван Шевченко и директор краевого автономного учреждения «Алтайский дом литераторов» Юлия Нифонтова вручили лауреатскую награду – памятный диплом и денежную

премию – поэту, ветерану Великой Отечественной войны Владимиру Субботину за поэтические книги «Избранное» и «Не время лежать на печи». В ответном слове лауреат 2011 года прочитал собравшимся ценителям творчества А. С. Пушкина свои стихотворения.

Алексей Пономарь.

КНИГА ОБ ИВАНЕ ПЫРЬЕВЕ

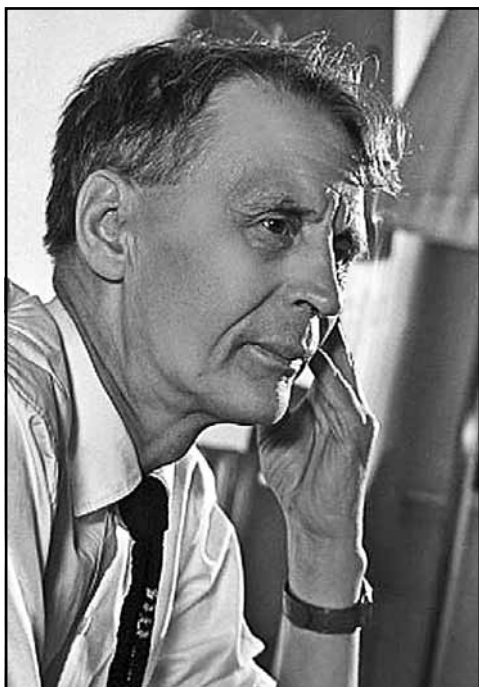
В крае готовится к изданию книга, посвящённая 110-летию со дня рождения выдающегося кинорежиссёра Ивана Александровича Пырьева. Над ней работают специалисты Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) Игорь Коротков, Елена Огнева, киновед и доктор искусствоведения Валерий Фомин. Книга выйдет в рамках губернаторского издательского проекта.

– Наша работа – это дань памяти человеку, 40 лет жизни отдавшему служению отечественному киноискусству, – отметила заместитель директора

музея Елена Огнева. – В книгу войдёт исключительно документальный материал, который отразит все ипостаси творческой и невероятно деятельной личности кинорежиссёра.

Собирая необходимые материалы, сотрудники ГМИЛИКА побывали в центральных архивах и музеях. В частности, была проделана работа по выявлению, изучению и копированию исторических источников в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в Центральном государственном музее кино, во ВГИКе, в Госфильмофонде РФ, частных архивах кинематографистов. В результате было скомплектовано более 1400 единиц исторических источников о жизни и творчестве кинорежиссёра И. А. Пырьева. В их числе 132 копии документов из фонда РГАЛИ, 16 цифровых копий киноплакатов, 44 живописных и графических эскиза художников-постановщиков фильмов И. А. Пырьева, 47 фотографий из фонда Центрального государственного музея кино и другие материалы.

По мнению составителей книги, собранные исторические источники позволят представить весь его творческий путь. Отдельные комплекты материалов собраны по каждой картине кинорежиссёра: в них входят документы по производству картин, стенограммы обсуждений литературных и режиссёрских сценариев, обсуждения худсоветами студии «Мосфильм», Министерства кинематографии СССР (позже Госкино) фильмов Ивана Александровича, а так-

же материалы, связанные с прокатной и фестивальной судьбой его картин.

Особо ценные документы относятся к 1920-1940 годам и периоду Великой Отечественной войны. Они передают неповторимую атмосферу времени становления советской кинематографии и превращения её в идеологический инструмент.

В состав книги войдут также документы, отражающие работу Пырьева в Алма-Ате во время эвакуации; свидетельства о том, что Иван Александрович выезжал на фронт в качестве военного корреспондента весной 1945-го и др.

В книге будут представлены и материалы, характеризующие вклад Пырьева в восстановление общественной киножизни в Москве по окончании войны, возрождение деятельности Дома кино. В книгу войдут и письма Пырьева, адресованные Борису Барнету, Сергею Герасимову, Александру Згуриди, Михаилу Ромму, Николаю Погодину. Особый исследовательский интерес представляют материалы о творческих замыслах Ивана Александровича, весьма плодотворно работавшего в качестве сценариста и соавтора сценариев. Удалось найти документы по таким неосуществлённым постановкам, как «Мёртвые души», «Иван Грозный – собиратель России» («За великую Русь»), «Катюша Маслова», «Война и мир».

Исчерпывающим по составу документов будет и раздел книги, посвящён-

ный Союзу кинематографистов СССР, инициатором создания которого и председателем его оргкомитета был Иван Александрович. В сбор документов по данной теме, как и по другим разделам готовящегося издания, неоценимый вклад внёс киновед, доктор искусствоведения Валерий Фомин. «Символично, что дело сохранения благодарной памяти об этом неординарном человеке и труд по документально точной фиксации всех его творческих и общественных дел и заслуг с должной мерой понимания и ответственностью берут на себя его земляки. Именно в Алтайском крае, где родился кинорежиссёр и где прошли его отроческие годы, будет издана книга, которая опровергнет все домыслы и ложные представления об Иване Александровиче, тиражируемые в последнее время», – отмечают составители издания.

Стоит отметить, что Иван Александрович Пырьев очень трепетно относился к Алтаю. Здесь он снимал некоторые сцены фильма «Сказание о земле Сибирской»; приезжал в 1962 году по приглашению Алтайского крайисполкома КПСС, организовав для жителей Алтайского края народный фестиваль. О его славной творческой биографии земляки узнают из книги «Иван Пырьев», которая будет издана в ноябре этого года в рамках губернаторского издательского проекта.

Галина ЗАМЯТИНА.

